

ISSN 2072-8379
ISSN (online) 2310-712X

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Лингвистика

КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ
В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА
МАШИННОГО ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА:
5 ЛЕТ СПУСТЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ СИМПЛИФИКАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ НА ОСНОВЕ КОРПУСА (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОГО ПЕРЕВОДА «БРОНЗА И ПОДСОЛНУХ»)

2022 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 10.02.04 – Германские языки; 10.02.05 – Романские языки; 10.02.19 – Теория языка; 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и со-поставительное языкознание.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 10.02.04 – Germanic languages; 10.02.05 – Romanic languages; 10.02.19 – Theory of the language; 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ощепкова В. В. – д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Жирова И. Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Максименко О. И. – д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Гринев-Гриневич С. В. – д. филол. н., проф., Университет в Белостоке (Республика Польша)

Епифанцева Н. Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Карпова О. М. – д. филол. н., проф., Ивановский государственный университет

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия)

Латышев Л. К. – д. филол. н., проф., МГОУ

Левченко М. Н. – д. филол. н., проф., МГОУ

Маслова В. А. – д. филол. н., проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь)

Николаева О. В. – д. филол. н., доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Носович Я.-Ф. М. – д. филол. н., проф., Лингвистическая высшая школа в Варшаве (Республика Польша)

Пан Кё Ён – д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Пешкова Н. П. – д. филол. н., проф., Башкирский государственный университет

Прошина З. Г. – д. филол. н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Сесил Л. Нельсон – доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

Скуратов И. В. – д. филол. н., доц., МГОУ

Стернин И. А. – д. филол. н., проф., Воронежский государственный университет

Туголукова Г. И. – к. филол. н., проф., МГОУ

Филиппова И. Н. – д. филол. н., доц., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

**Индекс серии «Лингвистика»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40713**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 1. – 138 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic»:
Moscow Region State University

Issued 6 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

V. V. Oshchepkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I. G. Zhirova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O. I. Maksimenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

O. M. Karpova – PhD in Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

L. K. Latyshev – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

M. N. Levchenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

V. A. Maslova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok);

J. F. Nosowicz – Doctor in Philological Sciences, Professor, Warsaw School of Applied Linguistics (Poland);

Pang Gyo-Youn – Doctor in Philological Sciences, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bashkir State University;

Z. G. Proshina – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

Cecil L. Nelson – Ph.D., Indiana State University (Terre Haute, Indiana, USA);

I. V. Skuratov – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

J. A. Sternin – Doctor in Philological Sciences, Professor, Voronezh State University;

G. I. Tugolukova – PhD in Philological Sciences, Professor, MRSU;

I. N. Filippova – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series "Linguistics" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73342.

Index of the series «Linguistics» according to the Union catalog «Press of Russia» 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the Moscow Region State University" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2022. – № 1. – 138 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Даниленко И. А.</i> Роль текстовых когнитивных атTRACTоров при построении вариативных текстовых миров.	6
<i>Левченко М. Н.</i> Категория информативности в философском тексте.	14
<i>Степанова Е. С.</i> Мифы о чудесных исцелениях: лингвистические и аксиологические аспекты	24
<i>Строганова Т. В., Федченко Е. Н.</i> Идиоматика речи персонажей в экранизациях романов Агаты Кристи.	33
<i>Улиткин И. А.</i> Автоматическая оценка качества машинного перевода научного текста: 5 лет спустя	47

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Малахова В. Л.</i> Анализ формирования мультимодального смыслового пространства английского дискурса через призму интегративной функциональной методологии . .	60
---	----

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Vix A. B.</i> Эллипсис знаменательных частей речи как средство экономии во франкоязычном медиадискурсе	70
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Полифункциональность лексемы <i>or</i> в старо- и среднефранцузском языках	78

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Гусева А. Е., Мальцева Л. Г.</i> Интерпретирующий характер лексической категории «речевое воздействие» (на материале русского и английского языков)	90
<i>Доу Цзин.</i> Исследование симплификации в переводе детской литературы на основе корпуса (на материале русского перевода «Бронза и подсолнух»)	101
<i>Симашко Т. В., Чалова Л. В.</i> Структурирование художественного текста как основа для исследования его переводов	110
<i>Соловьев Е. А.</i> Анималистические сравнения в переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык	124

Некролог. Памяти Виктора Ивановича Шаховского	136
---	-----

CONTENTS

THEORY OF LANGUAGE

<i>I. Danilenko.</i> The Role of Text Cognitive Attractors at the Construction of Variable Text Worlds	6
<i>M. Levchenko.</i> The Category of Information in a Philosophical Text	14
<i>E. Stepanova.</i> Myths about Miraculous Healing: Linguistic and Axiological Aspects	24
<i>T. Stroganova, E. Fedchenko.</i> Phraseology of Character Speech in Films Based on Novels by Agatha Christie	33
<i>I. Ulitkin.</i> Automatic Evaluation of Machine Translation Quality of a Scientific Text: Five Years Later	47

GERMAN LANGUAGES

<i>V. Malakhova.</i> Analysis of the Formation of English Discourse Multimodal Sense Space From the Perspective of Integrative Functional Methodology	60
---	----

ROMAN LANGUAGES

<i>A. Vikh.</i> Ellipsis of Significant Parts of Speech as a Means of Economy in Francophone Media Discourse	70
<i>Yu. Auseichyk.</i> Polyfunctionality of the Lexeme <i>or</i> in the Old and Middle French Languages	78

COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

<i>A. Guseva, L. Maltseva.</i> The Interpretive Nature of the Lexical Category “Speech Influence” (On the Material of the Russian and English Languages)	90
<i>Dou Jing.</i> A Corpus-Based Study on the Simplification of Children’s Literature Translation: A Case Study of the Russian Version of “Bronze and Sunflower”	101
<i>T. Simashko, L. Chalova.</i> Structuring of a Literary Text as a Basis for the Investigation of Its Translations	110
<i>E. Solov'yeva.</i> Animal Similes in the Nineteenth-Century French Translations of Mikhail Lermontov’s Novel “A Hero of Our Time”	124
Obituary. In Memory of Viktor Shakhovskoy	136

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-6-13

РОЛЬ ТЕКСТОВЫХ КОГНИТИВНЫХ АТТРАКТОРОВ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ВАРИАТИВНЫХ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ

Даниленко И. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российской Федерации

Аннотация

Цель работы – выявить текстовые когнитивные атTRACTоры при построении текстового мира. Определить роль автора и читателя в создании текстового мира.

Процедура и методы. В статье рассматривается процесс построения текстового мира посредством текстовых когнитивных атTRACTоров. Автор даёт определение понятию «текстовый когнитивный атTRACTор» и приводит их классификацию, определяет роль читателя-адресата и читателя-реципиента в процессе создания текстового мира. Использован метод сплошной выборки и метод когнитивно-герменевтического анализа для выявления «авторских», контекстуальных номинантов. Выдвигается идея о том, что часть номинантов, входящих в номинативное поле концепта-доминанты, формирует текстовые когнитивные атTRACTоры.

Результаты. Текстовые когнитивные атTRACTоры являются одним из ключевых элементов, которые обуславливают вариативность построения текстовых миров в зависимости от языковой личности читателя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в последующих исследованиях в рамках теории текстовых миров и теории когнитивных текстовых атTRACTоров.

Ключевые слова: теория текстовых миров, текстовые когнитивные атTRACTоры, читатель-адресат, читатель-реципиент, художественный текст

THE ROLE OF TEXT COGNITIVE ATTRACTORS AT THE CONSTRUCTION OF VARIABLE TEXT WORLDS

I. Danilenko

Belgorod State National Research University
85 ulitsa Pobedy, 308015 Belgorod, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the role of cognitive text attractors within the process of text world constructing. To determine the role of the author and the reader in the process of text world creating.

© CC BY Даниленко И. А., 2022.

Methodology. The article discusses the process of constructing a text world by means of textual cognitive attractors. The author of the article defines the concept of a textual cognitive attractors, gives their classification and determines the role of a reader-addressee and a reader-recipient in the process of creating a text world. In the process of identifying author's textual cognitive attractors the method of continuous sampling from a literary text was used, as well as the method of cognitive-hermeneutic analysis to identify "author's" nominees. An idea is put forward that some of the nominees included in the nominative field of the dominant concept can be considered as text attractors.

Results. The study demonstrates that text cognitive attractors are one of the key elements that determine the variability of the construction of textual worlds depending on the linguistic identity of the reader.

Research implications. The results obtained can be used in subsequent studies within the framework of the text worlds theory and the theory of cognitive text attractors.

Keywords: text worlds theory, textual cognitive attractors, reader-addressee, reader-recipient, literary text

Введение

Текст – это один из основных объектов, которые изучает когнитивная лингвистика. В рамках художественного текста раскрывается весь интерпретативный потенциал когнитивно-герменевтического метода исследования, под которым мы понимаем процесс интерпретации номинативных единиц, выявленных в когнитивных структурах, составляющих концептосферу художественного текста как совокупность художественных концептов, поскольку именно художественные концепты составляют концептосферу художественного текста. Концепты, реализуясь в художественном тексте, приобретают дополнительные оттенки и смыслы, а их интерпретация является задачей когнитивной лингвистики.

Так, И. Р. Гальперин отмечает, что «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых языковых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, стилистической связи, имеющих определенную целенаправленность и прагматическую установку» [2, с. 14].

В то же время Н. Ф. Алефиренко указывает, что текст – это «целостное коммуникативное образование, компоненты

которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора» [1, с. 303]. Именно интенция автора является решающим фактором отбора языкового материала для формирования концептов на этапе создания текста. Наряду с интенцией автора, «все элементы текста интегрируются текстовым целым, обретают в нем большую или меньшую степень релевантности для раскрытия глубинного текстового смысла, воздействуют на когнитивную систему читателя, до сознания которого художник стремится донести свою истину» [10, с. 142].

Художественный текст может быть интерпретирован с различных точек зрения.

РЕЗУЛЬТАТЫ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Роль автора при построении текстовых миров

Концептосфера художественного текста состоит из художественных концептов, отсюда исследование художественного текста как формата реализации художественных концептов представляет собой выявление авторского замысла, поскольку в концепте «зафиксированы ценные комплексы семантических смыслов» [5, с. 113]. Е. А. Ерёменко высказывает идею об индивидуальности художественного концепта в силу того, что он «происходит из индивидуального сознания ав-

тора» [4, с. 122]. Эта «индивидуальность» художественного концепта и порождает плюрализм его восприятия: В сознании не каждого читателя индивидуально-авторский художественный концепт вызовет те же самые образы и ассоциации, которые в него были заложены писателем. Если послание автора, переданное при помощи текста, правильно расшифровано читателем, то текстовый мир считается созданным. Теория текстовых миров наглядно описывает взаимоотношения автора и читателя: один создаёт текст, а второй его воспринимает.

Текст, как сюжетно-тематическая рамка, формируется под влиянием интенции и идиостиля автора. Название, как компонент текста, привлекает читателя. Частотность употребления ядерных номинантов художественных концептов или номинантов, входящих в приядерную зону, выполняет схожую функцию. Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным мы рассматриваем структуру концепта как полевую, состоящую из ядра, приядерной зоны, ближней и дальней периферии [7].

Изначально выбор читателя основывается на названии произведения. Читатель, желающий прочесть художественный текст о войне, будет обращать внимание на название, коррелирующее с военной темой. Сам текст по отношению к названию является его «пояснением», своеобразной расшифровкой.

В рамках концептосферы художественного произведения некоторые из художественных концептов, в связи с их сюжетно-тематической обусловленностью, могут приобретать статус концепт-доминанты, который решает задачу автора донести до читателя главную идею произведения. Концепт-доминанта репрезентирован в рамках художественного текста наибольшим количеством номинативных единиц, входящих в его номинативное поле, и служит основой для построения сюжета.

Рассмотрение концептов-доминант нацелено на изучение их номинативных

полей, в которые входят различные номинанты: слова, словосочетания и даже целые предложения.

Отметим, что в художественном тексте среди концептов-доминант есть один сюжетообразующий концепт. Кроме того, возможно наличие нескольких концептов-доминант. Под сюжетообразующим концептом мы понимаем один из концептов-доминант, который служит основой для построения сюжета.

Например, в романе немецкого писателя Эриха Марии Ремарка “Der Funke Leben”¹ (Искра жизни) рассказывается о немецких заключённых концентрационного лагеря во время Второй Мировой войны. Примечательно, что действие происходит в апреле 1945 г. и заключённые догадываются о скором завершении войны. Идея надежды на выживание получила отражение и в названии романа «Искра жизни». Исследование показало, что идея Э. Ремарка рассказать историю о том, как немцы поступали со своим же народом и о личных историях людей представлена концептами-доминантами – KRIEG (ВОЙНА), (LEBEN) (ЖИЗНЬ), HOFNUNG (НАДЕЖДА). Среди перечисленных концептов-доминант концепт-доминанта ЖИЗНЬ является сюжетообразующим, поскольку вокруг него строится сюжет романа.

Лексические единицы, формирующие название текста, как правило, входят в номинативное поле сюжетообразующего концепта. В названии рассматриваемого романа выявлена лексема, которая является ядром этого концепта – имя существительное Leben. Другая лексема – имя существительное Funke (искра), так же входит в номинативное поле художественного концепта HOFNUNG (НАДЕЖДА). В своём романе Э. М. Ремарк отождествляет человеческую жизнь с огнём. Свободный человек живёт полной жизнью – огонь горит. Люди, заключённые в концлагере, наход-

¹ См.: Remarque E. M. Der Funke Leben // ЛитМир: электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=99739> (дата обращения: 19.08.2021).

дятся на краю смерти, они не живут – они выживают. Заключённые всё время живут надеждой на возможное освобождение, но их жизни не угольки пассивно дотлевающие: заключённые борются, строят планы восстания, собирают оружие. Их жизни как маленькие искры, готовые вырваться на свободу и разжечь пожар. Искра представлена Э. М. Ремарком как надежда на борьбу, как вызов, который заключённые бросают лагерной охране.

Читатель, желающий прочесть роман о тяготах военного времени, о том, как люди боролись за жизнь, обратит внимание именно на этот роман. Если же читатель имеет намерение найти роман непосредственно о войне, военных действиях и подвигах солдат, то он, скорее всего, не остановит своё внимание на романе “Der Funke Leben”.

Исследование показало, что в номинативное поле сюжетообразующего концепта часть лексических единиц может становиться текстовыми когнитивными атTRACTорами, поддерживая таким образом интерес читателя в процессе чтения.

Текстовые когнитивные атTRACTоры в номинативном поле концепта- доминанты

Текстовые когнитивные атTRACTоры рассматриваются как «доминантные смысловые маркеры, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к сюжету литературно-художественного произведения» [6, с. 87].

Всё многообразие текстовых когнитивных атTRACTоров можно распределить по следующим типам:

- 1) текстовый проксемный когнитивный атTRACTор;
- 2) текстовый темпоральный когнитивный атTRACTор;
- 3) текстовый пейзажный когнитивный атTRACTор;
- 4) текстовый эмотивный когнитивный атTRACTор;
- 5) текстовый персонажный когнитивный атTRACTор;

6) текстовый коллоративный когнитивный атTRACTор;

7) текстовый световой когнитивный атTRACTор;

8) текстовый сюжетный когнитивный атTRACTор [6, с. 87].

Какие номинативные единицы, входящие в номинативное поле концепта-доминанты, составляют текстовые когнитивные атTRACTоры? Какие условия должны быть соблюдены, чтобы исследователь мог с уверенностью отнести тот или иной номинант к структуре текстового когнитивного атTRACTора?

Если рассматривать ядро концепта-доминанты в качестве текстового когнитивного атTRACTора, то в романе “Der Funke Leben” номинант LEBEN, который является ядром, встречается 343 раза. В приядерной зоне концепта LEBEN находятся номинанты zu retten (спасать) и Rettung (спасение), они употребляются около 20 раз. Автор на протяжении всего романа возвращается к идее выживания и спасения, тем самым удерживая внимание читателя. Эти результаты были нами получены посредством сплошной выборки номинантов.

Отметим, однако, что применение метода сплошной выборки номинантов сюжетообразующего концепта не даёт точных результатов. При применении метода сплошной выборки не учитываются лексические единицы, входящие в номинативное поле художественного концепта, так называемые авторские номинанты, а только лексические единицы, формирующие соответствующий ему познавательный концепт. Поэтому для получения более точных результатов нужно применять и когнитивно-герменевтический анализ в дополнение к методу сплошной выборки, поскольку он «позволяет интерпретировать именно авторские репрезентанты и сделать вывод о вхождении их в номинативное поле определённого концепта» [3, с. 32]. Так, в рассматриваемом романе посредством когнитивно-герменевтического анализа

нами было установлено, что любые упоминания о наступающей американской армии следует относить к номинативному полю концепта-доминанты LEBEN (ЖИЗНЬ): заключённые отчётливо осознают, что с приходом союзников для них наступит освобождение, жизнь.

Роль читателя при построении текстовых миров

Со стороны автора художественного текста подбор ключевых элементов текста определяется его замыслом, но для того, чтобы они стали когнитивными атTRACTорами, их должен «заметить» читатель. В этой связи интересна идея, предложенная В. Шмидтом: «адресат – это предполагаемый или желаемый отправителем получатель, т. е. тот, кому отправитель направил своё сообщение, кого он имел в виду, а реципиент – фактический получатель, о котором отправитель может и не знать» [9, с. 24]. Всю совокупность адресатов обычно называют целевой аудиторией.

Если текст достигает свою целевую аудиторию, своих адресатов, то текстовые когнитивные атTRACTоры будут истолкованы читателем верно, то есть данные сегменты текстового мира совпадут в сознании читателя и писателя. Если же текст воспринимается случайным получателем – реципиентом, на которого автор не рассчитывал, то когнитивный атTRACTор, возможно, не будет воспринят как таковой и не выполнит своей роли.

Согласно теории текстовых миров, мир текста возможен только при наличии двух участников: отправителя – автора и получателя – читателя [11]. Они являются равноправными «творцами», а текст выступает посредником. С нашей точки зрения, одним из главных элементов текста при построении текстового мира является текстовый когнитивный атTRACTор.

Смоделируем ситуацию восприятия художественного текста. Гипотетический читатель посредством атTRACTоров ищет роман о войне, в котором описывались

бы боевые действия или личные истории участников войны. Рассматриваемый нами роман “Der Funke Leben” удовлетворяет его запросам. Боевые действия в романе не описываются и, как следствие, атTRACTоров милитарной тематики крайне мало: Der Panzer (танк) – 1, der Soldat (солдат) – 15, der Flugzeug (самолёт) – 15, die Waffen (оружие) – 19, schießen (стрелять) – 25. Если бы военная тематика была единственным интересом, то читатель бы не заинтересовался романом, и текстовый мир не был бы построен.

Однако, личные истории участников войны, наоборот, рассказаны очень подробно, о чём свидетельствует большое количество текстовых когнитивных атTRACTоров, описывающих личные переживания людей, выраженных словами: das Hoffnung (надежда) – 13, das Leben (жизнь) – 54, der Freund (друг) – 21, der Tod (смерть) – 57. Таким образом, читатель становится адресатом – тем человеком, для которого роман и был написан.

Возможен и другой вариант: читателя интересует роман о Первой Мировой войне, одним из самых известных писателей по этой теме является Эрих М. Ремарк. Читатель выбирает роман “Der Funke Leben”, ориентируясь по автору. Но он неожиданно понимает, что этот роман о Второй Мировой войне, а значит там нет ни одного когнитивного текстового атTRACTора, который отсылал бы читателя к событиям Первой Мировой войны. В этой ситуации читатель не является адресатом, для которого было написано это произведение, а становится реципиентом.

Оговоримся, однако, что отсутствие ожидаемых когнитивных текстовых атTRACTоров не обязательно делает текст не интересным для читателя. Проведённые исследования показали, что в процессе ознакомления с содержанием читатель может открыть для себя совершенно другие элементы текста, которые покажутся ему интересными и которые сам автор воспринимал как второстепенные. То есть появляется так называемый случайный ат-

трактор. Случайный текстовый атTRACTор – это элемент художественного текста, который привлекает и удерживает внимание читателя, но при этом сам автор текста не вкладывал в него функции атTRACTора, он становится атTRACTором только в процессе чтения текста. «Это важно, потому что он может внезапно стать основным атTRACTором когнитивной системы при изменении условий» [8, с. 203]. Текстовый мир при этом так же считается построенным, но он значительно отличается от того, который был построен с участием адресата. Пол Верт в своей теории прямо указывает, что каждый построенный текстовый мир отличается от другого. Текстовые когнитивные атTRACTоры являются одним из компонентов, которые обеспечивают эту вариативность [11].

Текстовый когнитивный атTRACTор формируется как автором, так и читателем: писатель наполняет художественный текст лексическими единицами, которые должны привлечь адресата. Адресат, в свою очередь, в процессе ознакомления с текстом находит интересные для себя художественные детали, которые мы и называем когнитивными текстовыми атTRACTорами.

Заключение

Итак, текстовый мир, согласно теории, предложенной П. Вертом, твориться в равной степени автором (писателем) и читателем. Одним из основных положений теории является вариативность построенных миров в зависимости от читателя. Каждый отдельный читатель, взаимодействуя с автором посредством текста, выстраивает свой собственный текстовый мир. Если текст не доступен для понимания или не интересен читате-

лю, то в таком случае текстовый мир считается не построенным или искажённым.

Текстовые когнитивные атTRACTоры выступают гарантом выполнения важного условия при построении текстового мира – гарантом наличия читателя. Текстовые когнитивные атTRACTоры привлекают читателя, возбуждают в нём интерес к выбору определённого текста. Часть лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта-доминанты становятся текстовыми когнитивными атTRACTорами. Одним из таких атTRACTоров выступает название текста и название главы.

Не менее важным условием для построения текстового мира является и ознакомление читателя с его полным содержанием. Текстовые когнитивные атTRACTоры призваны не только привлекать, но и удерживать внимание читателя к тексту. Каждый новый читатель находит что-то интересное для себя: в зависимости от интересов читателя в текстовом мире актуализируются разные текстовые когнитивные атTRACTоры, в том числе и случайные – те, которые на задумывал даже сам автор.

Благодаря тому, что при каждом новом прочтении художественного текста актуализируются разные текстовые когнитивные атTRACTоры, выходя таким образом на первый план, то выстраиваются новые текстовые миры.

Таким образом, текстовые когнитивные атTRACTоры являются не только отправной точкой при построении текстового мира, привлекая читателей, но и обеспечивают вариативность построения текстовых миров.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2008. 144 с.
3. Даниленко И. А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э. М. Ремарка “Der Funke Leben”) // Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (77). С. 26–32. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-77-1-026-032.

4. Еременко Е. А. К вопросу о статусе понятия «художественный концепт» // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2006. Том 19 (58). № 3. С. 120–124.
5. Жирова И. Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-1 (55). С. 111–115.
6. Огнева Е. А. Концепция текстовой когнитивной аттракции // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Вып. VI / отв. ред. Е. А. Огнева, И. Б. Акиншина. Белгород: ООО «Эпикентр», 2018. С. 87–92.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 27–30.
8. Прокопчук Ю. А. Скрытые атTRACTоры и «скакчи» когнитивных динамических систем // Тезисы докладов XIX Всероссийской научной конференции «Нейрокомпьютеры и их применение» (Москва, 30 марта 2021 года). М: МГППУ, 2021. С. 202–207.
9. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
10. Щирова И. А. К проблеме смыслового конструирования в художественном тексте // *Studio Linguistica*. Вып. XXIX. Стратегии развития современных лингвистических исследований. Традиции и поиск нового: сборник научных трудов. СПб.: Политехника сервис, 2020. С. 142–150.
11. Werth P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. Harlow: Longman, 1999. 390 p.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. *Spornye problemy semantiki* [The controversial Problems of Semantics]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 326 p.
2. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, URSS Publ., 2008. 144 p.
3. Danilenko I. A. [Cognitive-hermeneutic modeling of a literary concept (based on the novel by E. M. Remark “Der Funke Leben”)]. In: *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2021, no. 1 (77), pp. 26–32. DOI: 10.21672/1818-4936-2021-77-1-026-032.
4. Eremenko E. A. [To the issue of the status of “artistic concept”]. In: *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii* [Scientific notes of the Taurida National V. I. Vernadsky University. Series “Philology. Social Communications”], 2006, Vol. 19 (58), no. 3, pp. 120–124.
5. Zhirova I. G. [From word to word meaning and concept]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 1-1 (55), pp. 111–115.
6. Ogneva E. A. [Conception of text cognitive attraction]. In: *Lingvisticheskie gorizonty. Vip. VI* [Linguistic Horizons. Iss. VI]. Belgorod, LLC “Epicentre Publ.”, 2018, pp. 87–92.
7. Popova Z. D., Sternin I. A. [Interpretation field of the national concept and methods of its study]. In: *Kul'tura obshcheniya i ee formirovanie. Vip. 8* [Culture of communication and its formation. Iss. 8]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, pp. 27–30.
8. Prokopchuk Yu. A. [Hidden Attractors and Jumps in Cognitive Dynamic Systems]. In: *Tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Neirokomp'yutery i ikh primenie» (Moskva, 30 marta 2021 goda)* [Abstracts of the XIX All-Russian scientific-practical conference “Neurocomputers and their application” (Moscow, March 30, 2021)]. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education Publ., 2021, pp. 202–207.
9. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p.
10. Schirova I. A. [On the issue of meaning construal in a fictional text]. In: *Studio Linguistica. Vip. XXIX. Strategii razvitiya sovremennykh lingvisticheskikh issledovanii. Traditsii i poisk novogo: sbornik nauchnykh trudov* [Studio Linguistica. Iss. XXIX. Strategies for the development of modern linguistic research. Traditions and the search for something new: a collection of scientific papers]. St. Petersburg, Politekhnika servis Publ., 2020, pp. 142–150.
11. Werth P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. Harlow, Longman, 1999. 390 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниленко Илья Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: danilenko_ia@bsu.edu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Danilenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of foreign languages, Belgorod State National Research University;
e-mail: danilenko_ia@bsu.edu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Даниленко И. А. Роль текстовых когнитивных атTRACTоров при построении вариативных текстовых миров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-6-13

FOR CITATION

Danilenko I. A. The role of text cognitive attractors at the construction of variable text worlds. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 6–13.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-6-13

УДК 811.11:81'42"17/19"

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-14-23

КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ

Левченко М. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель настоящей статьи – выявление значимости категории информативности для целостности философского текста при выработке алгоритмов его адекватной интерпретации.

Процедура и методы. В статье с помощью структурно-функционального, описательного, контекстуального методов и метода сегментного анализа комментируется отрывок академического философского текста (в немецком и русском варианте) с позиций одной из его ведущих текстообразующих категорий – категории информативности.

Результаты. Доказано, что установленные виды информации (объективная, субъективная, семантическая и эстетическая) должны послужить основой для моделирования философского текста.

Теоретическая и / или практическая значимость состоит в выявлении различных типов информации в тексте-оригинале и сравнении полученных результатов с текстом-переводом, а также в определении субъективной оценки автора в философском произведении, общая интенциональность которого, как правило, постулируется как объективная. Результаты исследования весьма полезны как для германистики и теории языка, так и для сопоставительного изучения языков, и представляют интерес для лингвистов, филологов, журналистов, а также философов, занимающихся вопросами порождения философского текста.

Ключевые слова: субъективная и объективная информация, познание, философский текст, ретроспекция, текст-оригинал, текст-перевод

THE CATEGORY OF INFORMATION IN A PHILOSOPHICAL TEXT

M. Levchenko*Moscow Region State University**24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim of this article is to identify the significance of the category of information content for the integrity of a philosophical text in the development of algorithms for its adequate interpretation.

Methodology. Using the structural-functional, descriptive, contextual methods and the method of segment analysis, the article comments on an excerpt from an academic philosophical text (in German and Russian versions) from the standpoint of one of its leading text-forming categories – the category of information.

Results. The article proves that the established types of information (objective, subjective, semantic and aesthetic) should serve as the basis for modeling a philosophical text.

Research implications consist in identifying various types of information in the original text and comparing the results obtained to the translated text, as well as in determining the author's subjec-

tive assessment in a philosophical work, the general intentionality of which, as a rule, is postulated as objective. The results of the study are of use both for German studies and the theory of language, and for the comparative study of languages, and are of interest to linguists, philologists, journalists, as well as philosophers involved in the generation of a philosophical text.

Keywords: subjective and objective information, cognition, philosophical text, retrospection, original text, translation text

Введение

Основная задача любого текста – передача информации. Многие лингвисты занимались изучением видов информации и выдвигали различные теории. Например, Б. А. Чечнев разделяет информацию скрытую и явную [11]. Т. М. Дридзе называет информативность – универсальной текстовой семантической характеристикой [4]. Е. И. Голубева различает субъективную и объективную информацию [2]. А. Моль рассматривает информацию в тексте как семантическую и эстетическую [8]. И. Р. Гальпериным разработана теория трёх видов информации [1], которая нашла отражение в работах К. И. Шпетного [12], Л. Н. Фёдоровой [10], М. Д. Городникова [3], Н. В. Крюковой [5], Л. А. Ноздриной [9] и других.

Обращаясь к анализу философского текста, интересным представляется подход Е. И. Голубевой [2], в котором информация в тексте может быть охарактеризована как субъективная или объективная. По мнению Г. Маркузе, повседневное и философское мышление отличаются тем, что практическая направленность первого противостоит несущественности второго, то есть философская мысль находится только в мышлении и не имеет отражения в поведении человека [7].

Таким образом, язык философского текста – это метаязык, с помощью которого авторы передают результаты философского творчества. Абстрагируясь от непосредственной конкретности ради истинной конкретности [7, с. 235–236], фиксируя и облекая опыт в философских категориях, автор философского текста неизбежно будет находиться на границе субъективности и объективности, научности и художественности, что весьма

значимо для читателя, а значит и актуально при чтении такого рода текстов.

Целью данного исследования является выявление типов информации в тексте-оригинале и сравнение полученных результатов с текстом-переводом, а также определение субъективной оценки автора в философском произведении, общая интенциональность которого, как правило, постулируется как объективная, ведь цель любого философского текста – это максимально точное описание объективной действительности.

К задачам лингвистического анализа можно отнести:

- определение адекватности перевода немецкого текста на русский язык с позиции информативности (на наличие объективной и субъективной, а также имплицитной и эксплицитной информации);

- выявление семантической информации в обоих текстах, которая обладает такими характеристиками, как логичность, структурность, переводимость, и эстетической информации, то есть непереводимой и относящейся к общим знаниям получателя и отправителя, вызывающая какие-либо состояния [8];

- определение исходной информации, то есть новой, и ретроспективной, которая ссылается на исходную [10].

Материалом исследования послужили различные разделы произведения И. Канта „Kritik der reinen Vernunft“ и его перевод на русский язык, выполненный Н. Лосским¹. В частности, анализу подверглись следующие параграфы:

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2: Критика чистого разума / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой, М.: Наука, 2006. Ч. 1. 1081 с. (далее в статье при анализе текста указываются номера страниц из этого издания).

– из первой части „Transzendentale Elementarlehre“ / «Трансцендентальное учение о началах» и главы „Die transzentrale Logik“ / «Трансцендентальная логика» – параграф „Von der transzendentalen Logik“ / «О трансцендентальной логике» (с. 142–145);

– из второй части „Transzendentale Methodenlehre“ / «Трансцендентальное учение о методе» и второй главы (Zweites Hauptstück) – параграф „Der Kanon der reinen Vernunft“ / «Канон чистого разума» (с. 998–1001).

Анализируемая работа И. Канта – многолетнее осмысление фундаментальных вопросов философии, где большое внимание уделено рассмотрению границ человеческого познания, что послужило базой создания стройной терминологической системы как образца академической университетской философии [6].

Среди используемых в исследовании методов следует назвать системный, структурно-функциональный, описательный, контекстуальный методы и метод сегментного анализа текста. Вместе с тем в работе применяется и типологический метод, с его помощью выявляются наиболее характерные признаки и свойства философского текста, а на базе полученных результатов описывается модель философского текста по категории информативности.

Основные виды информации в тексте

По мнению И. Р. Гальперина [1], в тексте могут присутствовать три вида информации: содержательно-фактуальная (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ) и содержательно-подтекстовая (СПИ). Содержательно-фактуальная информация – это информация о фактах и событиях действительного или воображаемого мира. К ней относятся описание, повествование и размышления. Для содержательно-концептуальной информации присущи такие черты, как логичность, объективность, последовательность и конкретность повествова-

ния. Отличительной особенностью СКИ является творческое переосмысление СФИ. Этот тип информации является характерным для философского текста как мыслительного произведения, отражающего концепт автора. Содержательно-подтекстовая информация является дополнительной, создающей объём произведения и переосмысливающей читателем после прочтения полного произведения.

Е. И. Голубева различает 2 вида информации: субъективную и объективную. Объективная информация описывает действительность, а субъективная выражает отношение к этой действительности [2].

А. Моль также выделяет 2 вида информации – семантическую и эстетическую [8]. Эта концепция основывается на объективной психологии и перекликается со взглядами Е. И. Голубевой. Семантическая информация характеризуется логичностью и объективностью, а также связана с действием и смыслом, а эстетическая – субъективностью, персональностью. Семантическая информация передаёт состояние внешнего мира, эстетическая, напротив, говорит о внутренних состояниях. С лингвистической точки зрения эстетическая информация теоретически не переводима, так как не существует языка передачи данного вида информации.

Согласно точке зрения Л. Н. Федоровой информация делится на новую, или исходную, и ретроспективную, то есть ссылающуюся на исходную информацию [10].

Перечисленные выше теории представляют большой интерес для изучения философского текста с позиции категории информативности. Глубинное изучение данной категории поможет не только лучше понять мысль автора (что всегда особенно актуально для философских работ), но и корректно и точно создать перевод анализируемого произведения.

Лингвистическая интерпретация категории информативности в философском тексте

Остановимся на анализе параграфа „Von der transzendentalen Logik“ / «О трансцендентальной логике», где автор размышляет о существовании двух видов логик: общей и трансцендентальной, что соответствует заголовку текста.

Die allgemeine Logik abstrahiert, wie wir gewiesen, von allem Inhalt der Erkenntnis, d.i. von aller Beziehung derselben auf das Objekt, und betrachtet nur die logische Form im Verhältnisse der Erkenntnisse aufeinander, d.i. die Form des Denkens überhaupt. Weil es nun aber sowohl reine, als empirische Anschauungen gibt, (wie die transzendentale Ästhetik dartut,) so könnte auch wohl ein Unterschied zwischen reinem und empirischem Denken der Gegenstände angetroffen werden... (c. 142).

Уже в первом предложении И. Кант ссылается на предшествующую информацию: „Die allgemeine Logik abstrahiert, wie wir gewiesen ...“ / «Общая логика отвлекается, как мы показали ...». Далее вводится новая информация, а именно – из выведенного ранее тезиса о существовании чистых и эмпирических созерцаний. И. Кант предполагает возможность наличия различных типов мышления: чистого и эмпирического. В немецком языке данное предложение построено с помощью конъюнктивного оборота с модальной частицей „köönnte auch wohl ... angetroffen werden“, а в русском переводе, выполненным Н. Лосским, эта возможность передана с помощью оборота «может иметь место ...».

Развивая далее мысль о разных типах мышления, И. Кант предполагает наличие иной логики и определяет область её применения, продолжая при этом повествование в конъюнктиве. Абзац завершается в индикативе, возвращая читателя к фактам, касающимся общей логики, которая не занимается тем, чем предположительно должна заниматься та иная логика, и которая касается только форм

рассудочного познания. Другими словами, можно представить первое рассуждение параграфа по схеме: объективная информация – субъективная информация – объективная информация. При этом такое кольцевое обрамление субъективной информации придаёт предложению автора характер последовательного и логичного изложения. Отсутствие личных местоимений подчёркивает научность и объективность выдвинутой гипотезы, которая в контексте становится утвердительным антитезисом постулату существования логики, отвлекающейся от всякого содержания познания.

Повествование во втором абзаце параграфа начинается с формально субъективного замечания автора, которое при этом является новой информацией в тексте.

Und hier mache ich eine Anmerkung, die ihren Einfluß auf alle nachfolgenden Betrachtungen erstreckt, und die man wohl vor Augen haben muß, nämlich: daß nicht eine jede Erkenntnis a priori, sondern nur die, dadurch wir erkennen, daß und wie gewisse Vorstellungen (Anschauungen oder Begriffe) lediglich a priori angewandt werden, oder möglich sind, transzental (d.i. die Möglichkeit der Erkenntnis oder der Gebrauch derselben a priori) heißen müsse. Daher ist weder der Raum, noch irgendeine geometrische Bestimmung desselben a priori eine transzendentale Vorstellung, sondern nur die Erkenntnis, daß diese Vorstellungen gar nicht empirischen Ursprungs sind, und die Möglichkeit, wie sie sich gleichwohl a priori auf Gegenstände der Erfahrung beziehen könne, kann transzental heiße (c. 144).

Исключительно формально можно обозначить данную информацию как субъективную, так как, несмотря на использование местоимения „ich“ / «я», И. Кант не предполагает и не высказывает своей позиции, а утверждает, передаёт объективный факт, что «трансцендентальным ... следует называть только то [познание], благодаря которому мы познаем» существование априорных

представлений: „... nur die [Erkenntnis a priori], dadurch wir erkennen, daß und wie gewisse Vorstellungen ... lediglich a priori angewandt werden, oder möglich sind, transzental ... heißen müsse“. Субъективным в данном случае является момент уточнения терминологических особенностей передачи информации, которая, по сути, представлена автором текста как объективная.

Важно отметить, что характер семантической информации в тексте всё же несколько условен. Так, автор постулирует, что различие между трансцендентальным и эмпирическим относится к критике познания и поэтому пространство является эмпирическим понятием, хотя вообще оно могло бы быть трансцендентальным („*Imgleichen würde der Gebrauch des Raumes von Gegenständen überhaupt auch transzental sein*“ (c. 144)). С одной стороны, это делает различие субъективным, но, с другой стороны, объективная ограниченность человеческого познания не позволяет рассматривать пространство иначе, так что целесообразно воспринять данное утверждение как истинное.

Третий блок рассуждений, помещённый в заключительный абзац параграфа соответственно, связывает предшествующие постулаты о существовании иной, кроме общей, логики, а также о трансцендентальном познании как инструменте познания априорных понятий.

Imgleichen würde der Gebrauch des Raumes von Gegenständen überhaupt auch transzental sein: aber ist er lediglich auf Gegenstände der Sinne eingeschränkt, so heißt er empirisch. Der Unterschied des Transzendentalen und Empirischen gehört also nur zur Kritik der Erkenntnisse, und betrifft nicht die Beziehung derselben auf ihren Gegenstand. In der Erwartung also, daß es vielleicht Begriffe geben könne, die sich a priori auf Gegenstände beziehen mögen, nicht als reine oder sinnliche Anschauungen, sondern bloß als Handlungen des reinen Denkens, die mithin Begriffe, aber weder empirischen noch ästhetischen Ur-

sprungs sind, so machen wir uns zum voraus die Idee von einer Wissenschaft des reinen Verstandes und Vernunfterkennnnisses, dadurch wir Gegenstände völlig a priori denken... (c. 145).

Схематично содержание параграфа можно описать следующим образом:

- предмет общей логики – логическая форма, т. е. форма мышления вообще; правила мышления (то, благодаря чему существует общая логика) – предмет иной логики;
- познание априори может быть трансцендентальным – это то, благодаря чему мы познаем априорные понятия;
- трансцендентальное познание – это разумное познание, которым должна заниматься трансцендентальная логика.

В целом, повествование параграфа характеризуется чёткостью, последовательностью, аргументированностью. Информация передаётся структурированно и обоснованно, что в целом определяет её как объективную. В тексте слабо выражена повествовательная фигура: единичное использование местоимения первого лица единственного числа обусловлено лишь терминологическим уточнением, заключение делается с помощью местоимения первого лица множественного числа („... machen wir uns...“ / «... мы ... устанавливаем ...»), что придаёт рассуждениям объективированный и научный характер. Выделение в отрывке эстетической информации условно, так как терминологические особенности контекстуально аргументированы и оправданы.

В тексте налицо исходная и ретроспективная информация. Последняя выражена автором следующим образом:

- Die allgemeine Logik abstrahiert, wie wir gewiesen, von allem Inhalt der Erkenntnis – автор отмечает, что информация базируется на предшествующей главе;
- sowohl reine, als empirische Anschauungen gibt (wie die transzendentale Ästhetik dartut) – отсылка читателя к ранее рассмотренной информации упоминанием о трансцендентальной эстетике;

– In diesem Falle würde es eine Logik geben / В таком случае должна существовать логика – автор делает вывод на основании содержания предыдущих предложений;

– союзами „denn“ / «в самом деле», „sofern“ / «если только», „hingegen“ / «же», „also“ / «поэтому», „daher“ / «поэтому»;

– Der Unterschied des Transzendentalen und Empirischen gehört also – заключение вытекает из предыдущей информации, что выражено союзом „also“, в этом случае переведённом на русский язык «таким образом», что обусловлено положением в предложении;

– весь заключительный абзац относится к ретроспективной информации, раскрывающей тезисы из первого и второго абзаца. В тексте данное обращение выражено союзами „also“ / «итак», „weil“ / «потому что» и указательным местоимением „solche“ / «такая».

Новой или исходной информацией в тексте является лишь введённый автором во втором абзаце тезис о трансцендентальном познании („hier mache ich eine Anmerkung“ / «Здесь я сделаю замечание»).

Анализируя информацию по модели И. Р. Гальперина, следует отметить, что в тексте анализируемого параграфа содержится преимущественно содержательно-концептуальная информация, которая помогает раскрытию кантовской интерпретации познания, однако, также наличествуют факты, на которых строится авторская концепция, что является характерной особенностью содержательно-фактуальной информации.

Перевод анализируемого отрывка характеризуется буквальностью, что обусловлено спецификой повествования. Для передачи логического хода рассуждений И. Канта, Н. Лосский максимально близко переводит текст-оригинал, создавая чёткую терминологическую систему. Синонимичными вариантами перевода в отрывке представлен союз „also“, который в разных частях текста выражен

русскими эквивалентами «поэтому», «таким образом», «итак». Это обусловлено многозначностью немецкого слова. Конъюнктив в большинстве случаев не находит отражения в русском тексте в силу особенностей использования этого наклонения в придаточных предложениях в немецком.

В параграфе „Der Kanon der reinen Vernunft“ / «Канон чистого разума» И. Кант раскрывает идею канона чистого разума.

Es ist demütigend für die menschliche Vernunft, daß sie in ihrem reinen Gebrauche nichts ausrichtet, und sogar noch einer Disziplin bedarf, um ihre Ausschweifungen zu bändigen, und die Blendwerke, die ihr daher kommen, zu verhüten. Allein andererseits erhebt es sie wiederum und gibt ihr ein Zutrauen zu sich selbst, daß sie diese Disziplin selbst ausüben kann und muß, ... (c. 998).

Уже в первых предложениях встречаются оценочные характеристики разума: „Es ist demütigend für die menschliche Vernunft“ / «Для человеческого разума уничижительно», „erhebt es sie ... und gibt ihr ein Zutrauen“ / «возвышает и возвращает ему доверие». При этом сама информация является новой – первое предложение предстаёт перед читателем новым тезисом: „sie [die Vernunft] ... einer Disziplin bedarf“ / «он [разум] нуждается ... в дисциплине». Второе предложение обращено к первому и содержит ретроспективную информацию („andererseits“ / «с другой стороны»). Третье предложение заключает в себе итог предыдущих, тем самым отсылая к ним.

Второй абзац связывается с предшествующим с помощью вводного слова „indessen“ / «однако», но при этом вводит новую информацию: „muß es ... einen Quell von positiven Erkenntnissen geben“ / «должен ... существовать источник положительных познаний».

Indessen muß es doch irgendwo einen Quell von positiven Erkenntnissen geben, welche ins Gebiete der reinen Vernunft gehören, und die vielleicht nur durch Mißverständ zu Irrtümern Anlaß geben, in der Tat aber das

Ziel der Beeiferung der Vernunft ausmachen. Denn welcher Ursache sollte sonst wohl die nicht zu dämpfende Begierde, durchaus über die Grenze der Erfahrung hinaus irgendwo festen Fuß zu fassen, zuzuschreiben sein?... (c. 1000).

Во втором абзаце имеется риторический вопрос в форме конъюнктива, который наряду с модальными частицами предыдущего предложения (*doch* / же, *vielleicht* / быть может) подчёркивает субъективный характер этого отрывка. Н. Лосский допускает некоторую художественность в переводе глагола „*zuschreiben*“ со значением «приписывать, относить», используя выражение «чем же ... можно объяснить», что вполне может быть обусловлено интонацией текста-оригинала и не влияет на передачу смысла в конкретном предложении. Второй абзац завершается предположением, введённым модальным словом „*vermutlich*“, который выражает среднюю степень вероятности. В русском переводе Н. Лосский использует оборот «надо полагать», что оправдано контекстом – ведь речь идёт о предположении, что разум «может надеяться на ... счастье ... на путях практического употребления» (c. 1000), которое в последующем тексте приобретёт интонацию утверждения.

Размышления в заключительной части рассматриваемого отрывка начинаются с повествования в „*ich*“ / «я»-форме, однако контекстуально нельзя отнести подаваемую информацию к типу субъективной.

Ich verstehe unter einem Kanon den Inbegriff der Grundsätze a priori des richtigen Gebrauchs gewisser Erkenntnisvermögen überhaupt. So ist die allgemeine Logik in ihrem analytischen Teile ein Kanon für Verstand und Vernunft überhaupt, aber nur der Form nach, denn sie abstrahiert von allem Inhalte. So war die transzendentale Analytik der Kanon des reinen Verstandes; denn der ist allein wahrer synthetischer Erkenntnisse a priori fähig. Wo aber kein richtiger Gebrauch einer Erkenntniskraft möglich ist, da gibt es keinen Kanon. Nun ist alle synthetische Erkennt-

nis der reinen Vernunft in ihrem spekulativen Gebrauche, nach allen bisher geführten Beweisen, gänzlich unmöglich (c. 1001).

Автор уточняет, что он понимает под каноном, но это уточнение не является интерпретацией термина – оно выступает в качестве терминологического пояснения, которое необходимо для верного толкования информации, трактуемой И. Кантом как объективной. Следующие два предложения представлены в форме утверждений и содержат в себе ретроспективную информацию о каноне чистого разума, а также ссылку к предшествующим главам книги, которые рассматривают явления общей логики и трансцендентальной аналитики. Далее автор замечает: „*Wo aber kein richtiger Gebrauch einer Erkenntniskraft möglich ist, da gibt es keinen Kanon*“ / «Там же, где невозможно правильное употребление способности познания, нет и канона».

И далее: „*Nun ist alle synthetische Erkenntnis der reinen Vernunft in ihrem spekulativen Gebrauche ... unmöglich*“ / «Итак, всякое синтетическое познание чистого разума в его спекулятивном употреблении ... невозможно» – ретроспективная информация, повторяющая размышления о желании разума чистых спекуляций, которые ему недоступны (которые «ускользают» / „*fliehen*“). При этом И. Кант подчёркивает эту ретроспекцию: „*nach allen bisher geführten Beweisen*“ / «согласно всем приведенным ранее доказательствам».

Заключительный абзац выглядит следующим образом:

Also gibt es gar keinen Kanon des spekulativen Gebrauchs derselben (denn dieser ist durch und durch dialektisch), sondern alle transzendentale Logik ist in dieser Absicht nichts als Disziplin. Folglich, wenn es überall einen richtigen Gebrauch der reinen Vernunft gibt, in welchem Fall es auch einen Kanon derselben geben muß, so wird dieser nicht den spekulativen, sondern den praktischen Vernunftgebrauch betreffen, den wir also jetzt untersuchen wollen (c. 1001).

„Also gibt es gar keinen Kanon des spekulativen Gebrauchs derselben“ / «Следовательно, нет никакого канона спекулятивного употребления чистого разума ...» – следует из авторских размышлений о спекулятивном употреблении чистого разума и о каноне.

„Folglich ... wird dieser [Kanon] nicht den spekulativen, sondern den *praktischen Vernunftgebrauch* betreffen ...“ / «Следовательно... этот канон будет касаться не спекулятивного, а практического употребления разума ...» – формально И. Кант продолжает последовательное раскрытие идеи, однако вводится условие подобного следствия: „wenn es überall einen richtigen Gebrauch der reinen Vernunft gibt“ / «если вообще существует правильное употребление чистого разума», которое приносит в повествование субъективный оттенок.

Параграф заканчивается новой информацией, содержащей в себе проспекцию, а именно – автор вводит понятие «практического употребления разума» и заканчивает главу указанием на последующее исследование нового термина.

Всё содержание анализируемого параграфа можно схематически представить следующим образом:

- для разума: унизительно, что нуждается в дисциплине; возвышающее, что использует дисциплину самостоятельно без чужой цензуры (первый тезис, субъективная информация);

- цель разума – источник положительных познаний, то есть внеопытных; следовательно, разум жаждет чистых спекуляций, которые невозможны (второй тезис, субъективная информация);

- канон для рассудка и разума вообще – общая логика; канон для чистого рассудка – трансцендентальная логика (третий тезис, объективная информация); априорное познание чистого разума в спекулятивном употреблении невозможно (вывод 1); канона спекулятивного употребления чистого разума не существует (вывод 2 следует из вывода 1); употребле-

ние чистого разума может быть только в практическом употреблении разума (вывод 3 следует из вывода 1, вывода 2 и условия, заданного автором: „wenn es ... einen richtigen Gebrauch der reinen Vernunft gibt“ / «если ... существует правильное употребление чистого разума»).

И. Кант будто нанизывает мысли одна на другую, плавно продвигая читателя к желаемому выводу. Такой сократический метод извлечения из человека скрытых знаний (майевтика) помогает в создании логической и последовательной канвы повествования. При этом по мере развития мысли в тексте встречаются оценочные слова и субъективные суждения философа, которые тщательно скрыты за чёткой структурой произведения и зачастую только формально могут оцениваться как субъективные. К примеру, слова „demütigend“ / «унизительный» или „erheben“ / «возвышать» с позиции научного текста будут характеризоваться как оценочные, однако в данном случае они лишь обозначают две грани разума. Обращение к художественному оформлению мысли обусловливается спецификой философского предмета исследования, который доносится до читателя путём «развёртывания» информации [10]. При этом структура текста отличается чёткостью, последовательностью и логичностью. Каждый параграф повествует ровно о том, о чём гласит его название. Графическое выделение абзацев обусловливается завершённостью мысли. Один абзац – один тезис или одно завершённое суждение.

Проанализированный отрывок характеризуется наличием содержательно-концептуальной и содержательно-фактуальной информации, где первая выступает превалирующим типом. Несмотря на последовательный и чёткий характер изложения, характеризующий текст как объективный и передающий конкретные факты, в рассматриваемом параграфе автор прибегает к использованию оценочных слов, а также слов, выражений и конструкций, выраждающих

предположение, субъективность (напр., модальные слова, риторический вопрос). Философский текст содержит в себе по большей части семантическую и ретроспективную информацию. Перевод, как и в двух ранее рассмотренных параграфах, максимально приближен к оригиналу.

Основные результаты и выводы исследования

Резюмируя вышеизложенное, ещё раз следует отметить, что при анализе субъективной и объективной информации в философском тексте обнаруживается неразрешимое противоречие. С одной стороны, изложение картины мира конкретным индивидуумом не может считаться абсолютно объективным. С другой стороны, одной из главных черт любого философского произведения является объективность, проявляющаяся в максимальной обобщённости, объективации мысли автора.

Субъективные идеалисты критиковали теорию И. Канта в том, что таким образом полностью разграничиваются мир явлений и мир идей, и, соответственно, ставится под вопрос возможность объективного существования некоторых по-

нятий, не поддающихся постижению. Однако же данная теория помогает решить множество теоретических вопросов, касающихся анализа философского текста, в том числе с лингвистических позиций. В данном случае, это определение субъективной и объективной информации в тексте.

В целом, категория информативности в философском тексте характеризуется логичностью, последовательностью, конкретностью. Все анализируемые отрывки преимущественно содержат содержательно-концептуальную информацию, что является типологической особенностью данного типа текста. В тексте налицоствует объективная и субъективная, семантическая и эстетическая, а также новая и ретроспективная информации. К преобладающим типам относятся: объективная, семантическая и ретроспективная. Все перечисленные особенности информации в философском тексте обусловливают характеристику перевода, который отличается максимальной приближенностью к тексту-оригиналу, дословностью, буквальностью, точностью.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: УРСС, 2004. 144 с.
- Голубева Е. И. Соотношение различных видов информации в тексте автобиографии // Сборник научных трудов МГПИИ им. М. Тореза. Вып. 263. М.: МГПИИ, 1986. С. 66–75.
- Городникова М. Д. О некоторых способах передачи эмоциональной информации // Сборник научных трудов МГПИИ им. М. Тореза. Вып. 118. М.: МГПИИ, 1978. С. 64–78.
- Дридзе Т. М. Опыт экспериментального подхода к изучению проблемы информативности публицистического текста // Психологические и психолингвистические проблемы овладения языком. М.: МГУ, 1969. С. 113–117.
- Крюкова Н. В. Понимание философского текста как лингвистического феномена // Культура народов Причерноморья. 2010. № 177. С. 242–246.
- Лега В. П. История западной философии. Ч. 2. М.: ПСТГУ, 2009. 456 с.
- Маркузе Г. Одномерный человек / пер. А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
- Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Изд-во «Мир», 1966. 352 с.
- Ноздрина Л. А. Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий. М.: Дрофа, 2009. 252 с.
- Федорова Л. Н. Повтор как средство формирования ретроспекции в художественном тексте // Сборник научных трудов МГПИИ им. М. Тореза. Вып. 103. М.: МГПИИ, 1981. С. 111–121.
- Чечнев Б. А. Информация как проблема знания. Киев: Институт философии АН УССР, 1989. 48 с.
- Шпетный К. И. Лингвостилистические и структурно-композиционные особенности текста короткого рассказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 24 с.

REFERENCES

1. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, URSS Publ., 2004. 144 p.
2. Golubeva E. I. [Correlation of various types of information in the text of autobiography]. In: *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYA im. M. Toreza. Vip. 263* [Collection of scientific works of the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Iss. 263]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1986, pp. 66–75.
3. Gorodnikova M. D. [On some ways of transmitting emotional information]. In: *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYA im. M. Toreza. Vip. 118* [Collection of scientific works of the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Iss. 118]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1978, pp. 64–78.
4. Dridze T. M. [Experience of an experimental approach to the study of the problem of informativity of a journalistic text]. In: *Psichologicheskie i psikholingvisticheskie problemy ovladeniya yazykom* [Psychological and psycholinguistic problems of language acquisition]. Moscow, Moscow State University Publ., 1969, pp. 113–117.
5. Kryukova N. V. [Understanding the Philosophical Text as a Linguistic Phenomenon]. In: *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea Region], 2010, no. 177, pp. 242–246.
6. Lega V. P. *Istoriya zapadnoi filosofii. Ch. 2* [History of Western Philosophy. Part 2]. Moscow, St. Tikhon Orthodox Humanitarian University Publ., 2009. 456 p.
7. Marcuse G. *Odnomernyi chelovek* [One-dimensional man]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 368 p.
8. Moles A. *Teoriya informatsii i esteticheskoe vospriyatiye* [Information theory and aesthetic perception]. Moscow, «Mir» Publ., 1966. 352 p.
9. Nozdrina L. A. *Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta. Poetika grammaticeskikh kategorii* [Interpretation of a literary text. The poetics of grammar categories]. Moscow, Drofa Publ., 2009. 252 p.
10. Fedorova L. N. [Repetition as a Means of Forming the category of Retrospection in Literary Text]. In: *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIYA im. M. Toreza. Vip. 103* [Collection of scientific works of the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Iss. 103]. Moscow, Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages Publ., 1981, pp. 111–121.
11. Chechnev B. A. *Informatsiya kak problema znaniya* [Information as a problem of knowledge]. Kiev, Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1989. 48 p.
12. Shpetnyi K. I. *Lingvostilisticheskie i struktorno-kompozitsionnye osobennosti teksta korotkogo rasskaza: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic-stylistic and structural-compositional features of the text of a short story: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1980. 24 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mn.levchenko@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Germanic Philology, Moscow Region State University;
e-mail: mn.levchenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Левченко М. Н. Категория информативности в философском тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 14–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-14-23

FOR CITATION

Levchenko M. N. The category of information in a philosophical text. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 14–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-14-23

УДК 81'42
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-24-32

МИФЫ О ЧУДЕСНЫХ ИСЦЕЛЕНИЯХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Степанова Е. С.

Самарский государственный медицинский университет
443099, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы состоит в описании мифа о чудесных исцелениях как культурно обусловленного феномена, который является фрагментом обыденной картины мира и заполняет пробелы в существующем знании.

Процедура и методы. Даны определения понятий «миф» и «исцеление». Описаны лингвистические теории изучения мифа. Прослеживается связь между понятиями «личность», «история», «чудо» и «слово», что позволяет исследовать семантическое значение мифа, подразумевая, что «в словах данная чудесная личностная история». В данном исследовании были использованы культурологический анализ, описательно-аналитический метод и метод сплошной выборки.

Результаты. Показан феномен «чудесного» исцеления в структуре внутренней картины болезни с точки зрения семиотики. Отмечено, что мифы о чудесных исцелениях приобретают семантическое и лингвокультурное значение. Продемонстрировано, что человеку свойственно придавать дополнительные коннотации сверхъестественным социокультурным явлениям (среди них феномен «чудесного» исцеления). Сделан вывод о том, что феномен «чудесного» исцеления основан на элементах обыденного сознания (медицинских нарративах, религиозных верованиях, ценностях представителей лингвокультурного общества), что нашло отражение в типологии мифа о чудесных исцелениях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования способствуют изучению феномена «чудесного» исцеления как аксиогенной ситуации, представленной в медицинском мифе и предполагающей ценностно-маркированное осмысление.

Ключевые слова: миф о чудесном исцелении, лингвокультурный феномен, аксиогенная ситуация, ценности, культурная реалия

MYTHS ABOUT MIRACULOUS HEALING: LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL ASPECTS

E. Stepanova

Samara State Medical University
89 ulitsa Chapayevskaya, Samara 443099, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this work is to describe the myth about miraculous healing as a culturally determined phenomenon, which is the fragment of the everyday picture of the world, and which fills in the gaps in the existing knowledge.

Methodology. The definitions of the notions “myth” and “healing” are given. Linguistic theories of the study of myth are described. The connection between the notions “personality”, “story”, “miracle”

and “word” is traced, which allows to explore the semantic meaning of the myth as “a miraculous personal story given in words”. In this study the cultural analysis, the descriptive-analytical method and the continuous sampling method are used.

Results. The phenomenon of “miraculous” healing is shown in the structure of the internal picture of the disease from the semiotics point of view. It is noted that myths about miraculous healing acquire semantic and linguocultural significance. It is demonstrated that people tend to attach additional connotations to supernatural sociocultural phenomena (the phenomenon of “miraculous” healing is among them). It is concluded that the phenomenon of “miraculous” healing is based on the elements of everyday consciousness (medical narratives, religious beliefs, values of representatives of the linguocultural society), which is reflected in the typology of the myth about miraculous healing.

Research implications. The research results contribute to the study of the phenomenon of “miraculous” healing as an axiogenic situation, represented in the medical myth and presupposing value-marked comprehension.

Keywords: myth about miraculous healing, linguocultural phenomenon, axiogenic situation, values, cultural reality

Введение

В процессе развития человечество постоянно сталкивается с новыми заболеваниями. Переживания человека по поводу болезни и процесса исцеления формируют представления, в которых реальность замещается мифами. С давних времён люди верили, что если существуют необъяснимые явления, влияющие на окружающую действительность, то существуют и чудодейственные силы, которые оказывают влияние на процесс исцеления. Мифы об исцелении являются лингвокультурными феноменами и вызывают множество ассоциаций [8; 9].

Миф о чудесном исцелении анализируется как социокультурный феномен, который характерен для коллективных представлений, присущих представителям определённой лингвокультурной общности. Исцеления, воспринимаемые как «чудо», являются частью обыденной картины мира, поскольку они научно необоснованы и имеют серьёзные расхождения с научной картиной мира. Именно это обуславливает актуальность исследования.

Предметом исследования являются мифы о чудесном исцелении, их собственно языковое выражение и способы актуализации в художественном тексте.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что полученные

результаты способствуют изучению семантики мифа о чудесных исцелениях, а также языковых средств реализации мифологической информации в научно-популярном медицинском дискурсе.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при написании учебных и методических пособий по интерпретации текста, а также на занятиях по практикуму по культуре речевого общения на иностранном языке.

Цель исследования состоит в описании мифов о чудесных исцелениях. Обозначенная цель обусловила задачи исследования:

- 1) описать типологию мифа о чудесных исцелениях;
- 2) проанализировать языковые презентации мифа о чудесных исцелениях в художественном тексте.

Обзор литературы

Изучению мифа посвящено множество исследований. Миф рассматривается как многогранная культурная реалия. Символическая функция мифа описана в работах К. Леви-Строса, А. Ф. Лосева [4; 5], семантические особенности мифа проанализированы в работах Е. Мелетинского, М. Элиаде, Т. Е. Владимировой [1; 6; 11].

В современной науке существуют различные определения мифа. Мифы

определяются как повествования, передающиеся из поколения в поколение, изначально в устной форме, и затем возрождающиеся в литературе, журналистике и истории. Мифы отражают общественные потребности, они чаще всего связаны с необходимостью оправдать существующие властные отношения, будь то отношения между богами и людьми, лингвокультурным обществом и личностью [12, р. 208].

Поскольку предметом настоящего исследования являются мифы о чудесном исцелении, то далее представляется целесообразным остановиться на понятиях «чудо» и «исцеление».

Этимология слова «чудо» во многих языках совпадает: оно обозначает «нечто чрезвычайное, невозможное, диковинное, нежданное». В Толковом словаре русского языка «чудо» определяется как «нечто небывалое, сверхъестественное (первоначально в религиозных представлениях то, что вызвано божественной силой)»¹.

В свою очередь анализ словарных definicijij понятия «исцеление» показывает, что его словарные определения во многом совпадают. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрана исцеление определяется как «излечение, выздоровление – исход болезни, противоположный смерти от неё. Исцеление бывает полное или неполное»².

Таким образом, феномен «чудесного» исцеления основан на имеющихся в коллективном сознании потребностях общества излечиться от какой-либо болезни мгновенно, посредством чуда.

Методология и материалы исследования

Материалом для исследования послужило автобиографическое художествен-

ное произведение Аниты Мурджани (Anita Moorjani) «Умереть, чтобы стать собой» (“Dying to be me”)³, в которой она делится удивительной историей об исцелении и полном выздоровлении, находясь в терминальной стадии рака. Невероятные события начинаются 2 февраля 2006 г., когда Мурджани положили в отделение неотложной помощи. Ей прогнозировали несколько часов жизни, так как у неё отказали внутренние органы по причине прогрессирующей лимфомы. В больнице Анита Мурджани впала в кому и испытала клиническую смерть, во время которой она осознала причины развития у неё рака. Она утверждала, что ей свыше предложили выбор: жить или умереть, и что, если она решит вернуться к жизни, не только будет полностью исцелена от рака, но у неё появится возможность прикоснуться к десяткам тысяч, если не сотням тысяч жизней. Мурджани выбрала жизнь. Через шесть дней после выхода из комы в отделении интенсивной терапии, Мурджани начала медленно поправляться. Поскольку лимфома могла метастазировать в костный мозг, врачи провели биопсию костного мозга. Увидев результаты, врачи были обеспокоены, так как они не смогли найти следов рака, учитывая то состояние, в котором пациентка попала в больницу всего несколько дней назад.

Приоритетными методами исследования мифа о чудесных исцелениях для нас являются: культурологический анализ, включающий в себя исследование предпосылок возникновения мифа; описательно-аналитический метод, нацеленный на лингвистическое описание мифологической информации в конкретной ситуации; метод сплошной выборки для подсчёта количества мифов о чудесных исцелениях.

Методологическую базу исследования составили труды зарубежных и от-

¹ См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2020. С. 725.

² См.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Эксмо, 2019. С. 273.

³ Moorjani A. Dying to be me: my journey from cancer, to near death, to true healing. London, Hay House, Inc., 2020. 191 p. (далее в тексте указывается номер страницы с цитируемым текстом).

ечественных учёных в области изучения мифа [5; 7] и феномена «чудесного» исцеления как семиотической системы [10].

С точки зрения Ф. де Соссюра, миф можно представить как семиологическую модель, состоящую из трёх основных элементов: означающее, означаемое и сам знак, выступающий как результат ассоциации первых двух элементов [7, с. 24]. Используя данную модель, можно представить феномен «чудесного» исцеления в структуре внутренней картины болезни с точки зрения семиотики: означаемое в болезни – орган, получивший повреждение или нарушение; означающее – чувственное ощущение человека в связи с полученным повреждением и как исход болезни – выздоровление или «чудесное» исцеление; знак – конкретные слова, жесты, с помощью которых устанавливаются отношения между чувственными ощущениями и организмом. Означаемое и означающее связаны между собой знаком [10, с. 104].

В работе «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев определяет миф как основополагающее понятие, соединяющее в себе признаки личности, истории, чуда и слова. Миф – это слово, характеризующее личность. Миф связан с именем, описывающим словесность личности, выражющуюся в устном и письменном слове. Миф связан с чудом. Получается, что семантическое значение мифа не что иное, как «*в словах данная чудесная личностная история*» [5, с. 195].

В. И. Карасик вводит понятие «аксиогенной ситуации», вербализующейся в мифах, легендах и притчах. Под аксиогенной ситуацией понимаются ценностно-маркированные запоминающиеся события в общественном сознании, которые могут быть динамическими или статистическими. Исходя из этого, мы можем представить феномен «чудесного» исцеления как аксиогенную ситуацию, объективированную в мифе и выступающую фрагментом языковой картины мира [3, с. 65].

Мифы о чудесных исцелениях отражают результаты некоторой формы концептуализации и переживания какого-либо явления лингвокультурным обществом. При изучении мифа о чудесных исцелениях необходимо учитывать символические значения различных областей культуры, ставшие актуальными в процессе мифотворчества [13, р. 71].

Вышеприведённые теории логически подводят нас к описанию мифа о чудесном исцелении как аксиогенной ситуации, предполагающей ценностно-маркированное осмысление.

Результаты и обсуждение

Анализ показал, что чудесное исцеление как референт аксиогенной ситуации основано на обыденных знаниях, являющихся неотъемлемой частью познавательной деятельности человека. Обыденное знание как часть наивной картины мира противоречит теоретическим научным фактам [2, с. 105]. Обыденные знания возникают на основе медицинских историй (нarrативов), событий-сituаций, имевших место в медицинской практике; на системных представлениях о религии, религиозных верованиях; на ценностях, необходимых для жизни в социальной среде и взаимодействия с другими представителями лингвокультурного сообщества. На основе результатов исследования нами была предложена типология мифа о чудесных исцелениях.

1. Религиозные – ассоциации, обусловленные верой в божественное начальное, возникающие у реципиента при взаимодействии с мифом и отличающиеся от повседневных вещей, явлений. Религиозные мифы характерны не только для религии, но и для обыденного сознания. При адекватной интерпретации религиозных мифов происходит смещение содержания от периферии к ядру (сакрализация). Сдвиг словарного значения от ядра к периферии, включающей универсальные знания всей лингвокультуры, в данном типе мифа (десакрализация) обе-

спечивает предпосылки для возникновения новых метафорических стереотипов.

Так, в индуистской религии существует *миф о том, что тяжёлые, неизлечимые заболевания имеют кармическую причину и являются следствием дурных поступков в предыдущем воплощении.*

Анита Мурджани чувствовала себя некомфортно из-за того, что представители её культуры считали её болезнь кармой, и что она, должно быть, что-то сделала в предыдущей жизни, чтобы заслужить это наказание:

... I, too, believed in karma, it made me feel as though I had done something to be ashamed of in order to deserve this. It seemed as if I were being judged ... (р. 51–52) / «Я тоже верила в карму, и мне казалось, что я сделала что-то, за что мне должно быть стыдно, чтобы заслужить это. Казалось, что меня судят ...»¹.

В приведённом примере используются сравнения “as though I had done something to be ashamed of ...” («как будто я сделала что-то, за что мне должно быть стыдно») и “as if I were being judged” («как будто меня судят») для того, чтобы подчеркнуть, что боязнь кармической причины болезни заставляла героиню чувствовать себя беспомощной.

Также в рассматриваемом произведении актуализируется *миф о том, что религия помогает в исцелении тяжёлых заболеваний.*

Пережив клиническую смерть, Анита осознала, что бог – это не существо, а состояние бытия и испытала божественное состояние души:

“Religion is just a path for finding truth: religion is not truth. It is just a path. And different people follow different paths” (р. 18) / «Религия – это путь к поиску истины: религия – это не истина. Это просто путь. И разные люди идут к истине разными путями».

В примере используется анафора “religion is just a path ... : religion is not truth.

Religion is just a path” («Религия – это путь к поиску истины: религия – это не истина. Это просто путь») для того, чтобы описать изменение религиозных убеждений главной героини после чудесного исцеления.

2. Медицинские – совокупность ценностно-мировоззренческих представлений о здоровье, бытующих в лингвокультурном обществе и воспринимающихся как само собой разумеющиеся.

Медицинские мифы действуют как средство социального контроля. Они заставляют нас в них верить, даже если их существование не обусловлено логикой или доказательствами. Когда медицинские мифы убеждают нас действовать вразрез с интересами врачей или интересами пациентов, мы должны критически отнестись к ним, и, наконец, набраться смелости, чтобы отвергнуть [12].

В произведении эксплицируется *миф о том, что слово «рак» вызывает страх. Необходимо забыть об этом и сфокусироваться на балансе в нашем теле. Все болезни – это симптомы дисбаланса в организме.*

По мнению Аниты Мурджани, восточные врачи (представители аюрведы и традиционной китайской медицины) рассматривают здоровье комплексно:

“They viewed my illness as my body’s way of trying to heal from its imbalances – not just physical ones, but emotional and mental as well. The cancer was actually my ally” (р. 179) / «Они рассматривали мою болезнь как способ моего тела излечиться от дисбаланса – не только физического, но также эмоционального и психологического. На самом деле рак был моим союзником».

В примере используется метафора “cancer was actually my ally” («рак был моим союзником»), подчёркивающая, что иное восприятие болезни было намного утешительнее и вселило в неё больше надежды.

В произведении описывается *миф о том, что у нас у всех есть способность исцелять себя, а также способствовать исцелению других.*

¹ Здесь и далее перевод наш – Е. С.

Как заявляет Анита Мурджани, болезнь – это сигнал нашего тела, информирующий о чём-то очень важном. Многие люди во время общения с Анитой говорили ей, что они чувствовали прилив энергии в её присутствии. Она редко говорила об этом публично, поскольку объясняла этот феномен внутренним состоянием:

“And because we’re all connected, there’s no reason why one person’s state of wellness can’t touch others, elevating them and triggering their recovery” (p. 117) / «И поскольку мы все связаны, нет никаких причин, по которым состояние здоровья одного человека не может затронуть состояние здоровья других, запуская процесс их выздоровления».

В примере используется метафора “one person’s state of wellness can touch others” («состояние здоровья одного человека может затронуть состояние здоровья других»), подчёркивающая, что, когда мы лечим других, мы также лечим себя (“when we heal others, we also heal ourselves”).

3. Культурологические – частотные конвенциональные значения мифа, характерные для того или иного лингвокультурного сообщества, имеющие своим основанием аксиологию – учение о ценностях и ценностной структуре мира. В данном типе мифа реципиент распознаёт культурологический компонент мифа в результате его использования обыденным сознанием.

В анализируемом произведении эксплицируется миф о том, что в нашем обществе не анализируются психологические причины развития рака. И что мы не создали общество, которое продвигает как психологическое, так и физическое исцеление.

Анализируя причины появления рака, Анита осознаёт, что одна из причин – это следование культурным стереотипам. Пытаясь быть тем, кем она должна была быть, по мнению представителей индуистского общества, она в действительности не знала, что для неё важно. Другая причина – заболевание раком и смерть её

близкой подруги Сони (Soni). Анита чувствовала, что боится жизни, и смерти:

“I felt as if I were being caged by my fears. My experience of life was getting smaller and smaller, because to me, the world was a menacing place. And then I was diagnosed with cancer” (p. 133) / «Я чувствовала себя так, как если бы мои страхи заключили меня в клетку. Мой жизненный опыт становился всё меньше и меньше, потому что для меня мир был угрожающим местом ... А потом мне поставили диагноз – рак».

В примере используется сравнение “as if I were being caged by my fears” («как будто мои страхи заключили меня в клетку») для того, чтобы показать на примере Анны, что наши страхи усиливают болезненное состояние и позволяют «раку» разрастаться в нашем обществе (“we allow ‘the cancer’ in our society to grow”).

В произведении эксплицируется миф о том, что мораль и ценности культуры абсолютно, но на самом деле – это просто набор мыслей и убеждений, которые мы со временем приняли как истинные. И если ценности культуры, которые считаются абсолютно верными, идут вразрез с жизненными ценностями конкретного человека (поведением, стремлениями, идеалами), то они могут стать причиной возникновения (болезни) рака.

Анита утверждает, что ценности – продукт культуры, как и все гендерные ожидания, сформировавшие её мышление в ранние годы. Ценности индуистской культуры, которые считались абсолютно верными, повлияли на то, кем она стала, и могли привести к развитию болезни:

“It seems to me that this world is always a culmination of all collective thoughts and beliefs ...” (p. 150) / «Мне кажется, что этот мир всегда является кульминацией всех коллективных мыслей и убеждений ...».

В примере используется метафора “this world is always a culmination of all collective thoughts and beliefs” («этот мир всегда является кульминацией всех коллективных мыслей и убеждений»), пока-

зывающая, что мы коллективно решаем, что возможно для человека, а что нет (*“we’ve also collectively decided what’s humanly possible and what isn’t”*), навязываем ему ценностные ориентиры.

Результаты метода сплошной выборки показывают, что чаще всего феномен «чудесного» исцеления представлен религиозными мифами (42,8%), реже всего – медицинскими мифами (25,1%) (см. рис. 1).

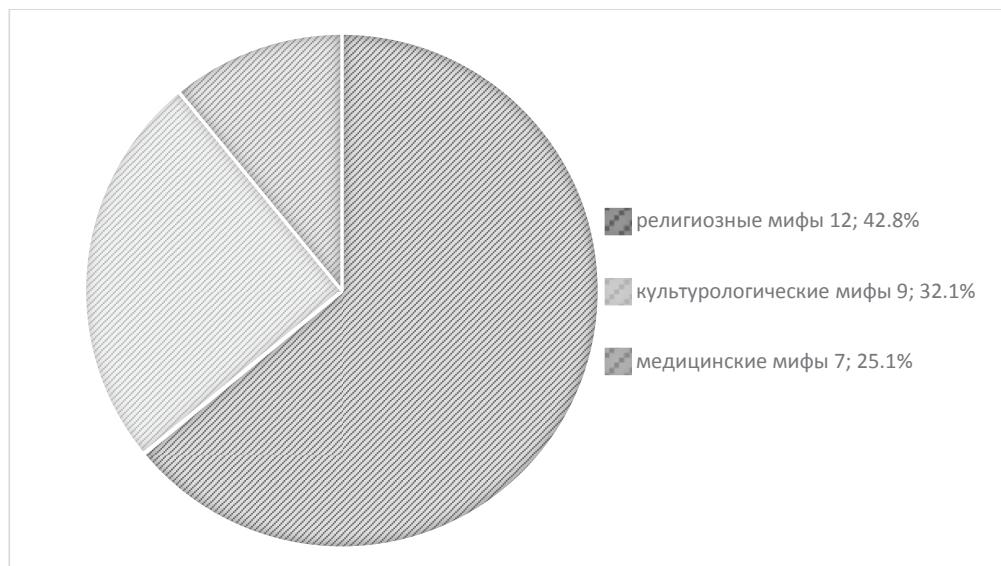

Рис. 1 / Fig. 1. Количество и процентное соотношение мифов, репрезентирующих феномен «чудесное» исцеление в произведении А. Мурджани «Умереть, чтобы стать собой» / Quantitative and percentage ratio of the myths representing the phenomenon of “miraculous” healing in the work of A. Moor-jani. “Dying to be me: my journey from cancer, to near death, to true healing”

Источник: составлено автором по результатам проведённого исследования

Высокая частотность использования религиозных мифов, описывающих чудесное исцеление, объясняется тем, что тема религии является общей для всех представителей лингвокультуры. Данный тип мифа чаще всего актуализируется с помощью *повтора и сравнения*, позволяющих больному через обращение к Богу объяснить свою тяжёлую болезнь более эмоционально.

Реже эксплицирующиеся культурологические мифы позволяют с помощью *сравнения и метафоры* интерпретировать аксиологические особенности и ценностные ориентиры представителей определённого лингвокультурного общества.

Наименее распространённые медицинские мифы актуализируются с помощью *медицинских метафор*. Они

предполагают интерпретацию проблем, связанных с лечением заболеваний, и подталкивают носителей языка к передаче народной медицинской мудрости и воссозданию ситуаций, имевших место в медицинской практике.

Выводы

Заболевание и исцеление как чудо являются ценностно-маркированными аксиогенными ситуациями. Людям известны причины болезни, но если процесс исцеления стал результатом необъяснимых случайностей, не поддающихся объяснению, это порождает невероятные интерпретации. Чудо исцеления – это лингвокультурный феномен, который объясняется реальными духовными потребностями людей. Будучи непонятной

культурной реалией, чудо исцеления сопровождается различными мифологическими стереотипами обыденного языкового сознания.

В нашем исследовании рассматривалась проблема репрезентации феномена «чудесного» исцеления, основанного на обыденных знаниях как базовых представлениях человека о повседневной действительности. Анализ показал, что феномен «чудесного» исцеления основан на фактах обыденного сознания

(медицинских нарративах, религиозных верованиях, ценностях представителей лингвокультурного общества), что нашло отражение в религиозных, культурологических и медицинских мифах, актуализирующихся такими стилистическими средствами, как сравнение и метафора, поскольку образные средства позволяют описать процесс исцеления более ярко и эмоционально.

Статья поступила в редакцию

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирова Т. Е. Семантический континуум мифа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 161–174. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174.
2. Горелова В. Н. Обыденное сознание как философская проблема. Пермь: Изд-во Перм. с.-х. ин-та, 1993. 165 с.
3. Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 65–75.
4. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: ACT, 2021. 448 с.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2018. 480 с.
7. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 2001. 280 с.
8. Статкевич И. А. Восприимчивость человека и духовные особенности исцеления его организма // Труды молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2001. С. 57–60.
9. Статкевич И. А. Феноменология и сущность суггестии. Мистическая и научная ее интерпретация // Сборник научных трудов кафедры комплексных исследований по философии. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2002. С. 58–66.
10. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2017. 235 с.
12. King K. C., Hoffman J. R. Myths and medicine // Western Journal of Medicine. 2000. Vol. 172 (3). P. 208. DOI: 10.1136/ewjm.172.3.208.
13. Stepanova E. S. Linguistic and Cognitive Aspects of Medical Myths in American Works of Fiction // The International Journal of Communication and Linguistic Studies. 2021. Vol. 19. Iss. 1. P. 65–72. DOI: 10.18848/2327-7882/CGP/v19i01/65-72.

REFERENCES

1. Vladimirova T. E. [Semantic continuum of myth]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya jazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN journal of language studies, semiotics and semantics], 2020, vol. 11, no. 2, pp. 161–174. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-161-174.
2. Gorelova V. N. *Obydennoe soznanie kak filosofskaya problema* [Everyday consciousness as a philosophical problem]. Perm, Perm Agricultural Institute Publ., 1993. 165 p.
3. Karasik V. I. [Axiogenic situation as an evaluative world mapping unit]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2014, no. 1, pp. 65–75.
4. Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001. 512 p.
5. Losev A. F. *Dialektika mifa* [The dialectics of myth]. Moscow, AST Publ., 2021. 448 p.
6. Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [The poetics of myth]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2018. 480 p.
7. Saussure F. de. *Zametki po obshchei lingvistike* [Notes on General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2001. 280 p.

8. Statkevich I. A. [Susceptibility of a person and spiritual features of the healing of his body]. In: *Trudy molodykh uchenykh i spetsialistov* [Works of young scientists and specialists]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2001, pp. 57–60.
9. Statkevich I. A. [Phenomenology and essence of suggestion. Mystical and scientific interpretation]. In: *Sbornik nauchnykh trudov kafedry kompleksnykh issledovanii po filosofii* [Collection of scientific papers of the Department of Complex Studies in Philosophy]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2002, pp. 58–66.
10. Tkhostov A. Sh. *Psikhologiya telesnosti* [The psychology of physicality]. Moscow, Smysl Publ., 2002. 287 p.
11. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017. 235 p.
12. King K. C., Hoffman J. R. Myths and medicine. In: *Western Journal of Medicine*, 2000, vol. 172 (3), pp. 208. DOI: 10.1136/ewjm.172.3.208.
13. Stepanova E. S. Linguistic and Cognitive Aspects of Medical Myths in American Works of Fiction. In: *The International Journal of Communication and Linguistic Studies*, 2021, vol. 19, iss. 1, pp. 65–72. DOI: 10.18848/2327-7882/CGP/v19i01/65-72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков Самарского государственного медицинского университета;
e-mail: pretty.step@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Stepanova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University;
e-mail: pretty.step@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степанова Е. С. Мифы о чудесных исцелениях: лингвистические и аксиологические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 24–32.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-24-32

FOR CITATION

Stepanova E. S. Myths about miraculous healing: linguistic and axiological aspects. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 24–32.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-24-32

УДК 17.51

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-33-46

ИДИОМАТИКА РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЭКРАНИЗАЦИЯХ РОМАНОВ АГАТЫ КРИСТИ

Строганова Т. В., Федченко Е. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть и описать особенности идиоматических выражений в речи персонажей в экранизациях романов А. Кристи, корректное понимание которых необходимо для интерпретации различных культурных ассоциаций и подтекстов.

Процедура и методы. Материал собран методом сплошной выборки. В рамках исследования применялся описательный метод: использовались приёмы наблюдения, обобщения и классификации эмпирического материала; и метод контекстуального анализа эмпирического материала.

Результаты. Изучен ряд элементов фразеологической природы в речи персонажей, не входящих в зафиксированный фразеологический фонд языка, понятных в пределах определённого социума, однако утрачивающих со временем свою актуальность и представляющих значительную трудность для восприятия и интерпретации аутентичного киноматериала.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нём впервые осуществляется интерпретация широкого спектра идиоматических средств выражения, представленных одновременно с позиций воспроизведяющей и воспринимающей языковых личностей. Такие средства языка обозначены предложенным нами термином «фразеология социума». Практические результаты исследования могут быть использованы при создании комплекса упражнений, комментариев и пособий для изучающих иностранный язык с привлечением художественной фильмографии.

Ключевые слова: идиомы, экранизации романов А. Кристи, речь персонажа, стилистическая маркированность

PHRASEOLOGY OF CHARACTER SPEECH IN FILMS BASED ON NOVELS BY AGATHA CHRISTIE

T. Stroganova, E. Fedchenko

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider and describe the features of idiomatic expressions in the speech of characters in the screen adaptations of A. Christie's novels, the correct understanding of which is necessary for the interpretation of various cultural associations and implications.

Methodology. The material was collected by continuous sampling. Within the framework of the research, a descriptive method was employed, the techniques of observation, generalization and classification of empirical material were used alongside with the method of contextual analysis of empirical material.

Results. We have studied a number of speech units of phraseological nature, which are not included in the fixed phraseological fund of the language. These speech elements are easily understood in a certain society, but lose their relevance over time, and present significant difficulties for the perception and interpretation of authentic film material.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in the fact that for the first time it interprets a wide range of idiomatic means of expression, presented simultaneously from the viewpoints of reproducing and perceiving linguistic personalities. Such means of language are designated by our proposed term “phraseology of social stratum”. The practical results of the research can be used to create a set of exercises, comments and manuals for foreign language learners with the use of feature films.

Keywords: idioms, screen adaptations of A. Christie's novels, character speech, stylistic prominence

Введение

На протяжении XX–XXI столетий появлялись многочисленные исследования, посвящённые функционированию фразеологических единиц в текстах различного рода. В частности в последнее время заслуживают внимания работы Шевелевой И. А. [15], Баранова А. Н., Добропольского Д. О. [1], Кулакович М. С. [5], Люльчевой Е. М. [6] и др. Однако вопрос о системном изучении фразеологии в киноматериалах оставались до недавнего времени вне пределов интереса исследователей. В последние десятилетия особую актуальность приобрели работы по изучению языка экранализаций художественных произведений, в том числе в области употребления ФЕ. Но подобные исследования относятся главным образом к вопросам адекватной интерпретации материала при переводе на русский язык (Соловьева В. Ю. [12], Мусина Н. А. [7]), или к проблемам лингводидактики (Соловьова Е. Н. [11], Оксюта А. А. [8], Павленко Е. А., Герстнер Е. Е. [9], Донахи К. (Donaghy K.) [17], Фостер Х. М. (Foster H. M.) [18], Чампу Дж. (Chamroux J. E.) [16]). Работ же, подробно рассматривающих функционирование идиоматических выражений в речи персонажей кинофильмов, авторами не обнаружено.

В данном исследовании ставится задача описать идиоматику речи персонажей в экранализациях по романам Агаты Кристи с учётом особенностей стилистического, культурологического характера, выявить и рассмотреть случаи авторских

преобразований и использования окказионализмов.

На примере фильмов, основанных на сюжетах А. Кристи, мы намеревались проследить процессы функционирования ФЕ в пределах материала, предназначенного для определённого социума в конкретный исторический период времени. Поскольку создание сценария предполагает максимальное приложение усилий для получения отклика от потенциальных зрителей, это приводит к использованию языкового материала, с одной стороны, в высшей степени отвечающего интересам зрителя, с другой – гарантированно понятного каждому члену социума, внутри которого предполагается показ кинофильма.

В нашей работе мы ограничились относительно однородным материалом фильмов, созданных на основе романов А. Кристи. В то же время, поскольку один и тот же литературный материал обработан различными сценаристами, а их целевая аудитория внутри определённых временных рамок различна, подобное исследование представляется нам интересным.

Некоторые аспекты использования фразеологических единиц при экранализации литературного произведения

В нашем подходе к понятию фразеологии мы опираемся на представления А. А. Реформатского, который определяет её в широком смысле как «слова и словосочетания, специфичные для речи

разных групп населения, по классовому или профессиональному признаку, для литературного направления или отдельного автора» [10, с. 70]. Таким образом, сюда относится всё то, что не создаётся говорящим (пишущим) в процессе речи спонтанно, а воспроизводится, берётся в готовом виде (пословицы, поговорки, цитаты, крылатые слова, афоризмы и пр.). Чётко осознавая, что «наша речь ... полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [2, с. 50], в наше поле зрения попадают так называемые прецедентные тексты, к которым относятся «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам» [4, с. 297]. Имея ввиду то, что «введение в устный дискурс прецедентных текстов, как правило, никак говорящим не маркируется», нужно отметить, что «таким единицам свойственна своего рода переинтерпретация, выражаяющаяся в актуализации двух слов плана содержания» [1, с. 50]. Следовательно, можно говорить о высоком идиоматическом потенциале использования прецедентных текстов в устной речи.

Целью нашего исследования является изучение киноматериала с учётом «фразеологии социума»¹, предполагающей наличие определённых фоновых знаний у целевой аудитории. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые осуществляется интерпретация широкого спектра идиоматических средств выражения, представленных одновременно с позиций воспроизводящей и воспринимающей языковых личностей. Предложенный нами термин «фразеология социума» охватывает всю ситуативную лексику, характеризующую персонажей фильма и одновременно имеющую непосредственное отношение к зрителю как объекту речевой ситуации. Каждый

фильм предполагает полное понимание происходящего в рамках общения «персонаж – зритель». Следовательно, изначально все «проблемные» компоненты речи персонажей должны быть понятны потенциальному зрителю. Впоследствии ФЕ определённого социума, относящиеся ко времени создания кинофильма, вызывают трудности у зрителей.

Как известно, в различное время было написано множество исследований, посвящённых фразеологии произведений Агаты Кристи. Выявлены многочисленные группы, типы, стилистические особенности ФЕ [12, с. 36]. Всё это представляет огромный интерес, но нас в данный момент интересует иной взгляд на проблему [13, с. 117].

Литературное произведение, будучи переработанным в сценарий фильма, утрачивает присущую письменной речи детальность рассуждения. Изначальный текст преобразуется в сценарий, где реалики – это, по сути, авторские характеристики персонажей, дополненные видеорядом и иными, не вербального порядка компонентами. А при сравнении разных сценариев на основе одного исходного текста, но с различным актёрским воплощением персонажей открывается простор для наблюдений и описания результатов. И было бы нежелательно исказить авторский замысел неверным восприятием ситуации именно вследствие ошибочной реакции на этот краткий миг общения персонажей.

В речи персонажей рассматриваемых нами экranizаций встречаются легко распознаваемые фразеологические обороты общеупотребительного характера, не представляющие, на наш взгляд, особой сложности: *the angel of death / a matter of life and death / to cover one's tracks / to my good lady (=wife) / your good lady / to keep an eye on sth/sb*.

Идиоматика тематически предопределена, если речь идёт о детективном жанре: *bring justice / limit our investigation / make no accusations / bail you out / a riot of*

¹ Термин авторов.

clues dropped most conveniently / the travesty of justice / the abundance of evidence / the scales of justice cannot always be evenly weighed / bring into difficulty with the law. Здесь предложена вся сопровождающая данный жанр фразеология с ключевыми опорными единицами: улики, свидетельства, показания, обвинения, расследование, залог, закон и т. д.

В свете вышеизложенного нам представляются наиболее интересными следующие моменты, связанные с интерпретацией идиом при экранализации:

- ситуации, в которых степень наполнения речи персонажей идиомами является стилистически маркированной в зависимости от принадлежности говорящего к той или иной социальной группе;
- идиомы, представленные в контексте, усложнённом игрой слов или требующем дополнительных сведений культурологического характера;
- авторские преобразования и окказионализмы, иногда в корне меняющие значение идиомы;
- изменённые, усечённые идиомы или ассоциативные намёки на них;
- идиомы, в которых составляющие лексемы понимаются в силу обстоятельств в их прямом значении.

Особенности интерпретации идиоматики речи персонажей в экранизациях по романам А. Кристи

Стилистическая маркированность идиоматики речи персонажей определённой социальной группы

Как правило, стилистическая окрашенность речи обусловлена принадлежностью персонажа фильма той или иной социальной группе людей. В разговорной речи это находит выражение в таких лингвистических особенностях, как употребление ФЕ сниженного стиля и коллоквиальных фразовых глаголов. Причём в некоторых случаях идиоматика неотделима от просторечных слов и вульгаризмов. Приведём самые распространённые случаи употребления.

а) Использование фразеологизмов сниженного стиля:

- He **hung** this whole **case on her**. (hang a case on smb – повесить дело на к.-л.¹);
- I **was** downright **awful at** it. (be good / bad at smth – уметь хорошо / плохо делать ч.-л.) // Я был прямо-таки ужасный юрист (закадровый перевод, далее – з. п.);
- I can **point** an easy **finger at** the Countess Andrenyi. (point a finger at smb – указать пальцем на / обвинить к.-л.);
- and monster them till they **have** the world **down cold** (get / have smth down cold – вызубрить на зубок / быть на мази // пока не запомнят все страны мира, з. п.);
- why would I slaughter my **cash cow** (cash cow – дойная корова);
- Не **made** a rather overt **overture** (make overtures – подкатывать; нащупывать почву // Он сделал весьма непристойное предложение, з. п.) [“Murder on the Orient Express” (2010, 2017)]²

Помимо того, что следующие фразеологизмы “to hang sth on smb / be awful at / point a finger at / have (get) sth down cold / cash cow³ / make overtures” относятся к

¹ Здесь и далее перевод слов и выражений выполнен с помощью ресурса WoordHunt, за исключением случаев закадрового перевода (з. п.). См.: Woord-Hunt [Электронный ресурс]. URL: <https://woord-hunt.ru/> (дата обращения: 10.09.2021).

² Экранизации одноименного романа А. Кристи «Убийство в Восточном экспрессе»: Murder on the Orient Express (Agatha Christie's Poirot. Season 12, episode 3) / реж. Ф. Мартин. ITV Studios and WGBH-TV, 2010 (см.: Agatha Christie's Poirot S12E03 – Murder on the Orient Express // Brit-TV: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HDtZNg2gIaQ> (дата обращения: 12.09.2021)); Murder on the Orient Express : film / dir. by K. Branagh. 20th Century Fox, 2017. 114 min. Здесь и далее в тексте при ссылке на источник указывается название “Murder on the Orient Express” и год выпуска конкретного фильма.

³ Любопытно, что в русской лингвокультуре ФЕ «дойная корова» может употребляться и в прямом, и переносном значениях, в то время как в английской лингвокультуре ФЕ “cash cow” имеет только переносное значение, а для образования словосочетания с прямым значением необходимо заменить первый компонент фразеологизма на лексему “dairy” (“dairy cow”).

разговорному стилю, они ещё и эмоционально окрашены. Это проявляется в употреблении усилительных наречных и атрибутивных вставок “*this whole case / downright awful / an easy finger / a rather overt overture*” или за счёт экспрессивного глагола: “*slaughter* my cash cow”. В случае с выражением “made a rather overt overture” нельзя не заметить ещё и игру слов “*overt overture*”, связанную с повтором морфемы. Идиоматичные выражения характерны для речи персонажа Миссис Хаббард, соблазнительной и игривой дамы, занимающейся, по её собственным словам, “*husband hunting*” (охотой на мужей) и характеризующей своего бывшего мужа: “Face *like a turnip*, but I loved that *turnip*” (с лицом, похожим на репу, но я любила эту репку, з. п.). Следует также иметь в виду метафоричность слова “*turnip*” в связи с его вторым шутливым значением – «болван» («но я, его, *дурашку*, любила»).

б) Привлечение просторечной лексики и вульгаризмов: it is full of the *fudge* (*fudge* – враньё / «липа») / *Hell of a guy* (Marquez) («крутой чувак») / my governess was *a stickler for* geography (*stickler for* – ярая сторонница // наша гувернантка была просто помешана на географии, з. п.) / *bunkies* (*bunkies AE sl.* – соседи по койкам) [“Murder on the Orient Express”, 2017] / I want to *kick someone up the ass!* (*kick up the ass* – «надрать к.-л. задницу») / I’d have *ripped the bastard’s heart out. Pardon my French.* (*rip the heart out* – вырвать сердце, разорвать сердце; Excuse / pardon my French! – Извините за латынь!, Извините за выражение!) [“Murder on the Orient Express”, 2010] Использованная в приведённых примерах просторечная лексика придаёт экспрессивность языковому портрету того или иного персонажа.

с) Широкое употребление фразовых глаголов: my beginner’s luck has *panned out* (новичкам везёт; pan out AE – удаваться, преуспевать) / *struck up* a chat with the coloured doctor (завела беседу с доктором; strike up – начать) / I don’t *hold* a man’s race *against* him but I don’t often *take to*

Britishers (Ничего не имею против цвета кожи, но британцы меня раздражают; hold smth against smb – иметь претензии к к.-л. / иметь что-то против к.-л., take to – привязаться к к.-л.) [“Murder on the Orient Express”, 2017] / I could *do with* a drink. (я не прочь бы выпить (do with [в сочет. с модальным глаголом] иметь желание получить что-л.) / *speak out of turn* (говорить необдуманно / сказать не к месту) [“Murder on the Orient Express”, 2010].

д) Применение разговорных словообразовательных форм (сокращений и конверсии): half *a Heeb* (Hebrew) myself (еврей – сокращение) / R. asked for a man *to tail* him, offering triple time. (висеть на хвосте – конверсия) [“Murder on the Orient Express”, 2017] / I brought him his *pick-me-up*, sir, at the usual time. (возбуждающий алкогольный напиток – конверсия) [“Murder on the Orient Express”, 2010] / *don’t Mrs. Hubbard* me (не «Вырайте» / не лезьте со своим «Миссис Хаббард» – конверсия). Идиоматичность конвертированных и сокращённых лексем способствует решению определённых речевых задач: они дополняют речевой портрет персонажей, придают диалогам непринуждённость.

В контексте речь персонажей отражает положение человека в обществе. Например, горничная красочно описывает ситуацию, употребляя преимущественно коллоквиальные ФЕ: “The girl was murdered. That Raffiel boy – *mad as a hatter*, of course, that’s what makes them do it. There were others … Lora Brent for one. She disappeared … I say, it’s Raffiel that’s *done her in*. – We didn’t like him *being round* … He got the message in the end – and *good ride-dance!*!” [“Nemesis”¹] / «Девушку убили. Это тот парень, Рэффиэл – он, конечно, *покнутый*, так всегда бывает … Были и другие. Лора Брент, к примеру. Она пропала. … Я так скажу, этот Рэффиэл и её

¹ Экранизация одноименного романа А. Кристи «Немезида». Nemesis (Miss Marple: BBC television series, Episode 8) / dir. by D. Tucker. BBC One, 1987. 102 min. Здесь и далее в тексте – “Nemesis”.

прикончил. – Нам не по нраву было, что он тут **болтается** ... Ну, до него, наконец, **дошло – и скатертью дорога!**¹

Или другой эпизод фильма «Немезида». Владелец проката автомобилей также объясняет отношение местных жителей к сыну м-ра Рэффиэла: “Well, he did go. We *saw to* that ... We *got rid of* that Raffiel fellow – How did you do that? – There are creatures that just *smoke out* when you put salt on their tail.” [“Nemesis”] / «Ну, он всё-таки убрался. Уж мы **позаботились**. ... **Избавились таки** мы от этого Рэффиэла. – А как вам это удалось? – Таких тварей можно **выкурить**, стоит только насыпать им соли на хвост».

е) Проявление стратегии дистанцирования в речи персонажа, занимающего высокое положение в обществе. В этом случае наблюдается преимущественное наполнение речи литературной или книжной лексикой. Например, в речи Пуаро по отношению к подчинённому: “I *hold you accountable for* my loss of time, Mr. Bouc.” (Вы **ответите за то**, что я потерял время, Месье Бук). Или, у этого же персонажа, в молитве нарочито отстранённой за счёт архаизмов и малоупотребительной лексики: “Lord! I *thank Thee for* creating me and *for having made me* a Catholic. If I have done any good, *deign to accept* it. Amen.” [“Murder on the Orient Express”, 2010] / «Господи! **Благодарю Тебя** за то, что **Ты создал меня** католиком. И если я сделал хоть что-нибудь хорошее в этой жизни, **с благоволии принять** это. Аминь»). Высокий стиль – примечательная черта речи княгини Драгомирофф: “Princess Dragomiroff: “I *should have liked to have called* my servants, flogged this man to death, and throw him on the rubbish heap.” [“Murder on the Orient Express”, 2017] / «Мне **бы хотелось**² **созвать** своих слуг, выпороть

этого человека до смерти и выкинуть его на свалку!»). Сложная грамматическая конструкция с модальным глаголом передаёт повелительный тон и категоричность высказываний геройни.

Идиомы в контексте, усложнённом игрой слов или требующем дополнительных сведений культурологического характера

Рассмотрим примеры. Начало фильма «Отель «Бертрам»: восторженная, но недалёкая поклонница, получив желанный автограф знаменитой леди Сэджвик, вдруг обнаруживает, что он гласит: “*Break a leg!*” и остаётся в недоумении. Ей трудно себе представить, что это традиционное пожелание удачи театральному актёру перед выходом на сцену («*Ни пуха, ни пера!*» / «Сломай ногу!»), в то время как использование выражения «Удачи!» [good luck] считается в актёрской среде плохой приметой [“At Bertram’s Hotel”]³.

Полицейский, характеризуя молодых людей, обыгрывает идиому *fancy oneself* – быть о себе (неоправданно) высокого мнения, воображать: “Patrick Simmons? – *Fancies himself as* a joker. – Julia Simmons? – Just *fancies herself*.” [“A Murder is Announced”]⁴ / «Патрик Симмонс – **воображает себя шутником**. – А Джулия Симмонс? – Просто **много воображает о себе**». Здесь актуализируются два разных значения идиомы.

в роли дополнения в английском языке (“should have liked to have called”) переводится с помощью формы глагола в сослагательном наклонении в русском языке («хотелось бы созвать»), однако отнесённость английской формы глагола к прошлому не соответствует категории времени у русского глагола, относящегося к будущему.

³ Экранизация одноименного романа А. Кристи «Отель «Бертрам»: At Bertram’s Hotel (Miss Marple: BBC television series, Episode 7)/ dir. by M. McMurray. BBC One, 1987. 110 min. Здесь и далее в тексте – “At Bertram’s Hotel”.

⁴ «Объявлено убийство!» – телевизионный фильм по одноименному роману: A Murder is Announced (Miss Marple: BBC television series, Episode 4)/ dir. by D. Giles. BBC One, 1985. 153 min. Здесь и далее в тексте – “A Murder is Announced”.

¹ Здесь и далее перевод фрагментов текста выполнен авторами статьи.

² Важно отметить этнокультурный фактор восприятия временной отнесённости данной синтаксической конструкции в русском и английском языках. Составное модальное сказуемое с инфинитивом

Будучи разоблачёнными в обмане, молодые люди, оказавшиеся не братом и сестрой, а влюблённой парой, комментируют ситуацию: “*Caught in the act!*! – Well, not quite in the act.” [“A Murder is Announced”]. Идиома используется в двух значениях одновременно: 1) быть пойманным с поличным; 2) быть застигнутым *in flagranti delicto* (*Попались на месте преступления!* – Ну, по крайней мере, не в постели).

На привычный вопрос об отношении к алкогольным напиткам в ответ звучит нравоучительно-дидактическое «мне грех не по вкусу», происходит двойная актуализация значений ФЕ “*to agree with smb.*” – I do not drink. – It does not *agree with you?* – *Sin does not agree with me.*” [“Murder on the Orient Express”, 2017] / «Я не пью. Вам это не по вкусу? – Мне грех не по вкусу».

Любопытна также интерпретация известной истории из Нового Завета с судом над женщиной, обвиняемой в прелюбодеянии: “Jesus said let those without sin, throw the first stone. Well, we were *without sin*, Monsieur. I was *without sin*” [“Murder on the Orient Express”, 2017]. Дальнейшая трансформация фразеологизма (именуемая также термином «разложение ФЕ») осуществляется сообразно ситуации, в которой намеренно нарушаются заложенная в библейской истории риторичность знаменитого обращения «Кто из вас без греха, пусть первым бросит в неё камень»¹. В развернутом высказывании фразеологизм приобретает буквальное значение «**не иметь греха; быть невинным/чистым**»: «Что же, мы *все были чисты*, месье. И я тоже». Искажая смысл библейского выражения, героиня настаивает на оправдании своего права на месть.

Авторские преобразования и окказионализмы, в корне меняющие значение идиомы

Например, выражение, характеризующее плохую память дворецкого, встре-

¹ Евангелие от Иоанна 8 стих 7 // БИБЛИЯ онлайн. URL: <https://bible.by/verse/43/8/7/> (дата обращения: 10.09.2021).

чающееся в своём привычном значении “memory like a sieve” / «память как решето» [“A Pocket Full of Rye”]², в отношении мисс Марпл выглядит иначе. «*Memory like a sink*» – вариант, автором которого по её утверждению, является её племянник, она объясняет следующим образом: “A sink is a something that takes everything in and helps keep things clean” / «Раковина – это такая вещь, в которую попадает всё подряд, но в которой всё приводится в порядок». То есть её память не «решето», а бездонная ёмкость, в ней оседают мельчайшие частицы и детали фактов и событий, которые впоследствии могут быть предъявлены в надлежащий момент и употреблены самым неожиданным образом для раскрытия запутанных тайн и загадок.

Усечённые идиомы или ассоциативные намёки на них

“*Turn over a stone* and you’ll have no idea what’ll crawl out” [“Nemesis”] – отсылка к выражению “*leave no stone unturned*” сделать всё возможное, испробовать все средства, пустить всё в ход, приложить все старания, ни перед чем не останавливаться (*попытайся копнуть* чуть глубже, и неизвестно, что вылезет на свет). Или “*to rake up the dirt down everyone*” [“A Murder is Announced”] – ФЕ “*cast dirt at smb.* (cast (fling, throw) dirt at smb.)”/ забросать кого-л. грязью, смешать кого-л. с грязью, облить помоями, очернить кого-л.; поносить, осыпать кого-л. грязью. Здесь усиливается компонентом “*rake up*” – выискивать, выкапывать, добывать с трудом, подчёркивающим, что имеет место не просто оговор, а автор настава прилагает усилия, дабы найти порочащие окружающих сведения.

Фразеологизм “*brace up*” со значением «взбодрить» не употребляется с прямым дополнением в постпозиции, как в следу-

² «Карман, полный ржи», фильм 1985 г. по одноименному роману А. Кристи: A Pocketful of Rye (Miss Marple: BBC television series, Episode 3)/ dir. by G. Slater. BBC One, 1985. 103 min. Здесь и далее в тексте – “A Pocket Full of Rye”.

ющем обращении Пуаро к Мисс Дебенхэм с приглашением прогуляться: “Miss Debenham, you do not mind **to brace the air?**” [“Murder on the Orient Express”, 2017] / «Не угодно ли **осчастливить** своим выходом **атмосферу?**» Такое построение звучит игриво и располагает к непринуждённой беседе. Сказывается тот факт, что для персонажа Пуаро английский язык не родной, что приводит к ошибкам в речи, например перестановке слов в идиомах (“Will you brace the air?” вместо “the air will **brace you up**” или “Your head is full of steam” вместо “**a full head of steam**”).

Идиомы, в которых составляющие их лексемы понимаются в их прямом значении

Идиома “**only God knows**” («**одному Богу известно**») интерпретируется в буквальном смысле, компоненты выражения разложены на слова с прямыми значениями, и звучит пожелание, чтобы Бог не скрывал более ответа от нас: “Only God knows that answer! – Well, I wish He’d stop keeping it to Himself” [“Murder on the Orient Express”, 2017].

В другом случае, когда начальник поезда подсмеивается над набожностью Мисс Олсен и в ответ на её реплику о том, что она уже пять лет как с Богом (“Five years I **have been with him** (Jesus”), саркастично замечает: «И я уверен, Он наслаждался каждой минутой» / “And I’m sure He’s enjoyed every moment” [“Murder on the Orient Express”, 2017]. ФЕ снова обыгрывается за счёт использования прямых значений компонентов.

Аллюзивно-ассоциативный уровень текстовой интерпретации

Однако при всём вышеупомянутом многообразии хотелось бы привлечь внимание изучающих язык к более широкому охвату понятия «идиоматика». В противном случае неясными остаются многочисленные культурные аспекты материала, ассоциации с литературными произведениями, фольклором, обычаями.

Мы изучили несколько вариантов экranизаций произведений А. Кристи, обращая особое внимание на идиоматическое наполнение речи персонажей: Мисс Марпл в исполнении Джоан Хиксон (Joan Hickson¹) это действительно Немезида, как обозначено в названии фильма и одноимённого романа, так как и правда действует, подобно древнегреческой богине, абсолютно безапелляционно. Она мыслит библейскими категориями, и это даёт сигнал людям, всерьёз воспринимающим эту непреклонную даму. Вспомним, к примеру, мистера Рэффиэла [“Nemesis”], который, пусть и надеялся на благоприятный исход расследования, отдаёт себе отчёт в том, что согласно **библейскому изречению**, проходящему лейтмотивом через весь фильм, мисс Марпл не остановится, даже если результат расследования будет угрожать жизни его сына. Не остановит её и то, что взбалмошная авантюристка леди Сэджвик уже пожертвовала жизнью ради спасения дочери-убийцы. Юная злодейка всё равно стараниями мисс Марпл попадает в руки закона: “Let justice roll down like waters and righteousness like an everlasting stream”² / «Пусть, как вода, течёт суд, и правда – как сильный поток!». Сильный поток течёт и летом, и зимой – подобно такому потоку и правосудие не должно быть случайным и времененным порывом, а должно быть постоянной нормой жизни³.

¹ Джоан Богл Хиксон (англ. Joan Bogle Hickson; 5.08.1906 – 17.10.1998) – британская актриса театра, кино и телевидения. Наиболее известна благодаря роли мисс Марпл в серии телевизионных фильмов BBC. См.: Joan Hickson [Электронный ресурс] // Wikipedia : [сайт]. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Join_Hickson](https://en.wikipedia.org/wiki/Joan_Hickson) (дата обращения: 10.09.2021).

² Ср.: Prophet Amos 5:24 English Standard Version: But let justice roll down like waters, and righteousness like an ever-flowing stream. См.: Amos 5:24 [Электронный ресурс] // BibleGateway : [сайт]. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Amos%205%3A24&version=ESV> (дата обращения: 10.09.2021).

³ См.: Лопухин А. П. Толкование на книгу пророка Амоса // Православный портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_37/5 (дата обращения: 10.09.2021).

Знание фольклора помогает мисс Марпл находить незримые другим истинные мотивы преступников:

Sing a song of sixpence,
A pocket full of rye, (зёрна, найденные в кармане у потерпевшего)
Four and twenty blackbirds
Baked in a pie ... (подброшенные в кабинет птицы, с намёком на мошенничество с шахтой)
The king was in the counting-house
Counting out his money, ... (имя потерпевшего Rex (король))

The maid was in the garden
Hanging out the clothes.
Along came a black bird
And snipped off her nose ... ¹ (обстоятельства гибели служанки, обнаруженной около развесенного для просушки белья с прищепкой на носу) [“A Pocket Full of Rye”].

Библия даёт возможность мгновенно находить поддержку единомышленников. Две пожилые дамы, незнакомые друг с другом, при виде погибшей служанки произносят части одних и тех же псалмов, и они уже “birds of the feather” – мгновенно следует приглашение мисс Марпл остановиться в охваченном несчастьем доме, что даст ей возможность распутать весь клубок интриг и преступлений: “The murderer rising with the light killeth the poor and needy, and in the night is as a thief². For where a testament is, there must also of necessity be the death of the testator³” [“A Pocket Full of Rye”]. Причём следует заметить, что знание канониче-

ского текста русского перевода второй библейской цитаты не помогает уловить смысл высказывания, поскольку ассоциативный ряд восприятия слова “testament” в двух языках совершенно разный. В английском языке слово “testament” многозначно, и, в данном случае оно имеет непосредственное отношение к совершенному преступлению, ведь речь идёт об устраниении свидетеля.

В другом фильме ключом к разгадке махинаций преступников [“At Bertram’s Hotel”] служит строчка из сказки «Белоснежка» (*Snow White*): “Mirror, on the wall, who, now, is the fairest one of all?” («Скажи, зеркальце на стене, кто краше всех в этой стране?»). Дискурсивная аллюзия на знаменитое зеркальце из сказки служит сигналом, активизирующим определённую область фонового знания у зрителей [3, с. 30].

На **аллюзии** может быть построена игра слов, как в истории с именем, которое можно произнести по-разному. Поэтому Пуаро иронично подчёркивает, что его зовут именно «Эр’кюль», и он не имеет никакого отношения к подвигам Геракла (а Herculean labour/ task; Herculean labours – геркулесов труд, исключительно трудное дело): “You’re the detective, *Hercules* [‘hɜ:kjʊlɪz] Poirot? – *Hercule* Poirot [hɜ:r’ku:l]. I do not slay lions, Mademoiselle” [“Murder on the Orient Express”, 2017] / «Вы – детектив, ‘Теркюлес’ Пуаро? – Эр’кюль Пуаро. Я не сражаюсь со львами, Мадмуазель». В переосмыслинии имени нашего персонажа, как аллюзии на знаменитого древнегреческого героя, не только заключена идиоматичность этой лексемы, но и выражена лёгкая ирония.

Мисс Марпл в исполнении Джеральдин Макьюэн (Geraldine McEwan)⁴ вы-

¹ Sing a song of sixpence. A pocket full of rye ... // Mother Goose Rhymes = Стихи матушки Гусыни / сост. Н. М. Демурова; на англ. яз. с избранными русскими переводами. М.: «Радуга», 1988. С. 210–211.

² Ср.: Job 24: 14 (KJV): С рассветом встаёт убийца, умерщвляет бедного и нищего, а ночью бывает вором. См.: Иов 24 стих 14. Сравнение переводов // Библия онлайн. URL: <https://bible.by/verse-en/18/24/14/> (дата обращения: 11.09.2021).

³ Ср.: Hebrews 9:16 (KJV): Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя. См.: Послание к Евреям 9 стих 16. Сравнение переводов // Библия онлайн. URL: <https://bible.by/verse-en/65/9/16/> (дата обращения: 11.09.2021).

⁴ Джеральдин Макьюэн (англ. Geraldine McEwan, 9.05.1932 – 30.01.2015) – британская актриса, известная по роли мисс Марпл в одноимённом сериале на канале «ITV». См.: Geraldine McEwan [Электронный ресурс] // Wikipedia : [сайт]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Geraldine_McEwan (дата обращения: 11.09.2021).

глядит значительно скромнее – как в отношении идиоматики, так и в плане личностных характеристик. Это умная, пронырливая старушка, в меру остроумная, иногда ехидная. Но это не Немезида. В её речи представлены общеупотребительные ФЕ – как имеющие отношение к сфере преступлений (a matter of life and death; at large; to cover one's tracks), так и широкой сферы употребления (to bark up the wrong tree – идти по ложному следу; обратиться не по адресу; to give sb. one's notices – заявить об уходе, просить расчёта).

Но есть ещё один труднодоступный для понимания культурологический аспект, чаще всего проявляющийся при построении эпизода на основе **фоновых знаний** [14, с. 167].

К примеру, инспектор из «Отеля Бертрам» [*At Bertram's Hotel*] всё время перемежает вопросы подозреваемому со странными строчками, которые он напевает подобно булгаковскому профессору Преображенскому («От Севильи до Гренады ...»). При ближайшем рассмотрении выясняется, что инспектор большой поклонник комической оперы, а эти строчки происходят из куплетов юных пансионерок (*The Mikado* (Микадо, или город Титипу), либретто У. Гилберта, композитор А. Салливан) и полицейских с пиратского острова (*The Pirates of Penzance; or, The Slave of Duty* (Пираты Пензанса, или Раб долга) либретто У. Гилберта, композитор А. Салливан). Как персонажу этого эпизода, так и зрителю периода создания кинофильма очевидно, что данные строчки не имеют непосредственного отношения к делу. Для современного же зрителя данная ситуация представляется проблемной с точки зрения интерпретации, поскольку цитируемые тексты утратили свою популярность в настоящее время.

Или, например, в экранизации «Отель Бертрам» экзальтированная подруга мисс Марпл, кипя от возмущения, рассказывает за чаем, что «эти американцы» подали ей *muffins*, оказавшиеся *tea cakes*

with raisins. С точки зрения британки – это просто кулинарное святотатство, поскольку британский маффин – несладкая булочка («английская булочка»), лепёшка, в то время как *tea cake* – подаваемый к чаю сладкий кекс с совершенно определённой рецептурой. Маффин же (*English muffin* – английский маффин), будучи разрезанным пополам, становится основой для тостов к завтраку и других аналогичных блюд, таких, как, к примеру, яйца Бенедикт и МакМаффин. Т. е. сладкое изделие, поданное в американском заведении, так же неуместно, как бифштекс с ванильным кремом.

К этой же группе лексем мы относим примеры **аллюзий на известных исторических персонажей или события**, довольно часто встречающиеся в текстах. Например, учитывая двусмысленность создавшейся ситуации, когда собравшиеся гости ждут совершения некоего объявленного заранее преступления, ехидный юноша отзыается о прибывших на вечеринку гостях, как о Мистере и Миссис Борджиа, известных в истории в качестве преступников-отравителей: “*Mr. and Mrs. Borgia have come and brought their own bottle*”¹ [*A Murder is Announced*].

Жена викария характеризует свою кошку, сыгравшую немаловажную роль в раскрытии преступления: “*Delilah – my husband christened her this and her moral standards are similar*” [*A Murder is Announced*], намекая на библейскую Далилу².

¹ Борджиа, точнее Борджа (кат. *Borja* ['bɔːrdʒə] – Борж, исп. *Borja* ['bɔrχa], араг. *Borcha* – Борха, итал. *Borgia* ['bɔrdʒa] – Борджа) – испано-итальянский дворянский род из Валенсии в короне Арагона, правители города Гандия. Род подарил католическому миру двух римских пап и два десятка кардиналов. Его имя стало синонимом распущенности и вероломства. Подробнее см.: Борджа [Электронный ресурс] // Wikipedia : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Борджа> (дата обращения: 10.09.2021).

² Далила, в Синодальном переводе Далида, в Ветхом Завете – женщина, предавшая Самсона. Христианские богословы, трактуя Книгу Судей, акцентируют на примере с Далилой значимость борьбы с

Ланс Фортескью даёт характеристику своему брату: “It's my brother, Percival the pious, Percy Primrose” (primrose – подснежник / примула) [“A Pocket Full of Rye”], поскольку он связывает брата с политической организацией консерваторов Primrose League – «Лига подснежника»¹.

Заключение

В центре внимания настоящей работы – идиоматика вербального общения персонажей экранизаций по романам А. Кристи. На речевой портрет персонажа влияют такие факторы, как индивидуальные особенности личности говорящего, его социальный статус, этнокультурные влияния. Так, показателем образованности персонажа Пуаро выступает используемая им фразеология формального стиля (*hold you accountable for*), возвышенная лексика (*deign to accept*). Однако его бельгийское происхождение приводит к ошибкам в речи, из-за которых происходят забавные преобразования устойчивых английских выражений. Таким образом, при интерпретации фразеологии персонажей нужно учитывать такие особенности языковой личности, как их национальность (например, американцы в речи персонажей американцев), степень образованности (владе-

плотской страстью). Также приводят Далилу как образец женского коварства и спастолюбия. Подробнее см.: Далила [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/594069>.

¹ Primrose League [‘prɪmrəʊz li:g]: «Лига подснежника» – политическая организация консерваторов; выступает в защиту англиканской церкви (Church of England) и монархии, проповедует классовый мир. Создана в 1883 г. в память Б. Дизраэли (Benjamin Disraeli, 1804–81), который в 1874–80 гг. был премьер-министром Великобритании. Primrose – примула *Primula vulgaris*; в этом сочетании традиционно переводится «подснежник»; примула считалась любимым цветком Дизраэли. В соответствии с традициями Дизраэли особое внимание «Лига подснежника» обращает на социальную демагогию. См. подробнее: ЛИГА ПОДСНЕЖНИКА [Электронный ресурс] // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/9674/%D0%9B%D0%98%D0%93%D0%90> (дата обращения: 10.09.2021).

ние книжной лексикой, употребление в речи цитат и аллюзий на литературные и исторические источники), характер (например, колкие, ироничные сравнения в речи Миссис Хаббард), религиозная принадлежность (библейские цитаты, употребление лексем “sin, evil, God, Jesus”), социальный статус (сниженная разговорная лексика в речи слуг и гувернанток).

Мы рассмотрели широкий спектр языковых средств, обладающих ярко выраженной идиоматичностью. На основе изложенного можно сделать вывод об основных способах образования слов и выражений с частично или полностью переосмыщленным значением. В изученном нами языковом материале можно выделить следующие типы: 1) разные виды словообразовательных моделей: деривация (*stickler*), словосложение (*pick-me-up*), сокращение (*Heeb*), конверсия (*tail*); 2) метафорический перенос (*fudge, cash cow, break a leg*); 3) переосмысление значения за счёт игры слов (*fancy oneself, agree with smb*); 4) переинтерпретация прецедентных текстов (цитаты и аллюзии на фольклор, Библию, историческое событие или литературного героя).

Аутентичные видеоматериалы имеют больший, по сравнению с печатными и звучащими текстами, лингвометодический потенциал, наглядно демонстрируя протекание процесса инокультурной и межкультурной коммуникации и представляя неограниченные возможности для проведения анализа, построенного на сравнении и сопоставлении культурных реалий и особенностей поведения людей в различных ситуациях межличностного общения. Вычленение реалий иноязычной культуры, сопоставление двух и более культур, а также выявление различий культур межнационального, гендерного, социального, демографического и языкового характера предвосхищает причины возможного недопонимания и устраниет проблемы выбора неадекватных средств речевого взаимодействия при общении.

Нам представляется, что в свете вышеприведенного, группы ФЕ, отнесённые к области «фразеологии социума» зачастую представляют большой интерес и дают широкие возможности для исследо-

вания как с позиции их культурологической сущности, так и с точки зрения проблем интерпретации.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М.: Флинта, 2014. 311 с.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 455 с.
- Гюббенет И. В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М.: Изд-во МГУ, 1981. 112 с.
- Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 297–302.
- Кулакович М. С. Мотивированность английских фразеологических единиц в современных художественных произведениях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 3. С. 135–138. DOI: 10.30853/filnauki.2019.3.28.
- Люльчева Е. М. Закономерности функционирования фразеологических единиц английского языка в разных типах дискурса // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки (электронный научный журнал). 2017. № 1. С. 19–33.
- Мусина Н. А. Стилистические функции фразеологических единиц в произведениях детективного жанра как переводческая проблема: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 194 с.
- Оксюта А. А. Использование цифровых ресурсов при обучении иностранному языку // Инновационные технологии обучения иностранному языку в вузе и школе: реализация современных ФГОС : сборник научных трудов по материалам Четвертой Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 19–20 февраля 2019 г.): в 2 ч. Ч. 1. / [отв. ред. М. В. Щербакова]; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 103–110.
- Павленко Е. А., Герстнер Е. Е. Современные формы активизации самостоятельной деятельности студентов // Новые технологии в обучении иностранным языкам: сборник материалов научно-практической конференции / отв. ред. А. Г. Мартынова [Электронный ресурс]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 29–33. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект пресс, 1996. 275 с.
- Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М.: Просвещение, 2002. 238 с.
- Соловьев В. Ю. Особенности перевода в кинопроизводстве: субтитры и дублирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 36 с.
- Строганова Т. В., Федченко Е. Н. Применение аутентичных видеоматериалов при обучении иностранному языку в высшей школе // Инновации в науке и практике: сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции. В 5-ти частях. Ч. 4. Барнаул, 2018. С. 117–127.
- Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 172 с.
- Шевелева И. А. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц (на материале английских драматических произведений XVIII и XX веков): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2017. 172 с.
- Champoux J. E. Film as a Teaching Resource // Journal of Management Inquiry. 1999. Vol. 8. Iss. 2. P. 240–251. DOI: 10.1177/105649269982016.
- Donaghy K. Film in Action – Teaching language using moving images, How to Write Film and Video Activities [Электронный ресурс] // Film in Action : [сайт]. URL: <http://filminaction.net> (дата обращения: 10.09.2021).
- Foster H. M. The New Literacy: The Language of Film and Television. USA: National Council of Teachers of English, 1979. 72 p.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Dobrovolskii D. O. *Osnovy frazeologii* [The basics of phraseology]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 311 p.
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 455 p.
3. Gyubbenet I. V. *K probleme ponimaniya literaturno-khudozhestvennogo teksta (na angliiskom materiale)* [To the problem of understanding of literary text (on the English language material)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1981. 112 p.
4. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. [Precedent text as a reduced discourse]. In: *Yazyk kak tvorchestvo: sbornik statei k 70-letiyu V. P. Grigor'eva* [Language as creativity: a collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V. P. Grigoriev]. Moscow, Russian Language Institute RAS Publ., 1996, pp. 297–302.
5. Kulakovitch M. S. [Motivation of the English phraseological units in modern works of fiction]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 3, pp. 135–138. DOI: 10.30853/filnauki.2019.3.28.
6. Lyulcheva E. M. [Peculiarities of English phraseological units using in different discourse types]. In: *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 3. Humanitarian and social sciences (electronic scientific journal)], 2017, no. 1, pp. 19–33.
7. Musina N. A. *Stilisticheskie funktsii frazeologicheskikh edinitv v proizvedeniyakh detektivnogo zhanra kak perevodcheskaya problema: dis. ... kand. filol. nauk* [Stylistic functions of phraseological units in the works of the detective genre as a translation problem: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 194 p.
8. Oksyuta A. A. [The use of digital resources in teaching a foreign language]. In: *Innovatsionnye tekhnologii obucheniya inostrannomu yazyku v vuze i shkole: realizatsiya sovremennykh FGOS : sbornik nauchnykh trudov po materialam Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Voronezh, 19–20 fevralya 2019 g.): v 2 ch. Ch. 1* [Innovative technologies for teaching a foreign language at university and school: the implementation of modern Federal State Educational Standards: a collection of scientific papers based on the materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference (Voronezh, February 19–20, 2019): in 2 parts. Part 1]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2019, pp. 103–110.
9. Pavlenko E. A., Gerstner E. E. [Modern forms of students' independent study intensification]. In: *Novye tekhnologii v obuchenii inostrannym yazykam: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii* [New technologies in teaching foreign languages: collection of materials of the scientific-practical conference]. Omsk, Omsk State University Publ., 2017, pp. 29–33. 1 CD-ROM.
10. Reformatsky A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Aspent press Publ., 1996. 275 p.
11. Solovova E. N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: Bazovyj kurs lektsii* [Methods of teaching foreign languages: Basic course of lectures]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2002. 238 p.
12. Solov'eva V. Yu. *Osobennosti perevoda v kinoproizvodstve: subtitry i dublirovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of translation in film production: subtitles and dubbing: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 36 p.
13. Stroganova T. V., Fedchenko E. N. [The use of authentic video materials in teaching a foreign language in higher education]. In: *Innovatsii v nauke i praktike: sbornik statei po materialam VII mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 5-ti chastyakh. Ch. ' 4* [Innovations in science and practice: a collection of articles based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference. In 5 parts. Part 4]. Barnaul, 2018, pp. 117–127.
14. Khukhuni G. T., Valuitseva I. I. *Mezhkul'turnaya adaptatsiya khudozhestvennogo teksta* [Intercultural adaptation of the literary text]. Moscow, Prometei Publ., 2003. 172 p.
15. Sheveleva I. A. *Individual'no-avtorskie preobrazovaniya frazeologicheskikh edinitv (na materiale angliiskikh dramaticeskikh proizvedenii XVIII i XX vekov): dis. ... kand. filol. nauk* [Individual-Author's Transformations of Phraseological Units (Based on English Dramatic Works of the 18th and 20th Centuries): PhD thesis in Philological Sciences]. Smolensk, 2017. 172 p.

16. Champoux J. E. Film as a Teaching Resource. In: *Journal of Management Inquiry*, 1999, vol. 8, iss. 2, pp. 240–251. DOI: 10.1177/105649269982016.
17. Donaghy K. Film in Action – Teaching language using moving images, How to Write Film and Video Activities. In: *Film in Action*. Available at: <http://filminaction.net> (accessed: 10.09.2021).
18. Foster H. M. The New Leteracy: The Language of Film and Television. USA, National Council of Teachers of English, 1979. 72 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Строганова Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: tanyastrog@yandex.ru

Федченко Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: elenafedch@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana V. Stroganova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Theory and Practice of the English Language, Moscow Region State University;
e-mail: tanyastrog@yandex.ru

Elena N. Fedchenko – Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of the English Language, Moscow Region State University;
e-mail: elenafedch@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Строганова Т. В., Федченко Е. Н. Идиоматика речи персонажей в экранизациях романов Агаты Кристи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 33–46.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-33-46

FOR CITATION

Stroganova T. V., Fedchenko E. N. Phraseology of character speech in films based on novels by Agatha Christie. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 33–46.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-33-46

УДК 81'322.4

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-47-59

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА МАШИННОГО ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА: 5 ЛЕТ СПУСТЯ

*Светлой памяти моего учителя
Нелюбина Л. Л.*

Улиткин И. А.

Московский областной государственный университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проведено сравнение переводов систем нейронного машинного перевода Google и PROMT с переводами, полученными 5 лет назад, когда в основе данных систем использовались алгоритмы статистического перевода и перевода на основе правил (см. Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. 2016. № 4. С. 174–182).

Процедуры и методы. Использованы современные метрики автоматической оценки качества машинного перевода BLEU, F-measure и TER для сравнения качества переводов современных систем нейронного машинного перевода на примере онлайн-систем Google и PROMT.

Результаты. Проведённая оценка качества перевода текстов-кандидатов Google и PROMT в сравнении с референтным переводом при помощи автоматической программы позволила выявить существенные качественные изменения по сравнению с результатами, полученными 5 лет назад, что свидетельствует о значительном улучшении работы вышеуказанных переводческих онлайн-сервисов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Описанные способы автоматической оценки качества машинного перевода (МП), т. е. методы, основанные на сравнении строк, и *n*-граммные модели позволяют провести оценку качества переводов систем машинного перевода. Обсуждаются способы улучшения качества МП. Показано, что современные системы автоматической оценки качества перевода позволяют выявлять и систематизировать ошибки, допущенные системами МП, что позволит в будущем совершенствовать данные системы.

Ключевые слова: автоматическая оценка, качество перевода, машинный перевод, метрики, BLEU, TER, F-measure, эталонный перевод

AUTOMATIC EVALUATION OF MACHINE TRANSLATION QUALITY OF A SCIENTIFIC TEXT: FIVE YEARS LATER

I. Ullitkin

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, 141014 Mytishchi, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper compares translations of Google and PROMT neural machine translation systems with translations obtained 5 years ago, when statistical machine translation and rule-based machine

translation algorithms were used, respectively, as the main translation algorithms of these systems (see Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2016. no. 4. pp. 174-182).

Methodology. Use is made of such modern metrics for automatic quality evaluation of machine translation as BLEU, F-measure and TER to compare the quality of translations of modern neural machine translation systems using the example of Google and PROMPT online systems.

Results. The evaluation of the translation quality of candidate texts generated by Google and PROMT in comparison with the reference translation using an automatic translation evaluation program reveals significant qualitative changes as compared with the results obtained 5 years ago, which indicates a dramatic improvement in the work of the above-mentioned online translation systems.

Research implications. The described three methods for evaluating the quality of machine translation allow one to analyze several automatic methods for evaluating machine translation quality, i.e. methods based on string matching and n -gram models. Ways to improve the quality of machine translation are discussed. It is shown that modern systems of automatic translation quality evaluation allow errors made by machine translation systems to be identified and systematized, which will make it possible to improve the quality of translation by these systems in the future.

Keywords: automatic evaluation, translation quality, machine translation, metrics, BLEU, TER, F-measure, reference translation

1. Введение

Машинный перевод – это перевод текста с исходного языка в текст на языке перевода при помощи компьютерных программ; при этом профессиональные переводчики могут быть вовлечены на этапах предварительного редактирования исходного текста или последующего редактирования текста перевода, но обычно не участвуют в самом процессе перевода.

Хотя концепцию машинного перевода можно проследить до XVII века, но именно в 1950-х годах финансируемые правительством США исследования стимулировали интерес международного сообщества к исследованию и производству систем машинного перевода.

Первоначально предполагалось создать полностью автоматическую систему высококачественного машинного перевода (fully automated high-quality machine translation system), но к 1952 г. стало «ясно, что создание полностью автоматизированных систем мало реалистично, и что перевод с помощью таких систем будет требовать непосредственного участия человека» (перевод наш – И. У.) [10, p. 376].

Системы машинного перевода прошли долгий путь развития: от прямого

перевода середины 50-х годов прошлого столетия к интерлингвальному подходу, который так и остался только на уровне идеи [13], затем к трансферному подходу, основанному на правилах, и к переводу с использованием предварительного редактирования текста [9], к статистическим системам машинного перевода и, наконец, к нейронному машинному переводу, анонсированному компанией Google 15 ноября 2016 г.

Различные исследователи систем машинного перевода неоднократно подчёркивали недостатки таких систем, выделяя в качестве основных медлительность, отсутствие точности и дороговизну [11], а также невозможность реализации знаний об окружающем нас мире через системы машинного перевода [5, p. 173]. Тем не менее ряд исследователей подчёркивает и перспективность подобных разработок. Так, в своей работе 1992 года А. Гросс продемонстрировал, что общие переводы, требующие знания реального мира, лучше переводятся человеком, в то время как тексты с математическими и абстрактными понятиями наиболее качественно переводятся системами машинного перевода [8, p. 103].

С ростом объёма информации изменилось отношение компаний к перево-

дам, поскольку их целью часто является простой обмен информацией. Например, работникам из Европейской комиссии часто требуется только представление о содержании документа. Им необходимо понять, стоит ли переводить текст в дальнейшем. А простые пользователи могут довольствоваться бесплатными интернет-сервисами машинного перевода, чтобы понять суть того, что написано на веб-сайте. То есть, когда существует потребность в простом понимании содержания текста, машинный перевод часто оказывается гораздо более быстрым и экономически эффективным решением, чем перевод, выполненный человеком.

Последние разработки в области машинного перевода привели к внедрению глубокого обучения и нейронных сетей для повышения точности переводов. Поставщики языковых услуг теперь предлагают индивидуальные механизмы машинного перевода, где помимо включения терминологии из определённой области, такой, как науки о жизни, туристической индустрии или информационных технологий, пользователь также может загрузить и использовать свою собственную память переводов (базы данных, содержащие ранее переведённые тексты), чтобы попытаться повысить точность, а также улучшить стиль и качество машинного перевода.

Всё высказанное свидетельствует о несомненном улучшении качества машинного перевода, что, прежде всего, связано с развитием технологий, доступностью больших параллельных корпусов для тренировки систем, а также огромным опытом, накопленном в области МП в последние десятилетия.

В настоящее время фиксируется стабильный рост использования различных онлайн-сервисов перевода текстов. На разработку подобных сервисов многие страны тратят огромные средства в надежде на то, что в скором будущем системы автоматического перевода смогут удовлетворить растущие потребности

человека в переводе текстов различной жанровой направленности. Существующие на сегодняшний день автоматические метрики оценки качества перевода также постоянно совершенствуются и позволяют проводить объективную оценку качества переводов тех или иных систем.

Таким образом цель данной работы – анализ качества машинного перевода научно-технического текста, выполненного системами нейронного машинного перевода Google и PROMT, и сравнение полученных результатов с данными наших исследований в 2016 г. [3].

2. Методы оценки качества перевода

Качество перевода (под этим термином мы понимаем уровень качества выполненного письменного или устного перевода, оцениваемый в соответствии с рядом объективных и субъективных критериев, принятых для оценки данного вида письменного или устного перевода) зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов. Оно определяется, прежде всего, **качеством исходного текста** или переводимой устной речи, а также **квалификацией переводчика** и его подготовленностью к осуществлению конкретного акта перевода.

Говоря о методах оценки качества перевода, выделяют экспертную оценку перевода (или ручную оценку качества перевода) и автоматическую.

2.1. Экспертная оценка перевода

«Как можно заметить, экспертная оценка профессионального перевода является довольно субъективной. Конкретный текст и задача перевода во многом определяют критерии и, как следствие, результат экспертной оценки» [1, с. 65].

Параметры, по которым эксперты оценивают машинный перевод и используемые при этом методы, как и в случае с экспертной оценкой профессионального перевода, варьируются в зависимости от проекта.

Например, по словам О. В. Митрениной, «в качестве ключевых параметров

могут выступать полнота (*adequacy*), которая оценивает точность перевода, и гладкость (*fluency*), отвечающая за правильность перевода» [2, с. 185].

О. В. Митренина также отмечает, что «другим способом оценки может быть выбор лучшего из предложенных вариантов перевода или ранжирование всех представленных вариантов. Эксперт также может оценивать перевод с точки зрения потраченных на перевод времени и сил, т. е. оценивать перевод по затраченным переводчиком-редактором ресурсам на исправление и доработку машинного перевода» [2, с. 185].

Первыми методиками экспертной оценки принято считать методики комитета ALPAC и APRA.

Консультативный комитет по автоматической обработке языков (ALPAC – Automatic Language Processing Advisory Committee) был создан в апреле 1964 г. «для оценки прогресса в компьютерной лингвистике вообще и в машинном переводе в частности. Пожалуй, самой известной работой комитета является отчёт, опубликованный в 1966 г. В нём подчёркиваются недостатки проведённых исследований в области машинного перевода, обращается внимание на необходимость фундаментальных исследований в области компьютерной лингвистики. Кроме того, в нём рекомендовалось прекратить государственное финансирование данной области исследований. В качестве основной причины указывались неудовлетворительные результаты, которые были получены за 10 лет исследований» [11].

Также в докладе ALPAC отмечалось, что «в основе экспертной оценки переводов лежит сравнение машинного перевода текста с русского на английский с эталонным человеческим переводом. При этом использовались следующие показатели: *intelligibility* (условная понятность, которую оценивали по шкале от 1 до 9) и *fidelity / accuracy* (точность перевода, которую можно было оценить от 0 до 9)» [11, р. 67].

Оценка 1 по шкале *intelligibility* даётся предложению, которое было непонятным, и даже контекст не помогает определить смысл. Оценка 9 ставится понятному предложению, которое не содержит стилистических ошибок.

Точность измеряется косвенно и отражает меру того, насколько информативно переведённое предложение по сравнению с оригиналом. Таким образом, по шкале от 0 до 9 баллов оценивается информативность (*informativeness*): 9 баллов по шкале точности характеризуют перевод как высокинформативный, тогда как 0 баллов означает, что оригинал содержит меньше информации, чем перевод. Получается, что в случае с *intelligibility* оценивались переводные предложения, а по шкале *fidelity* оценивали оригинальные предложения. Можно сделать вывод, что если предложение оценивается в 9 баллов, то оно очень информативно.

Эксперты ALPAC пришли к следующим выводам: «Во-первых, усреднённые показатели понятности и точности являются сильно взаимосвязанными. Во-вторых, стало ясно, что минимальное количество экспертов должно составлять 4 человека. И, в-третьих, эксперты должны знать предметную область и язык оригинала для того, чтобы успешно оценивать перевод» [11, р. 73].

Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA)), первоначально известное как Агентство перспективных исследовательских проектов (ARPA), было создано в феврале 1958 г. В 1991 г. в DARPA были проведены тесты статистических систем, основанных на правилах, и систем, требующих участия человека. В 1992 г. зарекомендовавшие себя методы были включены в стандартную программу тестирования.

Можно заключить, что экспертная оценка профессионального и машинного перевода требует большого труда и непосредственного участия людей. Эксперты,

которых привлекают к оценке перевода, могут проработать ограниченный объём предложений и текстов. Остаётся неясным, как оценивать перевод, какие определения давать и какие критерии применять.

2.2. Автоматическая оценка качества перевода

В основе автоматической оценки качества МП с использованием эталонных текстов лежит применение различных метрик, которые позволяют упростить и удешевить оценку качества.

Первая метрика, доступная для пары русский ↔ английский языки, – это BLEU (Bilingual Evaluation Understudy). Заметим, что данная метрика является одной из самых популярных и доступных на данный момент. Рассчитать значения BLEU можно также с помощью таких инструментов, как: MT-ComparEval, Interactive BLEU score evaluator и т. д.

Главная идея, положенная в основу данной метрики, заключается в следующем: чем ближе МП к переводу, выполненному профессиональным переводчиком, тем лучше. В ходе оценки качества машинного перевода, измеряется степень близости МП к одному или нескольким переводам, выполненным человеком, при помощи числовой метрики. Таким образом, указанная система оценки МП предполагает два компонента: 1) числовая метрика, по которой рассчитывается близость переводов, и 2) примеры (корпус) переводов хорошего качества, выполненных переводчиками [6, р. 311].

Метрики BLEU Score сравнивают *n*-граммы из перевода-кандидата с эталонным переводом, также производится подсчёт совпадений. Чем больше совпадений, тем лучше качество перевода-кандидата. При расчёте метрики BLEU важное значение приобретает количество переводов-эталонов: чем больше эталонов, тем точнее показатель качества перевода.

У метрики BLEU есть две составляющие. Первая – это точность или precision. Чтобы определить точность, подсчитыва-

ется количество тех слов (униграмм) из перевода-кандидата, которые встречаются в любом из переводов-эталонов. К сожалению, системы машинного перевода могут в некоторых случаях генерировать слишком большое количество «нужных» слов (результатом может, например, служить появление в переводе повторяющего артикля «the the the»), что, в свою очередь, может привести к слишком высоким показателям точности. Во избежание данной проблемы подсчитывается максимальное число слов из перевода-кандидата, которые есть в одном из эталонных переводов. Затем общее число слов каждого перевода-кандидата сводится к максимальному числу таких же (совпавших) слов в переводе-эталоне и делится на общее (неограниченное) число слов в переводе-кандидате [6, р. 312]. «Нужно отметить, что такой подсчёт происходит не только для униграмм, но для *n*-грамм. Такой расчёт точности даёт представление о двух аспектах перевода: адекватности (adequacy) и беглости (fluency). Перевод с использованием одинаковых слов (униграмм), что и в эталонном переводе, имеет тенденцию соответствовать адекватному переводу. Более длинные совпадения *n*-грамм говорят о беглости перевода» [6, р. 313].

Точность определяется путём перемножения всех *n*-грамм с последующим извлечением из произведения корня четвёртой степени – так получается среднее геометрическое.

Вторая составляющая метрики BLEU – это штраф за длину перевода или Brevity Penalty. Вычисление данного штрафа (BP) происходит следующим образом: BP равно 1, если длина перевода-кандидата больше длины перевода-эталона. BP меньше 1, если длина перевода-кандидата равна или меньше длины перевода-эталона [6, р. 315].

Особенностью метрики BLEU является то, что она основывается на точном совпадении форм слов. Можно утверждать, что применение данной метрики целесо-

образно для английского языка, где формы могут совпадать во многих случаях, однако не так удобно для русского языка. Важно и то, что в BLEU не учитывается синтаксис и порядок слов (но определяются более длинные совпадающие *n*-граммы).

Ещё одна мера, доступная для языковой пары русский ↔ английский языки, – это TER (Translation Edit Rate). TER рассчитывает количество исправлений, которые нужны для того, чтобы получившийся перевод семантически походил на эталонный. Эта мера сохраняет время и деньги. В стремлении добиться более высоких корреляций с существующими экспертыми оценками, исследователи назначают более низкие оценки за фазовые сдвиги сочетаний (phrasal shifts) по сравнению с теми, которые назначают подходы, основанные на *n*-граммах (такие, как BLEU) [4, p. 231].

При использовании метрики TER определяется минимальное количество исправлений, которое необходимо внести в переведённый текст, чтобы он совпадал с референтным. Здесь измеряют только количество редактирований, поэтому для достижения эталонности перевода рассчитывается их минимальное количество.

Возможны следующие варианты редактирования текста: вставка, удаление и замена отдельных слов, а также сдвиги последовательностей слов. Сдвиг происходит в пределах перевода предложения, перемещением смежной последовательности слов. Все изменения, включая сдвиги любого количества слов на любое расстояние, имеют одинаковую «стоимость». Кроме того, знаки пунктуации рассматриваются как обычные слова, а неверное использование регистра считается редактированием [4, p. 223].

Существует также метрика F-measure; её разработчики утверждают, что именно она показывает наилучшее совпадение с оценкой, выполненной человеком [12]. Однако это не всегда так. Метрика

F-measure не очень хорошо работает с небольшими отрезками [7].

3. Автоматическая оценка качества перевода систем нейронного машинного перевода Google и PROMT

Для проведения анализа в 2016 г. были отобраны 500 предложений из научных статей журнала «Квантовая электроника»¹ и их переводы на английский язык, выполненные профессиональными переводчиками. В том же году (2016 г.) русские предложения были переведены системами МП Google и PROMT, и эти переводы сравнивались с эталонным переводом². Те же самые русские предложения были переведены на английский язык в 2021 г. при помощи систем МП Google и PROMT и снова проанализированы для оценки их качества.

В ходе автоматического анализа использовалась программа Language Studio™ Lite (размещённая на сайте <http://www.languagestudio.com>), которая позволяет оценить качество МП при помощи таких популярных метрик, как BLEU, F-Measure, TER [14].

*3.1. Оценка качества перевода с помощью *n*-граммных метрик*

Вначале мы сравнили референтный текст (под референтным текстом подразумевается выполненный переводчиком перевод) и тексты-кандидаты Google и PROMT (под текстами-кандидатами подразумеваются переводы, выполненные системами МП) при помощи *n*-граммной метрики. Результаты, полученные для онлайн переводчиков Google и PROMPT в 2016 г. и в 2021 г., представлены в табл. 1 и 2.

¹ «Квантовая электроника» – ведущий российский научный ежемесячный журнал в области лазеров и их применений, а также по связанным с ними тематикам. См.: Квантовая электроника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.quantum-electron.ru/> (дата обращения: 20.10.2021).

² Подробнее см.: Улиткин И. А. Автоматическая оценка качества машинного перевода научно-технического текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 174–182.

Таблица 1 / Table 1

Анализ переводов онлайн-переводчика Google за 2016 и 2021 годы, на основе *n*-граммной метрики / Analysis of translations of Google Translate for 2016 and 2021, based on the *n*-gram model

Translation Evaluation Summary		
Job Start Date:	12/29/2015 10:20 AM	2/9/2021 11:40 AM
Job End Date:	12/29/2015 10:20 AM	2/9/2021 11:41 AM
Job Duration:	0 min(s) 12 sec(s)	0 min(s) 17 sec(s)
Reference File:	science_reference_corrected.txt	science_reference_corrected.txt
Candidate File:	science_google_corrected.txt	google_translation_2021.txt
Evaluation Lines:	500	500
Tokenization Language:	EN	EN
Results Summary:	46.147	50.194

Таблица 2 / Table 2

Анализ переводов онлайн перевода Prompt за 2016 и 2021 годы на основе *n*-граммной метрики / Analysis of translations of PROMT translation service for 2016 and 2021, based on the *n*-gram model

Translation Evaluation Summary		
Job Start Date:	12/29/2015 10:21 AM	2/9/2021 11:43 AM
Job End Date:	12/29/2015 10:21 AM	2/9/2021 11:43 AM
Job Duration:	0 min(s) 12 sec(s)	0 min(s) 13 sec(s)
Reference File:	science_reference_corrected.txt	science_reference_corrected.txt
Candidate File:	science_PROMT_corrected.txt	prompt_translation_2021.txt
Evaluation Lines:	500	500
Tokenization Language:	EN	EN
Results Summary:	30.791	44.420

Полученные результаты показывают, что за последние 5 лет система МП Google улучшила свои показатели на 4% (50,19% совпадений в 2021 г. по сравнению с 46,14% в 2016 г.), что позволяет сделать вывод о несомненном росте качества машинного перевода на основе нейронного обучения. При переводе научных текстов система МП PROMT продемонстрировала почти 14%-ное улучшение качества перевода (44,42% совпадений в 2021 г. по сравнению с 30,79% в 2016 г.), что не удивительно, поскольку в 2016 г. в основе перевода системы МП PROMT была модель, основанная на правилах, а не модель статистического перевода на основе *n*-граммов.

Из полученных данных можно сделать вывод, что системы МП Google и PROMPT адекватно справляются с научно-техническими текстами, где преобладает терминология и простые предложения. Так, порог совпадений на уровне 75% для обеих систем МП составляет более 100 предложений из 500. Такой процент совпадений обеспечивает минимальные затраты на постредактирование машинного перевода.

Анализ полученных данных выявляет следующую закономерность: в предложениях с совпадением от 100% до 70% встречаются одна–две ошибки в переводе; в предложениях с соотношением от 69% до 50% можно наблюдать три ошиб-

ки и более. При этом обе системы МП прекрасно справляются с простыми распространёнными и нераспространёнными предложениями, а также со сложносочинёнными предложениями. Системы демонстрируют хорошее «знание» научной терминологии.

Основные ошибки, которые мы обнаружили при сравнении референтных и машинных переводов, связаны с неправильной передачей аббревиатур. Системы машинного перевода не всегда способны правильно перевести специализированные сокращения, с чем, в свою очередь, легко справляется профессиональный переводчик, который специализируется в той или иной области. Таким образом, для достижения лучшего качества МП необходимо проводить расшифровку всех аббревиатур на протяжении всего текста. Ещё один пример ошибок в машинных переводах – неправильный порядок слов. Следует, однако, отметить, что таких ошибок становится всё меньше в системах МП после их соответствующего обучения.

Так, сравнение референтных переводов с машинными переводами позволяет выделить следующие повторяющиеся ошибки в обеих системах МП: отсутствие артиклей, ошибки в значении и выборе слова, нарушение порядка слов в предложениях.

Полученные данные указывают на то, что системы МП Google и PROMPT постоянно совершенствуются. Последнее наводит на мысль, что потенциал нейронных систем машинного перевода со временем будет улучшаться.

3.2. Оценка качества перевода при помощи сопоставительных метрик BLEU, F-measure и TER

Второй анализ был проведён с использованием таких метрик, как BLEU, F-measure и Translation Error Rate (TER). Осуществлялось сравнение сразу двух текстов-кандидатов с референтным переводом. Результаты исследований для 2016 и 2021 гг. представлены в табл. 3 и 4.

Как и в предыдущем тесте, система МП Google демонстрирует небольшой рост качества перевода при сопоставлении результатов анализа переводов, выполненных статистической системой МП и нейронной системой МП. Одновременно с этим, система МП PROMPT показывает значительное улучшение своих показателей по сравнению с 2016 г., что объясняется переходом от перевода на основе правил к переводу на основе нейронного обучения.

Результаты сравнения данных за 2021 г. показывают, что происходит выравнивание показателей систем МП Google и PROMPT; это связано, прежде всего, с использованием нейронного обучения систем МП переводу в обеих системах.

Системы МП на основе нейронного обучения учатся на огромных корпусах существующих переводов на разные языковые пары. В отличие от статистического подхода к переводу, поисковые алгоритмы которого интуитивно предпочитают использовать последовательности слов, являющиеся наиболее вероятными переводами исходных (что позволяет с высокой точностью генерировать правильную последовательность слов на целевом языке), нейронные системы машинного перевода не просто ищут соответствия слову и фразам, а тщательно изучают взаимоотношения между двумя языками. Анализ каждого сегмента текста позволяет современным системам понять его контекст, определяя значение каждого слова, которое необходимо перевести. В результате такого анализа системы нейронного машинного перевода подбирают необходимые грамматические структуры, правильно воспроизводя семантику и структуру текста перевода.

В результате анализа мы обнаружили следующую тенденцию. Современные нейронные системы машинного перевода демонстрируют аналогичные результаты, что объясняется использованием похожих алгоритмов при генерировании переводов.

Таблица 3 / Table 3

Оценка качества переводов, выполненных системами МП Google и Prompt в 2016 г., при помощи сопоставительных метрик BLEU, F-measure и TER¹ / Evaluation of the quality of translations made by Google and Prompt in 2016 using BLEU, F-measure and TER metrics

Translation Evaluation Summary

Job Start Date:	12/29/2015 10:17 AM
Job End Date:	12/29/2015 10:18 AM
Job Duration:	0 min(s) 44 sec(s)
Number of Reference Files:	1
Number of Candidate Files:	2
Evaluation Lines:	500
Tokenization Language:	EN
Evaluation Metrics:	BLEU, F-Measure, TER (Inverted Score)

Results Summary

Candidate File:	1	2
BLEU Case Sensitive	24.54	42.10
BLEU Case Insensitive	25.98	43.62
F-Measure Case Sensitive	60.01	72.26
F-Measure Case Insensitive	61.35	73.24
TER Case Sensitive	38.07	54.43
TER Case Insensitive	38.70	54.94

Candidate Files:

- 1 : science_PROMT_corrected.txt
2 : science_google_corrected.txt
-

Reference Files:

- 1 : science_reference_corrected.txt
-

-- Report End --

¹ См. также: Улиткин И. А. Автоматическая оценка качества машинного перевода научно-технического текста [3].

Таблица 4 / Table4

Оценка качества переводов, выполненных системами МП Google и Prompt в 2021 г., при помощи сопоставительных метрик BLEU, F-measure и TER / Evaluation of the quality of translations made by Google and Prompt in 2021 using BLEU, F-measure and TER metrics

Translation Evaluation Summary

Job Start Date:	2/9/2021 11:40 AM
Job End Date:	2/9/2021 11:41 AM
Job Duration:	0 min(s) 54 sec(s)
Number of Reference Files:	1
Number of Candidate Files:	2
Evaluation Lines:	500
Tokenization Language:	EN
Evaluation Metrics:	BLEU, F-Measure, TER (Inverted Score)

Results Summary

Candidate File:	1	2
BLEU Case Sensitive	40.25	45.79
BLEU Case Insensitive	41.53	47.35
F-Measure Case Sensitive	71.41	75.05
F-Measure Case Insensitive	72.20	75.79
TER Case Sensitive	53.03	56.82
TER Case Insensitive	53.42	57.21

Candidate Files:

- 1 : prompt_translation_2021.txt
2 : google_translation_2021.txt

Reference Files:

- 1 : science_reference_corrected.txt

-- Report End --

Метрика F-measure, основанная на поиске максимального количества соответствий между МП и референтными переводами (отношение между общим числом совпадающих слов к длине перевода и референтного текста), показывает наилучшие результаты. Это говорит о том, что в большинстве случаев количество слов в референтных текстах и текстах-кандидатах близко (более 70% для науч-

ных текстов при использовании систем МП Google и PROMT). Помимо этого спадение идёт не только на уровне количества слов, но и на уровне лексики, что непосредственно связано с трудозатратами редактора, поскольку чем меньше ему придётся править текст, тем лучше.

Метрика TER, основанная на подсчёте количества поправок, показала результат хуже. Для научно-технических текстов –

более 50% при использовании МП Google и PROMT.

Наихудший результат из трёх метрик показала BLEU, основанная на *n*-граммах. Использование метрики BLEU позволяет определить, сколько слов совпадает в строке, и при этом наилучший результат дают не просто совпадающие слова, а последовательность слов. Для научно-технических текстов результат составил более 45% при использовании системы Google и более 40% при использовании системы PROMT.

4. Заключение

В данной статье представлен обзор наиболее часто используемых сегодня метрик оценки МП. Как правило, данные метрики показывают хорошую корреляцию переводов-кандидатов с референтными переводами. При этом для всех метрик выделен важный недостаток: они не могут предоставить оценку качества МП на уровне смысла. Тем не менее они являются наиболее популярными системами автоматической оценки качества МП.

Сравнение результатов, полученных в 2021 г., показывает заметное улучшение качества нейронного машинного перевода систем Google и PROMT по сравнению с 2016 г., что вполне обосновано, поскольку новая технология МП даёт заметные преимущества по сравнению со статистической моделью и тем более с системой машинного перевода, основанного на правилах.

Проведённое в данной работе сравнение референтного перевода с переводами Google и PROMT позволяет сделать вывод, что наибольшее количество ошибок происходит на уровне семантики, т. е. понимания машиной исходного текста. Всё это говорит о том, что в настоящее время ещё не существует необходимых баз данных семантических конструкций, которые позволили бы избежать повторения подобных ошибок. Также стоит отметить, что системы МП испытывают немалые затруднения при переводе сложных грамма-

тических, синтаксических и лексических конструкций. Здесь важно понимать, что адекватная и полная автоматическая оценка качества переводов позволяет выявлять и систематизировать не только ошибки систем МП, но и недостатки существующих программ МП, что в будущем поможет решить выявленные проблемы.

Анализ качества МП текстов-кандидатов Google и PROMT в сравнении с референтным переводом, проведённый при помощи *n*-граммной модели и различных метрик, показывает, что перевод Google демонстрирует наилучшее соответствие с референтным переводом на уровне лексики. Это вполне ожидаемо, поскольку обучение системы проводится с использованием большого количества параллельных корпусов текстов; при этом происходит улучшение перевода и на синтаксическом уровне, что, вероятнее всего, связано с улучшением технологии перевода. Сравнение результатов 2016 и 2021 гг. для PROMT выявило наиболее заметный рост всех показателей, что связано с переходом на нейронное обучение данного онлайн-сервиса. Отставание от своего конкурента Google можно объяснить тем, что PROMT – это гибридная система, использующая преимущества нейронного обучения и перевода на основе правил. Однако все преимущества данной системы раскрываются наиболее полно лишь при активной тренировке PROMT на больших двуязычных корпусах (от 50000 сегментов), что не всегда легко реализовать на практике.

Разработка эффективных и надёжных метрик оценки МП в последние годы активно исследуется. Одна из важнейших задач – выйти за рамки *n*-граммной статистики, продолжая при этом использовать полностью автоматический режим. Потребность в полностью автоматических метриках нельзя недооценивать, поскольку именно они обеспечивают наибольшую скорость развития и прогресса систем МП.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров В. Н., Коралова А. Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1990. 127 с.
2. Митренина О. В. Машинный перевод // Прикладная и компьютерная лингвистика / ред. Николаев И. С., Митренина О. В., Ландо Т. М. М.: УРСС, 2016. С. 156–189.
3. Улиткин И. А. Автоматическая оценка качества машинного перевода научно-технического текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 174–182. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-174-182.
4. A Study of Translation Edit Rate with Targeted Human Annotation / Snover M., Dorr B., Schwartz R., Micciulla L., Machoul J. // Proceedings of the 7th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas: Technical Papers. 2006. P. 223–231.
5. Austermühl F. Electronic Tools for Translators. Manchester: St. Jerome, 2001. 202 p.
6. Bleu: A Method for Automatic Evaluation of Machine Translation / Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W.-J. // ACL '02: Proceedings of the 40th Annual Meeting on Association for Computational Linguistics. 2002. P. 311–318. DOI: 10.3115/1073083.1073135.
7. Confidence Estimation for Machine Translation / Blatz J., Fitzgerald E., Foster G., Gandrabur S., Goutte C., Kulesza A., Sanchis A., Ueffing N. // COLING' 04. Proceedings of the 20th International conference on Computational Linguistics. 2004. P. 315–321. DOI: 10.3115/1220355.1220401.
8. Gross A. Limitations of Computers as Translation Tools // Computers and Translation / ed. J. Newton. London: Routledge, 1992. P. 96–130.
9. Hutchins J. Current commercial machine translation systems and computer-based translation tools: System types and their uses // International Journal of Translation. 2005. Vol. 17 (1-2). P. 5–38.
10. Hutchins J. Machine Translation: History // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. K. Brown. Oxford: Elsevier, 2006. P. 375–383.
11. Language and Machines: Computers in Translation and Linguistics: a report by the Automatic Language Processing Advisory Committee, National Academy of Science / Pierce J. R., Carroll J. B., Hamp E. P., Hays D. G., et al. Washington, DC: The National Academic Press, 1966. 138 p.
12. Melamed I. D., Green R., Turian J. P. Precision and Recall of Machine Translation // NAACL-Short '03: Proceedings of the 2003 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics on Human Language Technology: Companion volume of the Proceedings of HLT-NAACL 2003 (short papers). 2003. Vol. 2. P. 61–63. DOI: 10.3115/1073483.1073504.
13. Quah C. K. Translation and Technology. Basingstoke: Palgrave, 2006. 221 p.
14. Ulitkin I. A. Human Translation vs. Machine Translation: Rise of the Machines // Translation Journal. 2013. Vol. 17. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://translationjournal.net/journal/63mtquality.htm> (дата обращения: 20.10.2021).

REFERENCES

1. Komissarov V. N., Koralova A. L. *Praktikum po perevodu s angliiskogo yazyka na russkii* [Workshop on translation from English to Russian]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 127 p.
2. Mitrenina O. V. [Machine translation]. In: *Prikladnaya i kompyuternaya lingvistika* [Applied and Computational Linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2016, pp. 156–189.
3. Ulitkin I. A. [Automatic evaluation of machine translation quality of a scientific text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 4, pp. 174–182. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-4-174-182.
4. Snover M., Dorr B., Schwartz R., Micciulla L., Machoul J. A Study of Translation Edit Rate with Targeted Human Annotation. In: *Proceedings of the 7th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas: Technical Papers*, 2006, pp. 223–231.
5. Austermühl F. Electronic Tools for Translators. Manchester, St. Jerome, 2001. 202 p.
6. Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W.-J. Bleu: A Method for Automatic Evaluation of Machine Translation. In: *ACL '02: Proceedings of the 40th Annual Meeting on Association for Computational Linguistics*, 2002, pp. 311–318. DOI: 10.3115/1073083.1073135.
7. Blatz J., Fitzgerald E., Foster G., Gandrabur S., Goutte C., Kulesza A., Sanchis A., Ueffing N. Confidence Estimation for Machine Translation. In: *COLING' 04. Proceedings of the 20th International conference on Computational Linguistics*, 2004, pp. 315–321. DOI: 10.3115/1220355.1220401.

8. Gross A. Limitations of Computers as Translation Tools. In: Newton J., ed. *Computers and Translation*. London, Routledge, 1992. pp. 96–130.
9. Hutchins J. Current commercial machine translation systems and computer-based translation tools: System types and their uses. In: *International Journal of Translation*, 2005, vol. 17 (1-2), pp. 5–38.
10. Hutchins J. Machine Translation: History. In: Brown K., ed. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford, Elsevier, 2006, pp. 375–383.
11. Pierce J. R., Carroll J. B., Hamp E. P., Hays D. G., et al. Language and Machines: Computers in Translation and Linguistics: a report by the Automatic Language Processing Advisory Committee, National Academy of Science. Washington, DC, The National Academic Press, 1966. 138 p.
12. Melamed I. D., Green R., Turian J. P. Precision and Recall of Machine Translation. In: *NAACL-Short '03: Proceedings of the 2003 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics on Human Language Technology: Companion volume of the Proceedings of HLT-NAACL 2003 (short papers)*, 2003, vol. 2, pp. 61–63. DOI: 10.3115/1073483.1073504.
13. Quah C. K. Translation and Technology. Basingstoke, Palgrave, 2006. 221 p.
14. Ulitkin I. A. Human Translation vs. Machine Translation: Rise of the Machines. In: *Translation Journal*, 2013, vol. 17, no. 1. Available at: <http://translationjournal.net/journal/63mtquality.htm> (accessed: 20.10.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Улиткин Илья Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: ulitkin-ilya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6523-1526. eLIBRARY SPIN-код: 2795-8060.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Ulitkin – Can. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: ulitkin-ilya@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6523-1526. eLIBRARY SPIN-код: 2795-8060.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Улиткин И. А. Автоматическая оценка качества машинного перевода научного текста: 5 лет спустя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 47–59.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-47-59

FOR CITATION

Ulitkin I. A. Automatic evaluation of machine translation quality of a scientific text: five years later. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 47–59.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-47-59

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-60-69

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА АНГЛИЙСКОГО ДИСКУРСА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Малахова В. Л.

МГИМО МИД России

119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация

Целью данной статьи является анализ процесса структурирования смысловой системы английского дискурса как мультимодального целого на основе применения интегративной функциональной методологии.

Процедура и методы. Описывается трансформация значений в дискурсивный смысл под действием прагматических и экстралингвистических факторов. Изучаются способы передачи в конкретном дискурсе невербальных средств, влияющих на репрезентируемые значения, конечный смысл дискурса и результат коммуникации в целом. Основными методами, применяемыми в исследовании, являются интегративный функциональный анализ и дискурс-анализ.

Результаты. Исследование позволило систематизировать представления об интегрировании разных ракурсов функционального анализа (семантического, прагматического, когнитивного) и адекватной интерпретации мультимодальности смыслового пространства английского дискурса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Интегративный аналитический подход способствует углублению понимания отправной точки формирования значений и смысла, причин сдвигов в смысловом пространстве дискурса, способов отражения в дискурсе внеязыкового фона коммуникации.

Ключевые слова: интегративная функциональная методология; английский дискурс; смысловое пространство; языковые и экстралингвистические факторы, мультимодальность

ANALYSIS OF THE FORMATION OF ENGLISH DISCOURSE MULTIMODAL SENSE SPACE FROM THE PERSPECTIVE OF INTEGRATIVE FUNCTIONAL METHODOLOGY

V. Malakhova

MGIMO University

76 prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

Aim. The objective of the study is to analyze the process of structuring the sense system of English discourse as a multimodal unity based on the usage of the integrative functional methodology.

Methodology. The article describes transformation of meanings into discursive sense under the influence of pragmatic and extralinguistic factors. It also studies ways of representing non-verbal means that affect meanings and sense formation and influence the result of communication. The main methods used in the research are the method of functional shift and discourse analysis.

Results. The study systematizes the ideas about integration of different angles of functional analysis (semantic, pragmatic, and cognitive) and adequate interpretation of multimodality of the English discourse sense space.

Research implications. The integrative analytical approach contributes to a deeper understanding of the starting point for meanings and sense formation, the reasons for discourse sense shifts, and ways of representing the extralinguistic background of communication in discourse.

Keywords: integrative functional methodology, English discourse, sense space, language and extra-linguistic factors, multimodality

Введение

Применение интегративного аналитического аппарата в изучении языковых явлений, дискурса и коммуникации в целом традиционно признаётся целесообразным для всестороннего раскрытия функциональных свойств речевой деятельности. Функциональный план речи получает наиболее полную репрезентацию при комплексном, а не разрозненном, рассмотрении различных функциональных параметров речевого произведения (семантических, прагматических, когнитивных) в их неразрывном единстве и взаимодействии. В то же время интегративная функциональная парадигма пока является не окончательно сложившимся, а развивающимся и перспективным направлением лингвистических исследований. Она позволяет продвигать и пересматривать многие разработанные теории, анализировать ранее изученные понятия с более современных позиций, что оказывает положительное влияние на развитие науки и расширяет объект её исследования.

Поскольку изучение английского дискурса с позиций интегративности подразумевает анализ разноуровневых речевых единиц и отношений (связей) между компонентами дискурса, формирующими значения и смыслы, данная научная методология способствует пониманию того,

каким образом синергийное взаимодействие и функционирование определённого набора языковых средств и факторов приводят к всесторонней репрезентации семантики и прагматики дискурса. Целью данной статьи является описание сущности интегративного функционального подхода и его актуальности для исследования смыслового пространства английского дискурса. Применение этого подхода предоставляет возможность для более глубокого понимания и описания того, что является отправной точкой порождения значений и смыслов, что приводит к значительным сдвигам в смысловом пространстве дискурса, что создаёт экстралингвистический фон процесса коммуникации. Интегративная функциональная методология, таким образом, нацелена на изучение процессов и способов формирования мультимодальности дискурса.

**Интегративный функциональный
подход как перспективное
направление изучения смыслового
пространства английского дискурса**

По известному выражению академика Л. В. Щербы, в языке действуют «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [13, с. 24]. По сути, в этом постулате сформулирован стартовый посыл для проведения интегративного функционального анализа произ-

ведения речи. Интегративная методология способствует раскрытию проблемы неаддитивности, нелинейности, синергийности смысла, когда, условно говоря, «два плюс два равно пяти», то есть смысловое пространство дискурса образуется не как последовательно суммируемые значения элементов речевой цепи, а как выходящие за рамки такого сложения «новые смыслы» [9; 12]. Соответственно, интегративный подход уделяет особое внимание анализу спонтанно возникающих смысловых приращений, которые стимулируют эволюцию дискурса, причём особая роль в этом процессе отводится трансформации значений во взаимодействии с другими значениями и под действием языковых и неязыковых факторов, обусловливающих формирование смыслового пространства дискурса [6; 20]. Комплексный анализ семантики и прагматики дискурса помогает установить принципы отбора тех или иных языковых средств для выражения необходимого значения в процессе коммуникации, понять алгоритм трансформации значений (денотатов) в смыслы (сигнификаты) и интерпретацию смыслов участниками коммуникации. Интегративный аналитический подход более структурировано показывает процесс перехода семантики в прагматику при формировании смыслового пространства дискурса. В рамках данного подхода становится возможным провести анализ более сложного интегрированного способа передачи мысли, когда формирование значений и смыслов осуществляется в сочетании в коммуникативном акте разных модусов взаимодействия – вербальных и невербальных знаков, различных кодов обмена информацией и т. п. [15; 19]. Например, фраза *I believed in your desire to help me* может достаточно полноценно интерпретироваться в разных ракурсах:

– грамматическом (простое распространённое предложение с подлежащим в первом лице единственного числа, составным глагольным сказуемым в Past Simple, определением-притяжательным

местоимением второго лица и дополнением-личным местоимением первого лица в косвенном падеже);

– семантическом (сообщение об имевшемся у автора мнении о желании партнёра помочь в некой происходившей ранее ситуации);

– когнитивном (способ репрезентации ряда концептов: надежды (или доверия), желания, помощи).

Однако очевидно, что прагматические параметры приведённого высказывания получат полноценную интерпретацию только при его рассмотрении в разных «системах координат» – в рамках более широкого дискурса, с учётом множества функциональных аспектов. Иначе, в отрыве от контекста и без учёта когерентного взаимодействия всех компонентов высказывания, невозможно конкретно определить, положительные или отрицательные коннотации сопровождают эту фразу, выражает ли она благодарность, упрёк или нейтральное размышление, продвигает ли она сюжет референтного события или завершает его развитие, уместна ли она в конкретной ситуации общения, адекватна ли она социальным ролям коммуникативных партнёров, удачна ли выбранная формулировка и т. д. Все эти составляющие общего смыслового пространства высказывания можно раскрыть только при интегрированном анализе процесса взаимообогащения семантики и прагматики дискурса.

Комплексное взаимодействие различных знаковых систем обуславливает мультимодальность природы дискурса и языковой коммуникации [11]. Интегративный подход показывает, каким образом вербальные знаки в сочетании с визуально-пространственными компонентами оформления дискурса (например, орфография, пунктуация, разные режимы представления текста, картинки, изображения) передают не только смысл сообщаемого, но и эмоциональный фон коммуникативной ситуации. Поскольку, как отмечалось ранее, принципиальное

отличие рассматриваемой парадигмы заключается в комбинированном когерентном анализе различных функциональных параметров речевой деятельности, интегративная методология опирается на принцип многоуровневого анализа, учитывая всевозможные модусы, задействованные в конструировании смысла сообщения и фиксирующие тем или иным образом невербальные сигналы, выражающие психологическое состояние говорящего и способствующие более адекватной интерпретации дискурса адресатом. Формируемый смысл, тем самым, основывается на лингвистической презентации во взаимодействии с экстралингвистическими знаниями участников коммуникации и характеризуется динамичностью, поскольку постоянно обогащается и перестраивается. Интегративный взгляд на объект изучения не только способствует пониманию стратегий и тактик реализации формируемых смыслов, но исследует различные способы и средства воздействия на собеседника [4]. Благодаря этому образуется объёмная картина – мельчайшие детали переплетаются с более глобальными взаимосвязями, что в результате способствует представлению лингвистического объекта в полном масштабе [1].

Особенности формирования мультимодального смыслового пространства английского дискурса

Как правило, коммуникативные коды формирования смыслового пространства дискурса подразделяют на вербальный и невербальный, который в свою очередь делится на паралингвистический и экстралингвистический [5; 17]. Посредством верbalного кода информация, смысл сообщаемого передаётся языковыми средствами, то есть осуществляется речевая деятельность. Паралингвистический код представляет собой просодические средства (интонация, тон, темп, пауза) презентации смысла, выраженного вербальными средствами. Экстралингви-

стический / невербальный код обогащает языковые средства, так как участвует в передаче эмоциональной составляющей значений и смыслов и действует язык тела (мимику, жесты, позы, зрительный контакт), а также расположение / перемещение собеседников в пространстве.

Языковой (вербальный) код актуализирует смысл речевого произведения. Он является преобладающим, однако зачастую именно невербальный код способен передать более значимую коммуникационную информацию, так как смыслы могут быть представлены и без использования языковых средств. Поскольку «языковые формы служат лишь для запуска процессов концептуальной интеграции, это дает возможность коммуникантам строить конфигурации ментальных пространств по своему усмотрению» [7, с. 45]. Это обуславливает спонтанность дискурса, зависимость его формирования от поведения коммуникантов и возможной смены их коммуникативных ролей. Поэтому задачей интегративного аналитического подхода является выявление того, как коммуникативный замысел говорящего структурируется в надлежащий смысл через интеграцию разноуровневых модусов и за счёт чего обеспечивается его адекватное восприятие. Рассмотрим ряд примеров.

(1) “Something’s happened between you.”
“No it hasn’t.”
“Is he bothering you?”
“For God’s sake!” (I. McEwan “Atonement”¹).

(2) “Is there a difference?” “OF COURSE...” (N. Hornby “High Fidelity”²).

(3) I’m tired. Oh, God, I’m tired (J. Cheever “The Brigadier and the Gulf Widow”³).

¹ McEwan I. Atonement. New York, London: Anchor Books, 2003. P. 47.

² Hornby N. High Fidelity. London: Penguin Group, 1995. P. 308.

³ The Stories of John Cheever [Электронный ресурс] // Книгогид : [сайт]. URL: https://knigogid.ru/books/739632-the-stories-of-john-cheever/toread?update_page (дата обращения: 20.08.2021).

(4) “If you’d stop moving and listen,” I said.

“Your voice carries, I’ll say that. Lady I know, three blocks from where you found the body, said because of your yell that night, her cats still haven’t come home. Okay, I’m standing here. And?” (R. Bradbury “Death is a Lonely Business”¹).

В представленных фрагментах не только выбор языковых средств, но и определённое форматирование дискурса препрезентируют необходимый прагмато-семантический смысл и эмоциональный аспект коммуникации. Так, в (1) и (2) очевидно повышение говорящим тона, что выражает раздражение и нежелание продолжать тему (1) и удивление говорящего тем, что собеседник не понимает элементарного (2). В (3), наоборот, наблюдаем понижение тона – невыразительность, «бесцветность» голоса говорящего. Ситуация (4) препрезентирует нервное состояние коммуникативного партнёра, выражаемого в его перемещении, «метании», по комнате и многословности, вплоть до бессвязного бормотания.

Эмоциональное состояние участников коммуникации нередко передаётся посредством парцеляции и других видов графического разделения одного законченного по смыслу предложения на два и даже более. Например:

(5) Ladies and gentlemen. Start your engines (D. Brown “Deception Point”²).

(6) “Well. So. Platt. How are you?” I said after an uncomfortable silence, stepping backwards. “Are you still in the city?” (D. Tatt “The Goldfinch”³).

Подобный режим оформления дискурса отражает официоз и важность

происходящего, в определённой степени даже торжественность в (5) и некоторое замешательство, раздумывание над тем, что сказать в неловкой ситуации (возможно даже «затягивание» времени) в (6). Кроме того, такое представление дискурса превращает его в своего рода миниtekсты, системные свойства которых обусловливают формирование формально-структурной организации и функционального пространства дискурса.

Изменение интонации, акцентирование отдельных элементов дискурса, важных для усиления формируемого смысла (логическое ударение), также могут оформляться разными способами, например, написание слова, словосочетания или даже предложения заглавными буквами (7), выделение курсивом или жирным шрифтом и т. п. (8):

(7) I would say that if you really want to STOP knowing someone, you have to divorce him (E. Gilbert “Eat, Pray, Love”⁴).

(8) “Poor boy,” said Fannie. “You do look sad.” (R. Bradbury “Death is a Lonely Business”⁵).

Как мы видим, довольно часто паралингвистические контекстуальные ресурсы оказывают не меньшее воздействие на формирование смысла, чем вербальные: любой контекстуальный сигнал функционирует совместно с грамматическими и лексическими знаками и служит основой ситуативной интерпретации. Интегративный анализ охватывает широкий спектр различных языковых и контекстуальных модусов и режимов, взаимодействие которых приводит к интегративному сложному коммуникативному эффекту. Многосигнальность способствует оптимальному выражению формируемого смысла и его быстрому

¹ Bradbury R. Death is a Lonely Business // Электронная библиотека RoyalLib.Com. URL: https://royallib.com/read/Bradbury_Ray/Death_Is_a_Lonely_Business.html#20480 (дата обращения: 20.08.2021).

² Brown D. Deception Point [Электронный ресурс] // Novel12 : [сайт]. URL: <https://novel12.com/241040/deception-point.htm> (дата обращения: 20.08.2021).

³ Tatt D. The Goldfinch [Электронный ресурс] // BookFrom.net : [сайт]. <https://www.bookfrom.net/donna-tattt/30747-the-goldfinch.html> (дата обращения: 20.08.2021).

⁴ Gilbert E. Eat, Pray, Love [Электронный ресурс]. URL: [http://englishonlineclub.com/pdf/Elizabeth%20Gilbert%20-%20Eat,%20Pray,%20Love%20\[EnglishOnlineClub.com\].pdf](http://englishonlineclub.com/pdf/Elizabeth%20Gilbert%20-%20Eat,%20Pray,%20Love%20[EnglishOnlineClub.com].pdf) (дата обращения: 20.08.2021).

⁵ Bradbury R. Death is a Lonely Business // Электронная библиотека RoyalLib.Com. URL: https://royallib.com/read/Bradbury_Ray/Death_Is_a_Lonely_Business.html#20480 (дата обращения: 20.08.2021).

адекватному декодированию. Синтез и синергийное взаимодействие всех модулей репрезентации смысла, направляющие создание коммуникативного смысла и его интерпретацию, обусловливают целостное впечатление от сообщаемого.

Способность воспроизводить и интерпретировать смыслы во многом зависит от когнитивных способностей, психологического и ментального состояния участников коммуникации. На основе определённой системы правил и принципов коммуниканты выстраивают ментальные структуры и соотносят ментальные репрезентации разных типов, совершают с ними различные операции и даже конструируют модели деятельности [14; 16]. Это подтверждает взаимозависимость лингвистических и психологических особенностей человека, с одной стороны, и тесную связь языка с другими его когнитивными способностями, с другой, а также значимость языковой обработки поступающей по разным каналам информации, зависимость языковой репрезентации и организации языка в целом от особенностей мировоззрения и концептуальной системы индивида [6].

Интегративная функциональная парадигма позволяет объединить все обозначенные аспекты в целостный анализ, она учитывает максимально возможное количество факторов в процессе порождения и понимания смыслового пространства, а именно то, каким образом и под действием каких факторов одно значение порождает другое, логически ведёт к формированию или трансформации общего смысла, а также какие возможные языковые и неязыковые средства задействованы при этом. Это порождает динамические модели смысла в дополнение к статическим: с одной стороны, исходный уровень смыслового пространства – это статическая констатация факта (структурная составляющая вербализации смысла), но с другой, это пространство формируется как объёмный «стереоскопический» конструкт, эволюционирующий в процессе развёртывания

значений на основе правил разного типа [2; 9; 18].

Развивая алгоритм построения смысла, интегративный аналитический подход в большей степени опирается на функциональную основу и прагматическую перспективу дискурса, что позволяет привести в соответствие определённый набор функций с оптимальными языковыми средствами их выражения, то есть установить соотношение, зависимость выбора формы для надлежащего выражения содержания (функций). Актуальный данный подход делает возможность разностороннего анализа трансформации смысла: от языкового средства – к значению или функции и от функции и значения – к способам их репрезентации [3; 8]. Это, в свою очередь, позволяет объяснить, какие именно категории и объекты репрезентируются в сознании человека, как он оперирует этими репрезентациями и за счёт каких внутренних механизмов речи порождает или интерпретирует смыслы.

Кроме того, анализируя процессы смыслопорождения, данный подход применяет лингвосинергетические принципы эволюции и динамической системности, выдвигая на передний план структурно-системную и функциональную стороны формирования смысла, что способствует систематизации правил его трансформации и структурированию функциональных связей дискурса (таких, как пояснение, спецификация, альтернатива, расширение, последовательность, прагматический комментарий и т. д.). Например:

(9) Bobby walked over to them and observed the shapes –

– drawn beside the grid (S. King “Hearts in Atlantis”¹).

¹ King S. Hearts in Atlantis [Электронный ресурс] // BookFrom.net : [сайт]. https://www.bookfrom.net/stephen-king/31714-hearts_in_atlantis.html (дата обращения: 20.08.2021).

В представленном фрагменте функциональный план дискурса конструируется языковыми средствами в сочетании с визуальным объектом. Креолизованный контент, образуя гибридную форму дискурса, способствует более наглядному представлению и восприятию сообщения, чем если бы автор просто выразил мысль посредством только языковых средств (ср.: *Bobby walked over to them and observed the shapes – a star, a comet, a crescent – drawn beside the grid*). Подобным образом автор максимально точно передаёт имеющийся у него образ, необходимый именно в данном контексте. Кроме того, формирование функциональных отношений спецификации (через перечисление, хотя и невербальное, при обобщающем слове *shapes*) посредством креолизованного дискурса в очередной раз демонстрирует возможности синергийного взаимодействия разноуровневых элементов в процессе создания целостного функционально-смыслового пространства английского дискурса.

Заключение

Интегративная методология удачно сочетает в себе приёмы функционального, когнитивного и коммуникативного подходов к изучению формирования смысла. Являясь средством передачи ин-

формации, дискурс кодирует смысл, и его декодирование не ограничивается только пониманием языковых единиц, но во многом обуславливается внешней средой дискурса (знаниями о мире, социальным и культурным опытом, способностью в целом регулировать развёртывание дискурса), что проявляется в отборе наиболее значимого в данном контексте и для данных коммуникантов смыслового содержания и в выборе наиболее подходящих и оптимальных форм его вербализации [10]. Особенность интегративного аналитического подхода состоит в том, что он рассматривает функции языковых средств модификации смысла только в их непосредственном когерентном взаимодействии, учитывая при этом множество лингвистических и экстралингвистических факторов.

Как и любой анализ языка и коммуникации, интегративный подход ограничен по своему объёму и масштабу. Но благодаря своему потенциалу данная парадигма может развиваться, расширяя наше понимание механизмов создания смыслов не как статического детерминированного явления, но как процесса динамического, комплексного, эволюционирующего.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О. В. Изучение языка в новых условиях знания о нём и его функционировании // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 20–25.
2. Алефиренко Н. Ф. Смысл как лингвофилософский феномен // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21). С. 5–14.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
4. Григорьева В. С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2018. 38 с.
5. Ефименко Т. Н., Иванова Ю. Е. Вербальные и невербальные средства коммуникации как операторы смысла в англоязычном деловом дискурсе (на материале публичных выступлений) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 15–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-15-28.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных презентаций // Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования: авторский сборник статей. М.: Знак, 2012. С. 95–112 (Серия «Разумное поведение языка»).

7. Лузина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сборник науч. трудов / Центр гуманит. науч.-информ. исслед., отд. языкоznания; редкол.: Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 40–48 (Серия «Теория и история языкоznания»).
8. Пономаренко Е. В. Пояснение как языковая единица (к вопросу о функциональных связях дискурса): монография. М.: МГУ-Академия ФПС России, 1999. 144 с.
9. Пономаренко Е. В. О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 80–84.
10. Раренко М. Б. Лингвистика текста и теория ментальных пространств // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сборник науч. трудов / Центр гуманит. науч.-информ. исслед., отд. языкоznания; редкол.: Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. (отв. ред.) и др. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 142–157 (Серия «Теория и история языкоznания»).
11. Харьковская А. А., Кривченко И. Б. Концептуальная организация дискурса социальных сетей (на материале социальной сети “FACEBOOK”) // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 27. С. 60–77. DOI: 10.25076/vpl.27.05.
12. Храмченко Д. С. Кооперативный эффект pragматического воздействия в английском дискурсе масс-медиа // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 27. С. 86–95. DOI: 10.25076/vpl.27.07.
13. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 428 с.
14. Chomsky N., Hornstein N. Rules and Representations. New York: Columbia University Press, 2005. 299 p.
15. Husserl E. Preliminary Remarks about the Systematic Theory of Forms of Meanings // Husserl E. Logic and General Theory of Science. Switzerland: Springer, 2019. P. 129–140. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14529-3_5.
16. Johnson-Laird P. N. Mental Models in Cognitive Science // Cognitive Science. 2010. Vol. 4. Iss. 1. P. 71–115. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0401_4.
17. Kress G. What is Mode? // A Handbook of Multimodal Analysis / ed. by C. Jewitt. London: Routledge, 2009. P. 54–67.
18. Levinson S. Three Levels of Meaning // Grammar and Meaning / ed. by F. Palmer. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 90–115. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620638.006>.
19. Manenko L. A. Specialized Discourse, its Development and Multimodality // LATEUM-2015. Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Conference Proceedings: материалы XII международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ имени М. В. Ломоносова / отв. ред. О. В. Александрова. М.: Университетская книга, 2015. С. 64–69.
20. Wharton T. Pragmatics and Non-verbal Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 219 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511635649>.

REFERENCES

1. Aleksandrova O. V. [Language research within new approaches to its knowledge and functioning]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2018, no. 32, pp. 20–25.
2. Alefirenko N. F. [Sense as linguistic philosophic phenomenon]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2013, no. 1 (21), pp. 5–14.
3. Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [The theory of meaning in the system of functional grammar: founded on the materials of the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 736 p.
4. Grigorieva V. S. *Integrativnost' formata rechevogo vzaimodeistviya v dialogicheskem diskurse* (na primere bytovykh diskursivnykh zhanrov): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Integrativeness of the format of speech interaction in dialogic discourse (on the example of everyday discursive genres): abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2018. 38 p.
5. Efimenko T. N., Ivanova Yu. E. [Verbal and nonverbal means of communication as functional operators of the meaning in English business discourse (exemplified in public speeches)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 1, pp. 15–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-15-28.

6. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z. [On mental representations]. In: Kubryakova E. S. *V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language: cognitive research]. Moscow, Znak Publ., 2012, pp. 95–112 (Series “Reasonable Language Behavior”).
7. Luzina L. G. [On the cognitive-discursive paradigm of linguistic knowledge]. In: *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2008, pp. 40–48 (Series “Theory and History of Linguistics”).
8. Ponomarenko E. V. *Poyasnenie kak yazykovaya edinitsa (k voprosu o funktsional'nykh svyazyakh diskursa)* [Explanation as a linguistic unit (to the question of the functional connections of discourse)]. Moscow, MGU-Akademiya FPS Rossii Publ., 1999. 144 p.
9. Ponomarenko E. V. [About functional self-organization of verbal means in English business discourse]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2013, no. 5 (106), pp. 80–84.
10. Rarenko M. B. [Linguistics of the Text and the Theory of Mental Space]. In: *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoi lingvistike* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2008, pp. 142–157 (Series “Theory and History of Linguistics”).
11. Kharkovskaya A. A., Krivchenko I. B. [Conceptual organization of social network discourse (based on Facebook social network)]. In: *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of Applied Linguistics], 2017, no. 27, pp. 60–77. DOI: 10.25076/vpl.27.05.
12. Khramchenko D. S. [Cooperative effect of pragmatic impact in English discourse of mass media]. In: *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of Applied Linguistics], 2017, no. 27, pp. 86–95. DOI: 10.25076/vpl.27.07.
13. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 428 p.
14. Chomsky N., Hornstein N. Rules and Representations. New York, Columbia University Press, 2005. 299 p.
15. Husserl E. Preliminary Remarks about the Systematic Theory of Forms of Meanings. In: Husserl E. *Logic and General Theory of Science*. Switzerland, Springer, 2019, pp. 129–140. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14529-3_5.
16. Johnson-Laird P. N. Mental Models in Cognitive Science. In: *Cognitive Science*, 2010, vol. 4, iss. 1, pp. 71–115. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0401_4.
17. Kress G. What is Mode? In: Jewitt C., ed. *A Handbook of Multimodal Analysis*. London, Routledge, 2009, pp. 54–67.
18. Levinson S. Three Levels of Meaning. In: Palmer F., ed. *Grammar and Meaning*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, pp. 90–115. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620638.006>.
19. Manerko L. A. [Specialized Discourse, its Development and Multimodality]. In: *LATEUM-2015. Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Conference Proceedings: materialy XII mezhdunarodnoy konferentsii Lingvisticheskoy assotsiatsii prepodavateley angliyskogo yazyka MGU imeni M. V. Lomonosova* [LATEUM-2015. Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Conference Proceedings: Proceedings of the XII International Conference of the Linguistic Association of English Teachers of Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Universitetskaya kniga, 2015, pp. 64–69.
20. Wharton T. Pragmatics and Non-verbal Communication. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 219 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511635649>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малахова Виктория Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 4 МГИМО МИД России;
e-mail: v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria L. Malakhova – Cand. Sci. (Philology), assoc. prof., Department of English Language no. 4, MGIMO University;
e-mail: v.l.malakhova@inno.mgimo.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малахова В. Л. Анализ формирования мультимодального смыслового пространства английского дискурса через призму интегративной функциональной методологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 60–69.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-60-69

FOR CITATION

Malakhova V. L. Analysis of the formation of English discourse multimodal sense space from the perspective of integrative functional methodology. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 60–69.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-60-69

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81-25

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-70-77

ЭЛЛИПСИС ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КАК СРЕДСТВО ЭКОНОМИИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Вих А. В.

Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация
Московский международный университет
125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17, Российская Федерация

Аннотация.

Цель данной работы заключается в определении понятия эллипсиса как одного из основных средств реализации принципа языковой экономии, рассмотрении его видов на материале франкоязычного устного медиадискурса и анализе случаев эллипсиса, противоречащих языковой норме.

Процедура и методы. В статье изложены теоретические положения, связанные с проблемами эллипсиса, рассмотрены конкретные примеры реализации эллипсиса в дискурсе. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов, а для отбора материала – метод сплошной выборки.

Результаты. В ходе работы были выявлены виды эллипсиса, способствующие реализации принципа экономии в медийном дискурсе, а также установлены некоторые закономерности эллипсиса знаменательных частей речи.

Теоретическая и/или практическая значимость работы. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях синтаксических средств реализации экономии в речи, а полученные выводы и материалы – в курсах теоретических и практических дисциплин, таких как: теоретическая грамматика, стилистика, анализ текста и др.

Ключевые слова: языковая экономия, эллипсис, этимологический эллипсис, фактический эллипсис

ELLIPSIS OF SIGNIFICANT PARTS OF SPEECH AS A MEANS OF ECONOMY IN FRANCOPHONE MEDIA DISCOURSE

A. Vikh

Moscow State Linguistic University
38 build. 1 ulitsa Ostozhenka, 119034 Moscow, Russian Federation
International University in Moscow
17 Leningradsky prospect, 125040 Moscow, Russian Federation

© CC BY Вих А. В., 2022.

Aim of this research is to define ellipsis as one of the main means of implementing linguistic economy, to analyze its types in French oral media discourse and the cases of ellipsis which contradict the language norm.

Methodology. The article outlines theories related to the problems of ellipsis and considers the examples of its implementation in discourse. During the study, the methods of observation, generalization, and interpretation of results were used, and the method of continuous sampling was used for material selection.

Results. In the research, the types of ellipsis, contributing to the implementation of economy in media discourse, were identified and some patterns of ellipsis of significant parts of speech were established.

Research implications. The results obtained can be used in further studies of syntactic means of economy, and the conclusions can be used in theoretical and practical disciplines, such as theoretical grammar, stylistics, text analysis, etc.

Keywords: language economy, ellipsis, etymological ellipsis, actual ellipsis

Введение

Анализ устного медийного дискурса предполагает широкий учёт его конститутивных признаков, в частности ограниченность во времени. Таким образом, одной из основных задач при его создании становится передача максимума информации за ограниченный промежуток времени. В связи с этим мы считаем возможным говорить о реализации экономии речевых усилий как об одном из ключевых свойств исследуемого типа дискурса.

Несмотря на то, что среди лингвистов отсутствует единое мнение относительно определения термина *речевая экономия*, справедливой кажется точка зрения И. С. Кащенковой, рассматривающей экономию в речи, как компромисс «между потребностями речевого общения и стремлением человека к минимизации затраченных на это общение усилий» [5, с. 361].

Принцип экономии реализуется на всех уровнях языковой системы и представлен разнородными явлениями и процессами. Это замечание относится и к синтаксическому уровню, где, согласно В. В. Елькину, все приёмы приводят «в своем конечном результате к сжатию, компрессии текста» [3, с. 134]. Несмотря на многообразие синтаксических средств, направленных на реализацию принципа языковой экономии, частотность их употребления различна. Одним из наиболее распространённых средств

реализации принципа языковой экономии во французском устном дискурсе является эллипсис.

Классификации видов эллипсиса

Проблематика эллипсиса в целом и классификация его видов в частности вызывают интерес как у отечественных, так и у зарубежных лингвистов. В лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой понятие эллипсис определяется как «пропуск в речи или в тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная “неполнота” синтаксической конструкции»¹. Схожее определение даёт швейцарский лингвист Ш. Балли, относя эллипсис к «имплицитным знакам», отсутствующим в определённом месте высказывания, которые могут быть «восстановлены из контекста, ситуации, либо по памяти» [1, с. 285]. Оба исследователя подчёркивают, что природа рассматриваемого явления заключается в наличии одного или нескольких эллиптизованных элементов и обусловленной этим структурной неполноты синтаксической конструкции.

Аналогичную точку зрения высказывают большинство современных лингвистов. Так, например, согласно Ю. П. Зин-

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://taipermk.narod.ru/les/> (дата обращения: 22.01.2021).

ган, суть эллипсиса заключается «в пропуске слова или выражения, необходимого для грамматической полноты, но не обязательного с точки зрения смысла» [4, с. 37]. К. В. Васильева и Л. А. Метелькова рассматривают эллипсис как «намеренный пропуск слов, не существенных для смысла выражения, используемый как риторическая фигура разговорного стиля, значение которой легко восстановить из контекста» [2, с. 84]. Схожие определения предлагаются в работах М. К. Тутарищевой [7], М. П. Фомичевой и Л. К. Буцурадзе [8].

Вопросам эллипсиса и его видам посвящены труды многих франкоязычных лингвистов. В частности, большой интерес представляет работа М. Биго “*Ellipse et effacement: du schème phrasistique à l’organisation discursive*” [9], в которой автор разграничивает структурный эллипсис, связанный с отсутствием определённых элементов высказывания, необходимых для грамматически правильного построения конструкции, восстановление которых, при необходимости, не вызывает затруднений, даже без наличия контекста; и функциональный эллипсис, находящий своё выражение в дискурсе и выступающий в роли одного из средств когезии, обеспечивающих внутреннюю лексико-грамматическую связность текста, наравне с анафорой, субSTITУцией, пресуппозицией и др.

В нашем исследовании мы взяли за основу классификацию, разработанную М. Грэвисом [11], построенную на критерии восстановления эллиптикового компонента. Лингвист выделяет три вида эллиптических конструкций, которые мы хотели бы рассмотреть более подробно.

Ложный эллипсис

Возможность восстановления полной формы предложения отсутствует, так как подобной не существует. В качестве примера М. Грэвис приводит употребление глаголов без соответствующих местоимений в повелительном наклонении (*Allez!*).

Мнения о невозможности причисления таких конструкций к эллиптическим придерживается Ларькина А. А., согласно которой «основным критерием эллиптичности следует считать наличие в языке полного коррелята сокращенной конструкции, при этом допущение возможности ее восстановления до полного варианта часто обусловлено наличием предыдущего или последующего контекста или ситуацией диалогического общения в процессе коммуникации» [6, с. 7]. Похожими критериями разграничения эллиптических и неполных конструкций руководствуется Г. Бильби в своей работе “*Grammaire des constructions elliptiques*” [10].

Этимологический эллипсис

В конструкциях такого рода сокращение одного из компонентов обусловлено воздействием экономии, что отмечает и сам М. Грэвис – “*par économie, on a fait disparaître des éléments qui ne paraissaient pas indispensables à la communication*” [11, p. 227]. Восстановление полной формы синтаксической конструкции возможно, и она, а) сосуществует с более компактным вариантом или б) вышла из употребления и ощущается носителями как устаревшая. В качестве примеров современного устного употребления такого рода конструкций могут быть рассмотрены следующие:

1) Выпадение некоторых частей речи, в случаях, когда их отсутствие не влияет на понимание сказанного слушающим, при этом полная и усечённая конструкции в равной степени употребимы в устном дискурсе.

– *C'est la mort vous portez sur vous-même*¹ – относительное местоимение: *la mort que vous portez*;

– *Tout ceux qui étrangers sur notre territoire ont un lien avec le fondamentalisme*

¹ Balance ton post: Êtes-vous pour ou contre la burqa? // Touche pas à mon poste! : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5qZwpf9dz5A> (дата обращения: 08.05.2021).

islamiste, dehors!¹ – глагол-связка: tout ceux qui sont étrangers;

– Ils sont excentriques, provocateurs et fiers d'être² – местоимение: fiers de l'être;

В приведённых выше примерах восстановить эллиптизованный компонент не вызывает затруднений. Но вместе с тем упрощённая конструкция не воспринимается слушателем как ошибочная. Тем не менее, в большинстве случаев участники дискурса делают выбор в пользу более компактного варианта с целью экономии времени, затраченного на речепроизводство, в особенности под воздействием экстралингвистических факторов (например, ограниченность эфирного времени, наличие в студии оппонентов, перебивающих друг друга и др.).

2) Выпадение одного или нескольких членов синтаксической конструкции под влиянием языковой экономии. При этом первоначальная полная конструкция воспринимается как устаревшая и более не употребляется в устном современном дискурсе. В данном случае, примером выступает слово *bonjour*, которое представляет собой сокращённый вариант от употребляемого ранее *Ayez un bon jour*.

Фактический эллипсис

По М. Гревису фактический эллипсис реализуется тогда, когда говорящий не выражает эксплицитно какую-то часть информации, что побуждает слушающего самостоятельно восстанавливать опущенную часть, опираясь на контекст, невербальные средства, коммуникативную ситуацию в целом. Но если в случае этимологического эллипсиса не возникает трудностей при восстановлении полной синтаксической конструкции фразы

¹ REPLAY – Débat de l'entre-deux tours: Marine Le Pen vs Emmanuel Macron // LCI: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iOAbBdlWgz0&t=192s> (дата обращения: 08.05.2021).

² Excentriques, provocateurs : pourquoi cherchent-ils à se faire remarquer ? // Ça se discute – Chaone officielle: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2azay3vRVG8&t=340s> (дата обращения: 08.05.2021).

на основе знаний о её грамматической структуре и понимания общего смысла, то в случае фактического эллипсиса, это может привести к определённымсложностям или быть совсем невозможным. Иными словами, фактический эллипсис широко задействует ситуационные характеристики коммуникации, в то время как интерпретация этимологического эллипсиса от них напрямую не зависит.

С точки зрения внутренней структуры языка, предложение с фактическим эллипсисом воспринимается как неполное или, в ряде случаев, противоречащее грамматической норме. Поэтому помимо реализации принципа языковой экономии, данный тип эллипсиса служит для усиления эмоционально-экспрессивной окраски речи говорящего.

Проанализировав корпус примеров, взятых из ряда современных французских телешоу, мы смогли констатировать, что при фактическом эллипсисе одни элементы выпадают чаще, чем другие. Можно предположить, что причиной данного феномена являются различия в коммуникативной значимости элементов. Стараясь минимизировать речевые усилия, говорящий озвучивает лишь те компоненты, которые необходимы для достижения результата коммуникации. Как следствие, знаменательные части речи, обладающие большей смысловой нагрузкой, выпадают значительно реже, чем служебные.

Эллипсис существительного. Проведённый анализ показал, что эллипсис существительного во французском медийном дискурсе наиболее часто реализуется в следующих случаях:

1. После прилагательного, определяющего существительное и предоставляющее возможность восстановить опущенный компонент

– Notre grand, il attendait son petit-frère³ – grand enfant.

³ Je ne savais pas que mon bébé allait naître différent... REPLAY // Toute une histoire: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RC8jDk00hRM> (дата обращения: 08.05.2021).

2. После количественного или порядкового числительного:

– Je ne descendais pas en dessous de trente-neuf¹ – trente-neuf degrés.

По аналогии с числительными эллипсис существительного имеет место после вопросительного местоимения *combien*:

– C'est combien PHAROS?² – combien de personnes?

Некоторые случаи эллипсиса существительного после числительного отличаются широким употреблением и со временем приобретают статус устойчивых выражений, переходя из категории фактического эллипсиса в этимологический, например, *être sur son trente-et-un*.

Эллипсис прилагательного и наречия. На основе проведённого анализа мы можем отметить, что эллипсис прилагательного или наречия носит скорее ситуативный характер. Такой эллипсис чаще реализуется в следующих случаях:

а) когда из контекста становится очевидным, какое слово было опущено;

б) при диалогическом общении, где опущенное прилагательное или наречие было вербализировано ранее другим участником коммуникации.

– Et ça dure? – Oui, ça dure depuis dix ans³ – ça dure combien;

– Il est jaloux? – Beaucoup, oui⁴ – в данном примере интересен не только эллипсис прилагательного *jaloux* в ответной реплике, но также замена интенсификатора в усечённом варианте высказывания. В

случае если бы была сохранена полная конструкция, в роли интенсификатора прилагательного выступала бы языковая единица *très* (*Il est très jaloux*), но эллипсис компонентов высказывания влечёт за собой смену *très* на *beaucoup*, которое изначально употребляется для усиления глагола.

Эллипсис глагола. Несмотря на то, что глагол является центром французского предложения, случаи пропуска глагола довольно многочисленны. Стоит отметить, что из-за тесной связи глагола-сказуемого и местоимения-подлежащего, одновременно с эллипсисом глагола имеет место и эллипсис местоимения. Таким образом, представляется возможным выделить следующие типовые случаи:

1. Эллипсис глагола во второй части предложения в случаях, когда в первой он уже был вербализирован.

– Mon père était militant, ma mère non⁵.

2. При наличии существительного, способного самостоятельно передать значение выполняемого действия.

– Bon, ok, café et je le mets dehors⁶;

– Je me lève, je m'habille, jeu vidéo et je vais bosser⁷.

3. В диалогическом единстве, где смысл второй реплики понятен, благодаря первой.

– Qui finance l'islam de France en premier lieu?⁸ – En premier lieu, les fidèles.

¹ Maladies invisibles ? Maladies mystérieuses ? // Toute une histoire: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Mc02jlqH8Ek> (дата обращения: 08.05.2021).

² Islam radical : une France sous influence ? // C dans l'air: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0zsfYvki-AQ&t=1826s> (дата обращения: 08.05.2021).

³ L'amour est-il plus fort que l'interdit? // Ça se discute – Chaone officielle: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o8wMUFGDlm8&t=4603s> (дата обращения: 08.05.2021).

⁴ Je suis trop belle, quel enfer ! // C'est mon choix – La chaîne officielle: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xfo-Oq7qeK4> (дата обращения: 08.05.2021).

⁵ Entretien d'André Morange [Электронный ресурс] // CoCoOn: Collections de Corpus Oraux Numériques [сайт]. URL: <https://cocoon.huma-num.fr/exist/crdo/meta/cocoon-b18297da-dd83-33f6-85d9-d11bcfa5afa3> (дата обращения: 08.05.2021).

⁶ Violeur en série : les victimes parlent // Toute une histoire: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hwtcVRyJ2iQ> (дата обращения: 08.05.2021).

⁷ Jamais sans mon maquillage // C'est mon choix – La chaîne officielle: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v-hTz0TN78ON8&t=530s> (дата обращения: 08.05.2021).

⁸ Islam radical : une France sous influence ? // C dans l'air: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0zsfYvki-AQ&t=1826s> (дата обращения: 08.05.2021).

4. Эллипсис глагола *être* в составе именного сказуемого.

– La première fois, un peu déçu¹.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что из трёх рассмотренных видов эллипсиса реализации принципа экономии в дискурсе способствуют только два (этимологический и фактический), так как не все неполные предложения могут быть приравнены к эллиптическим. Предложение, в котором восстановление компонентов противоречит внутренним законам языка, – односоставное предложение, не имеющее полного эквивалента. Такие синтаксические конструкции не рассматриваются нами как реализация принципа экономии. Предложения, где опущение компонентов имело целенаправленный характер и / или под воздействием экстралингвистических факторов могут быть названы эллиптическими. При этом у коммуникантов сохраняется возможность восстановления первоначальной формы с опорой на невербальные средства, предыдущий контекст, фоновые знания о языке и коммуникативную ситуацию в целом.

Часть эллипсиса с опорой на невербальные средства, предыдущий контекст, фоновые знания о языке и коммуникативную ситуацию в целом.

В случае этимологического эллипсиса усечённый вариант высказывания сосуществует наравне с полной синтаксической конструкцией.

Фактический эллипсис – ситуативный эллипсис, где восстановление опущенной части возможно, но с опорой на предыдущий контекст.

Проведённый анализ показал, что существуют определённые закономерности фактического эллипсиса знаменательных частей речи в медийном дискурсе. Опущение существительного реализуется при наличии определителей, выраженных прилагательным или числительным; опущение прилагательного или наречия – при наличии необходимого контекста и диалогическом общении; опущение глагола – при его вербализации в первой части высказывания, при существительном, передающим необходимый оттенок действия, в диалогическом общении, глагола-связки *être* в именном сказуемом.

¹ Première fois : comment construire une sexualité épanouie ? // Ça se discute – Chaîne officielle: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fASeha4qSZA&t=6s> (дата обращения: 08.05.2021).

Статья поступила в редакцию 14.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

- Балли Ш. Французская стилистика. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
- Васильева К. В., Метелькова Л. А. Эллипсис в языке французских СМИ // Вопросы филологии и переводоведения: сборник научных статей. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2018. С. 84–87.
- Елькин В. В. Диалогическая речь – основная сфера реализации языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2001. 221 с.
- Зинган Ю. П. Типологический анализ эллиптических предложений в английском художественном тексте // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 36–40.
- Кашенкова И. С. Языковая экономия: учет данной культурной специфики при переводе // Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе: материалы II Межвузовской научно-практической конференции (Москва, 5–6 апреля 2018 г.). М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 360–366.
- Ларькина А. А. Эллипсис в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 175 с.
- Тутарищева М. К. Эллипсис как языковое явление // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 13.

8. Фомичева М. П., Буцурадзе Л. К. Эллипсис как эффективный инструмент экономии языковых средств в современной немецкой прессе // Филологический аспект (сетевое издание). 2020. № 6 (62). С. 43–53. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ellipsis-kak-effektivnyj-instrument-ekonomii-yazykovykh-sredstv-v-sovremennoj-nemetskoj-presse.html> (дата обращения: 10.04.2021).
9. Bigot M. *Effacement et ellipse: du schème phrastique à l'organisation discursive* // Ellipse et effacement: du schème de phrase aux règles discursives / dir. J.-C. Pitavy, M. Bigot. Saint-Étienne: l'Université de Saint-Étienne, 2008. P. 279–288.
10. Bilbii G. Grammaire des constructions elliptiques. Berlin: Language science press, 2017. 381 p.
11. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage: Grammaire française. Bruxelles: Éditions de Boeck Université, 2008. 1600 p.

REFERENCES

1. Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1961. 394 p.
2. Vasil'eva K. V., Metelkova L. A. [Ellipsis in the language of the French media]. In: *Voprosy filologii i perevodovedeniya* [Questions of philology and translation studies]. Cheboksary, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 84–87.
3. El'kin V. V. *Dialogicheskaya rech' – osnovnaya sféra realizatsii yazykovoy ekonomii: dis. ... kand. filol. nauk* [Dialogic speech is the main sphere of the implementation of language economy: PhD thesis in Philological Sciences]. Pyatigorsk Publ., 2001. 221 p.
4. Zingan Yu. P. [Typological Analysis of Elliptical Sentences in English Literary Text]. In: *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Pridnestrovian University. Series: Humanities], 2020, no. 1, pp. 36–40.
5. Kashenkova I. S [Language economy: taking into account this cultural specificity in translation]. In: *Traditsii i innovatsii v prepodavanii inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze: materialy II Mezhevuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 5–6 aprelya 2018 g.)* [Traditions and innovations in teaching a foreign language in a non-linguistic university: materials of the II Inter-university scientific and practical conference (Moscow, April 5–6, 2018)]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2019, pp. 360–366.
6. Larkina A. A. *Ellipsis v sovremennom frantsuzskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Ellipsis in modern French: PhD thesis in Philological sciences]. St. Petersburg, 2009. 175 p.
7. Tutarishcheva M. K. [Ellipsis as a linguistic phenomenon]. In: APRIORI. Seriya: *Gumanitarnye nauki* [APRIORI. Series: Humanities], 2018, no. 2, pp. 13.
8. Fomicheva M. P., Butzuradze L. K. [Ellipsis as an effective mechanism for semantic compression in the language of contemporary German periodicals]. In: *Filologicheskii aspekt (setevoe izdanie)* [Philological aspect (online edition)], 2020, no. 6 (62), pp. 43–53. Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/ellipsis-kak-effektivnyj-instrument-ekonomii-yazykovykh-sredstv-v-sovremennoj-nemetskoj-presse.html> (accessed: 10.04.2021).
9. Bigot M. *Effacement et ellipse: du schème phrastique à l'organisation discursive*. In: Pitavy J.-C., Bigot M., dir. *Ellipse et effacement: du schème de phrase aux règles discursives*. Saint-Étienne, l'Université de Saint-Étienne, 2008, pp. 279–288.
10. Bilbii G. Grammaire des constructions elliptiques. Berlin, Language science press, 2017. 381 p.
11. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage: Grammaire française. Bruxelles, Éditions de Boeck Université, 2008. 1600 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вих Александра Витальевна – аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета; преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета;
e-mail: vih.al@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra V. Vikh – Postgraduate student, Department of Lexicology and Stylistics of the French Language, Moscow State Linguistic University; Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University;
e-mail: vih.al@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вих А. В. Эллипсис знаменательных частей речи как средство экономии во франкоязычном медиадискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 70–77.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-70-77

FOR CITATION

Vikh A. V. Ellipsis of significant parts of speech as a means of economy in francophone media discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 70–77.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-70-77

УДК 811. 133. 1'36(045)
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-78-89

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛЕКСЕМЫ *OR* В СТАРО- И СРЕДНЕФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Овсейчик Ю. В.

Минский государственный лингвистический университет
220034, г. Минск, ул. Захарова, д. 21, Республика Беларусь

Аннотация

Цель. Выявить закономерности развития функциональных свойств лексемы *or* в ранний период развития французского языка (XI–XVI вв.).

Процедура и методы. В результате сопоставления количественных и качественных характеристик лексемы *or* на основании данных старо- и среднефранцузского подкорпусов Национального корпуса французского языка Frantext с учётом лексикографического описания единицы и предшествующих научных исследований в области её функционирования, а также с применением дистрибутивного, функционально-семантического, логико-семантического и контекстуального анализов выявляется динамика употребительности полифункциональной единицы *or*.

Результаты. Определены синтагматические условия реализации лексемы *or* как союза, наречия или частицы и установлены количественные показатели её употребительности в соответствующих функциях в указанные периоды.

Теоретическая и практическая значимость. Автором упорядочена и уточнена информация о функционировании лексемы *or* в период раннего развития языка с использованием корпусных исследовательских процедур. Результаты исследования значимы для французской романстики и могут быть использованы в теории и практике преподавания французского языка на уровне бакалавриата, магистратуры и послевузовского образования по дисциплинам: история французского языка и теоретическая грамматика.

Ключевые слова: сочинительный союз; полифункциональность; темпоральный дейктик; динамика употребительности; диахронические изменения; старо- и среднефранцузский языки

POLYFUNCTIONALITY OF THE LEXEME *OR* IN THE OLD AND MIDDLE FRENCH LANGUAGES

Yu. Auseichyk

Minsk State Linguistic University
21 ulitsa Zakharova, Minsk 220034, Republic of Belarus

Abstract

Aim. To reveal the patterns of development of the functional properties of the item *or* in the early period of the French language history (XI–XVI centuries).

Methodology. As a result of comparing the quantitative and qualitative characteristics of the item *or* based on the data of the Old and Middle French subcorpora of the French National Corpus Frantext, taking into account the lexicographic description of the item and previous scientific research in the field of its functioning, as well as using the distributive, functional-semantic, logical-semantic and contextual analysis, the dynamics of the use of the polyfunctional item *or* is revealed.

Results. The syntagmatic conditions for the implementation of the item *or* as a conjunction, adverb or particle have been determined, and quantitative indicators of its use in the corresponding functions in the indicated periods have been established.

Research implications. The author has ordered and clarified information about the functioning of the item *or* during the early development of the language using corpus research procedures. The results of the study are significant for French romance and can be used in the theory and practice of teaching French at the bachelor's, master's and postgraduate levels in such discipline as history of the French language and theoretical grammar.

Keywords: coordinating conjunction; polyfunctionality; temporal deictic; dynamics of usage; diachronic changes; Old and Middle French

Введение

В фокусе данного исследования находится французская лексема *or* ‘а, же, итак, значит, однако’ (*or, ores, ore* в ранний период развития французского языка, далее *or*), восходящая к темпоральному дейктическому латинскому наречию *has hora* ‘à cette heure, maintenant, alors’ ‘в это время, сейчас, тогда’¹ и квалифицируемая современной академической грамматикой как дедуктивный [16, р. 883], или транзитивный союз [7, р. 326], выражавший умозаключение и выполняющий роль «une espèce de relais» ‘своего рода реле’ [7, р. 1400]. Между тем употребление единицы в период старо- и среднефранцузского языков намного шире её современного назначения как узкоспециализированного сочинительного союза. Изначально единица функционирует в роли наречия, частицы и союза. Полифункциональность единицы, проявляющаяся в способности выполнять в предложении различные синтаксические функции и соответственно выражать различные семантические значения является своеобразной характеристикой французской единицы *or* в ранний период развития языка. Данная характеристика единицы чрезвычайно важна для выявления закономерностей её эволюции в ходе развития французского языка.

На своеобразие лексемы *or* обратил внимание в середине прошлого века французский лингвист Ж. Антуан [4,

р. 1203]. Особое внимание уделялось способам употребления лексемы *or* выступать в роли темпорального дейктика [11], частицы [4; 8; 13; 15], наречия [6; 9; 14; 18] в старо- и среднефранцузский периоды, исчезновение которых в ходе развития языка объяснялось как нарастающей окситонической тенденцией современного французского языка, так и преимущественным употреблением единицы в аргументативных контекстах и конкуренцией с лексемой *donc* в повелительных и вопросительных высказываниях [4, р. 1205]. Вследствие одновекторных подходов к описанию единицы *or* в романistique отсутствует системное и целостное представление о функционировании единицы в ранний период развития языка. Необходимостью устраниТЬ этот пробел определяется актуальность настоящей статьи, целью которой является выявление закономерностей развития функциональных свойств лексемы *or* в ранний период развития французского языка (XI–XVI вв.).

Выявление закономерностей функционирования лексемы устанавливается на основании сопоставления количественных и качественных характеристик лексической единицы *or* в ранний период развития языка (XI–XVI вв.). Под количественными характеристиками единицы мы понимаем её употребительность, под качественными – её семантические свойства (выражение отношения между ситуациями во внеязыковой действительности) и функциональные свойства (использование единицы в роли частицы, наречия и союза).

¹ См.: Trésor de la Langue Française [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf> (дата обращения: 15.02.2021).

Материалом исследования послужили данные старо- и среднегерманского подкорпусов Национального корпуса французского языка Frantext¹. С учётом трёх письменных вариантов *or/ore/ores* и снятой омонимии (*or*, п.м. ‘золото’) отобрано 4 494 и 8 045 контекстов с лексемой *or* в названных подкорпусах соответственно. Несмотря на почти двукратный рост абсолютного количества вхождений лексемы *or* отметим значительное уменьшение относительной частотности её употребления (0,16 % и 0,07 % от общего количества словоупотреблений в подкорпусах соответственно). Последнее объясняется большим объёмом подкорпуса среднегерманского языка.

Основная часть

В лексикографических источниках² присутствуют разнотечения в описании

исследуемой единицы в период старо- и среднегерманского языков. Так, в старофранцузском языке фиксируется два значения лексемы *or*. Первичное значение обусловлено этимологически: исследуемая единица используется для указания на текущий момент, выступая в роли темпорального дейктика. В ходе семантического развития единица приобретает вторичное значение и используется для обозначения «логической последовательности» [11, p. 394], «un point important dans l’enchâinement de la pensée» ‘важного момента в последовательности изложения мысли’ [12, p. 27]. Схематично становление двух значений лексемы и, соответственно, двух её функций представлено на рис. 1.

Уже в среднегерманский период единица *or* трактуется как наречие, которому присущие следующие функции: собствен-

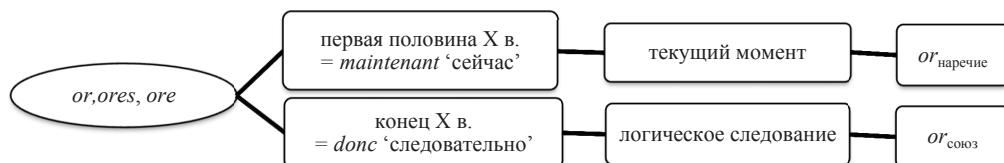

Рис.1 / Fig. 1. Полифункциональность лексемы *ор* в старофранцузском языке / Polyfunctionality of the item *or* in Old French.

Источник: составлено автором по Dictionnaire du Moyen Français [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atilf.fr/dmf> (дата обращения: 15.02.2021).

¹ Старо- и среднегерманский подкорпуса Frantext включают разножанровые тексты XI–XIII вв. и XIV–XVI вв.: 59 документов общим объёмом 2 829 657 словоупотреблений и 339 документов общим объёмом 11 244 215 словоупотреблений соответственно. См.: Frantext [Электронный ресурс]. URL: <http://www.frantext.fr> (дата обращения: 02.04.2021).

² Trésor de la Langue Française [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf> (дата обращения: 10.02.2021); Centre National des resources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 15.02.2021); Dictionnaire du Moyen Français [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atilf.fr/dmf> (дата обращения: 15.01.2021); Godefroy F. Dictionnaire de l’ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle [Электронный ресурс]. URL: <http://micmap.org/dicfro/chercher/dictionnaire-godefroy> (дата обращения: 15.02.2021).

но темпорального наречия в значении *maintenant*, *à présent* ‘сейчас, в настоящее время’ или *à ce moment-là*, *alors* ‘в этот момент, тогда’ (пример 1); частицы (пример 2); коннектора в значении *alors*, *donc* ‘тогда, итак’, *et assurément*, *et comme chacun sait* ‘и конечно, и как все знают’ и *cependant* ‘между тем’ (пример 3)³:

(1) ... *le corps de la benoictie vierge Madame sainte Katerine, qui ores ist en l’eglise de Sainte Marie de Rubo* ‘...тело Пресвятой Богородицы Святой Катерины, которое сейчас хранится в церкви Святой Марии

³ Dictionnaire du Moyen Français [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atilf.fr/dmf> (дата обращения: 15.02.2021).

Рубонской' (A. de La Sale. *Jehan de Saintré*, 1442)¹;

(2) *Ore Diex y soit!* 'Так с Богом!' (*Miracle de l'empereris de Romme*, 1369);

(3) *Or, pour venir au fait, ce chaperon fourré (...) devint amoureux a Paris de la femme d'un cordoannier* 'Между тем ближе к делу, этот богатый шапочник (...) влюбился в Париже в жену сапожника' (*Les Cent nouvelles nouvelles*, 1467).

Относительно времени появления у единицы реляционной функции мнения учёных расходятся: либо употребление единицы в данной функции приходится на период старофранцузского языка [9, р. 5], либо на конец среднефранцузского периода [5, р. 229].

Результаты нашего исследования подтверждают данные [9]: развитие у исследуемой лексемы логико-конъюнктивного значения начинается в старофранцузском языке, о чём свидетельствуют следующие два примера из эпической поэмы того времени «Песня о Роланде» (фр. *La Chanson de Roland*). Лексема *or* соединяет два независимых предложения, между которыми существует следующая связь: говорящий на основании своих знаний об окружающем мире выводит умозаключение *Q* о текущем событии *P*. Союз *or* сигнализирует о связи между реально существующими объектами, находящимися в перцептивном пространстве говорящего и адресата². Ср.:

(4) *A Rollant rendent un estur fort e pesme* [P]. / *Or ad li quens endreit sei asez que faire* [Q] 'К Роланду мчат; их натиск зол и крут: / [Or] Граф должен бить не

покладая рук'³ (где *P* 'враги наступают' → *Q* 'бить врагов');

(5) *Creire voelt Deu, chrestientet demandet. / Baptizez la, pur quei Deus en ait l'anme* [P]. / *Cil li respondent: Or seit fait par marrenes!* [Q] 'Алчет принять наш закон христианский. / Крещенья ждет, чтоб упасть от ада. / А те в ответ: [Or] Найти ей крестных надо, / Надежных дам, и почтенных и знатных' (где *P* 'спасение от ада' → *Q* 'выбор крестных')⁴.

Логично предположить, что значимость единицы *or* в роли союза, наречия или частицы отличается, что отражается в количественных показателях её употребительности. Выявление этих показателей на материале корпусных данных осложняется тем, что функционирование единицы в роли наречия или частицы в подкорпусах не дифференцируется, все вхождения аннотированы как союз. В связи с несовпадением лексикографических интерпретаций единицы и её аннотации исключительно как союза в подкорпусах существенным является уточнение и дифференциация функциональных свойств единицы *or* в ранний период развития языка. Серия корпусных исследовательских процедур с опорой на предшествующие исследования в области описания единицы *or* с применением дистрибутивного, функционально-семантического, логико-семантического и контекстуального анализов позволит получить новые данные о динамике употребительности полифункциональной единицы и установить её превалирующее использование в определённой функции.

Из вышеизложенного следует необходимость разработать алгоритм дифференциации функциональных свойств лексемы *or*. В старо- и среднефранцузский

¹ Здесь и далее приводятся примеры из Frantext (Frantext [Электронный ресурс]. URL: <http://www.frantext.fr> (дата обращения: апрель-май 2021)), если не указано иное.

² О репрезентативности данного текста для исследовательских процедур свидетельствует корреляция количественных показателей употребительности сочинительных союзов в тексте «Песни о Роланде» и в подкорпусе старофранцузского языка Frantext (3,41% vs. 3,55% от общего количества словоупотреблений соответственно) [2].

³ В авторском художественном переводе во многих контекстах союз опускается переводчиком для сохранения метрики.

⁴ *La Chanson de Roland. Texte critique, traduction et commentaire par L. Gautier. 5e édition, Tours : Alfred Mame et fils, 1875. 397 p.; Песнь о Роланде / пер. со старофр., вступ. ст. и примеч. Б. И. Ярхо. М.; Л.: Academia, 1934. 330 с.*

периоды сферой действия лексемы *or* в большинстве случаев является глагольная группа, относительно которой данная единица может находиться как в препозиции, так и в постпозиции. В работах, посвящённых функционированию единицы в ранний период развития языка, утверждается, что в роли наречия (*or_{наречие}*) единица полностью сохраняет темпоральное значения и используется в постпозиции

к глаголу (*V+or*) [6; 9; 14; 18], в то время как препозиция (*or+V*) характерна для реализации единицы в роли союза (*or_{союз}*) или частицы (*or_{частица}*) [4; 8; 10; 13; 15]. Для различения последних двух способов употребления необходим учёт темпоральной рамки высказывания. Таким образом, первостепенным критерием для определения статуса единицы является её поствербальное употребление (см. рис. 2).

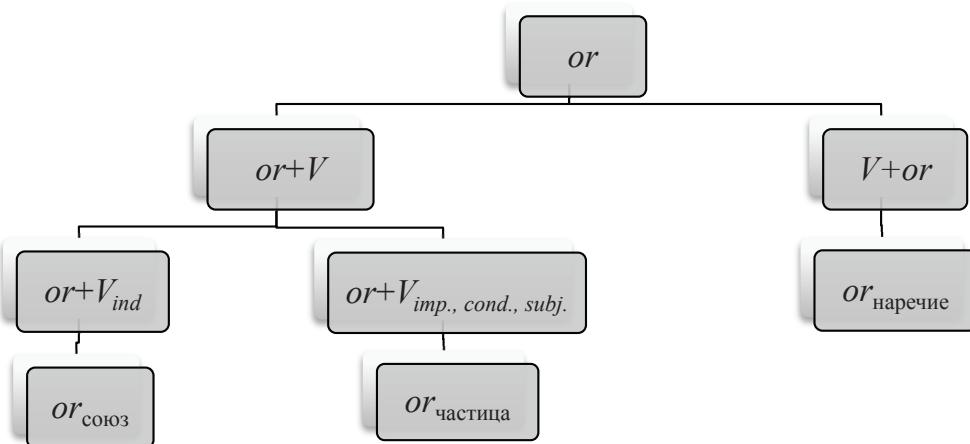

Рис.2. / Fig. 2. Дифференциация функциональных свойств лексемы *or* / Differentiating the functional properties of the item *or*

Источник: составлено автором по работам Ж. Антуана, Кл. Буридана, Б. Либровой, С. Гийо, М.-Л. Олльер, Ф. Тортера [4; 6; 8; 9; 13; 14; 15; 18].

Исходя из разработанного алгоритма дифференциации функциональных свойств лексемы *or* сначала рассмотрим синтагматические условия реализации *or_{наречие}*, затем перейдём к рассмотрению функционирования *or_{частица}* и *or_{союз}*, далее установим и сопоставим количественные показатели употребительности полифункциональной лексемы на двух временных срезах.

Or_{наречие} vs. or_{союз}

Относительно темпорального способа употребления единицы *or* (*or_{наречие}*) необходимо дать некоторые пояснения. В старофранцузском языке начиная с 1135 г. одновременно с темпоральным

употреблением лексемы *or* фиксируется употребление темпорального наречия *maintenant* в значении *aussitôt* ‘тотчас, немедленно’, образованного от латинского герундия *tamen tenendo*¹. Показательно, что в подкорпусе старофранцузского языка Frantext фиксируется 722 контекста с наречием *maintenant* и лексемой *or*. Наличие в одном предложении двух лексем *maintenant* и *or*, передающих одинаковую информацию, признаётся избыточным в исследованиях Х. Нольке и М.-Л. Олльер [11; 14], так как на соотнесённость с текущим моментом указывают личные

¹ Gaffiot F. Dictionnaire latin-français [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexilogos.com/latin/gaffiot.php> (дата обращения: 15.02.2021).

формы глагола в настоящем и будущем времени. Одновременное функционирование двух темпоральных показателей в одном контексте свидетельствует о начале процесса утраты темпорального значения единицы *or*.

В этой связи заметим, что старофранцузское предложение характеризовалось стремлением к постановке определяемого слова перед определяющим [6]. Доказательством того, что новообразование старофранцузского языка – наречие *maintenant* ‘сейчас’ – используется для компенсации темпорального значения лексемы *or*, служат контексты, в которых две лексические единицы образуют сочетание *or* *maintenant*. При этом лексема *or* всегда предшествует наречию *maintenant* (пример 6).

(6) *Sire, fait ele, cui g'enbras, Mes pere estes or maintenant* ‘Господин, сказала она, вы, которого я сейчас обнимаю, есть мой отец’ (J. Renart. Escoufle, 1200–1202).

Анализ выявленных контекстов (не более 1,5 % от 722) свидетельствует о том, что наречие *maintenant* конкретизирует темпоральное значение лексемы *or*.

Обзор исследований, посвященных единицам *or* и *maintenant*, обладающим схожим значением «указания на текущий момент» [14 и др.], а также функционально-семантический анализ контекстов с этими лексемами из старофранцузского подкорпуса позволили определить два основных способа употребления исследуемой единицы *or* – нетемпоральный и темпоральный – в зависимости от её дистрибутивных свойств.

Нетемпоральный способ употребления единицы *or*, преобладающий в подкорпусе, представлен сложными предложениями с двумя лексемами, построенным по модели *or+V_{imp}*, *V_{ind} + maintenant*, где лексема *or* в препозиции к глаголу в императиве обозначает, согласно М. Олльер [12, р. 15], *rupture* ‘разрыв’, тогда как *maintenant* означает *immédiatement* ‘немедленно’ (высказывание соотносится с будущим) (пример 7) или *pour l'instant*

‘на данный момент’ (высказывание соотносится с настоящим) (пример 8).

(7) *Ore m'atendes chi, et je revenrai maintenant* ‘Подождите меня тогда здесь, и я сейчас вернусь’ (Suite du roman de Merlin, 1235);

(8) *Or sachies k'il n'i a maintenant que deus cevaliers u monde que je doutaisse* ‘Итак, знайте, что на данный момент есть два рыцаря, которых я опасаюсь’ (Tristan en prose, 1240).

Темпоральный способ употребления также представлен сложными предложениями. В отличие от нетемпорального способа употребления каждая из лексем находится в постпозиции к соответствующему глаголу в индикативе (*V_{ind}+or*, *V_{ind} + maintenant*), конкретизируя временной интервал. Лексема *or* используется в значении ‘сейчас’, а *maintenant* относится к ближайшему будущему или к недавнему прошлому в значении *a l'instant* ‘в данный момент’ или *immédiatement* ‘немедленно’ (пример 9).

(9) *Lors remist l'espee ou fuerre et la coucha la ou vos la veez ore, et maintenant oirent une voiz...* ‘Тогда он сложил саблю в ножны и положил туда, где вы её видите сейчас, и сразу они услышали голос’ (Queste del Saint Graal, 1220).

В период среднефранцузского языка в контекстах с лексемой *or* наблюдается появление дополнительных поствербальных темпоральных показателей для указания на текущий момент, которые не фиксируются в подкорпусе старофранцузского языка. Выявленные контексты характеризуется синтаксическим осложнением, напр.: *or est à present temps de dire + P* ‘итак пришло время поговорить + P’; *or est ja temps de veoir et regarder + P* ‘а теперь пора увидеть и посмотреть + P’; *or est temps de moy adrescer + P* ‘а теперь пришло время мне обратиться + P’ и т. д.

Одновременное использование двух темпоральных лексем *or* и *maintenant* в одном контексте в старофранцузском языке, приводящее впоследствии к их

функциональной и семантической дифференциации, а также введение дополнительных темпоральных показателей в период среднефранцузского языка позволяют сделать вывод о постепенной утрате темпорального значения лексемой *or*. Показательно, что относительные показатели употребительности *or*_{наречие} уменьшаются с 25,75% до 14,41% от общего количества вхождений лексемы в подкорпусах соответственно при сохранении абсолютных количественных показателей её вхождения (1 157 и 1 159 в двух корпусах соответственно).

***Or*_{частица} vs. *or*_{союз}**

В результате сопоставления данных двух подкорпусов с учётом дистрибуции единицы *or* установлен рост её употребительности после сильной пунктуационной маркированности и в препозиции к глагольной группе. Полагаем, что установленные изменения в дистрибутивных свойствах обусловлены изменением семантических и функциональных свойств исследуемой лексемы.

Поясним сказанное. Наблюдение французских лингвистов [8; 10; 15] о преобладании инициальной позиции *or* в среднефранцузском языке подтверждается результатами нашего исследования. Установлено, что лексема *or* в старофранцузском языке оформляет самостоятельное предложение в 47,31 % контекстов, в то время как в подкорпусе среднефранцузского языка количество контекстов, в которых единица следует сразу после сильной пунктуационной маркированности, значительно увеличивается и составляет 83,27 % от общего количества вхождений лексемы в подкорпусе.

Согласно исследованиям [4; 6; 9; 11; 15] лексема *or*, которая либо маркирует начало реплики, апеллирующей к слушающему в диалогическом единстве, либо используется после восклицательного и вопросительного предложений, выполняет роль частицы. Нами зафиксировано увеличение количества контекстов дан-

ного типа в среднефранцузском подкорпусе по сравнению с подкорпусом старофранцузского языка (8,08% vs. 15,42% от общего количества вхождений лексемы в подкорпусах соответственно).

Установлено преобладание лексемы *or* в препозиции к глагольной группе (*or+V*) по сравнению с постпозицией к глагольной группе (*V+or*) в двух подкорпусах (3290 вхождения, или 73,21%, и 5908 вхождений, или 73,41% от количества вхождений в подкорпусах соответственно). Отметим увеличение контекстов, в которых лексема используется в препозиции (*or+V*) к определённым глаголам говорения, восприятия, знания и мнения, действия и состояния. Количественные показатели употребительности лексемы *or* в препозиции к самым частотным глаголам на основании данных двух подкорпусов приведены в табл. 1.

Контексты с лексемой *or* в препозиции к глагольной группе (*or+V*) представляют собой каноническую речевую ситуацию¹. Лексема, выполняя анафорическую роль, сообщает «дедуктивный нюанс» [17, р. 116], который имеет логическую связь с предыдущим контекстом, основываясь на данном событии, состоянии или явлении, например:

(10) ... *Or sai bien son corage par bouche et par écrit* 'Итак я хорошо знаю его храбрость говорить и писать' (Al. de Paris. Roman d'Alexandre, 1180).

Установлено, что в среднефранцузском языке *or* преимущественно предшествует глаголам в индикативе (72,5% контекстов из 5908, из них в 68% случаях преобладает настоящее время). Между тем контексты, в которых единица используется перед глаголами в повелительном (17%) и в сослагательном (10,5%) наклонениях, представляют случаи несогласного употребления (*or*_{частица}) согласно

¹ Под канонической речевой ситуацией понимается ситуация, «когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга, и т. д.» [3, с. 2].

Таблица 1 / Table 1

Динамика употребительности *or* в препозиции к глаголам (*or+V*) / The dynamics of the use of *or* in the verb anteposition (*or+V*)

<i>or+V</i>		Кол-во употреблений в подкорпусах, %	
		старофранцузский	среднефранцузский
глаголы говорения	<i>dire</i> ‘сказать’	64,6	72,6
	<i>parler</i> ‘говорить’	57,1	91,1
глаголы восприятия	<i>voir</i> ‘видеть’	51,2	72
	<i>regarder</i> ‘смотреть’	59	63,64
глаголы знания и мнения	<i>entendre</i> ‘слышать’	93,8	98,2
	<i>écouter</i> ‘слушать’	96,7	98,6
глаголы действия и состояния	<i>savoir</i> ‘знать’	84,1	91,9
	<i>penser</i> ‘думать’	87,2	91,9
	<i>aviser</i> ‘заметить’	56	94,3
	<i>faire</i> ‘делать’	45,5	53,7
	<i>aller</i> ‘идти’	87,5	87,7
	<i>venir</i> ‘приходить’	77,6	78,9
	<i>prendre</i> ‘брать’	74,47	76,5
	<i>laisser</i> ‘оставлять’	91,9	93,2
	<i>mettre</i> ‘класть’	62	72,8
	<i>garder</i> ‘хранить’	75	82,1

Источник: данные автора

[9; р. 6]. Аналогичная тенденция прослеживается в старофранцузском языке.

Ряд лингвистов полагают, что соотнесённость темпорального наречия со временем рассказчика или читателя, в интерпретации М. Олльер [13] ‘présent du locuteur’, послужило основой для выражения логического отношения, «transition ou conclusion» ‘перехода или заключения’ [4, р. 1195], в старо- и среднефранцузском языках (см. также [8; 9]).

Сохраняющееся дейктическое свойство единицы *or* указывать на текущий момент является необходимой предпосылкой для её использования говорящим при кодировании когнитивной операции вывода на основании существующего положения дел. Функциональная интерпретация единицы может быть затруднена в случае совмещения темпорального и логико-конъюнктивного значений, напр.:

(11) *Or di li contes que qant Galaad se fu partiz...* «Теперь=Итак говорят, что когда Галад уехал...» (цит. по [4, р. 1195]).

Поскольку приведённый пример (11) недостаточен по объему для уточнения функционального предназначения единицы, проиллюстрируем употребление лексемы *or_{коюз}* на двух примерах, относящихся к двум синхронным срезам соответственно. Единица *or* служит для обозначения несобственно причинно-следственных отношений ($P \rightarrow or Q$) между пропозициями, оформленными двумя независимыми синтаксическими единицами. Как связующий элемент единица *or* маркирует когнитивную операцию вывода на основании сказанного, увиденного, наблюданного при иконической последовательности событий, вводя умозаключение *Q* ‘потерять товарища’, которое делает говорящий на основании существующего положения дел *P* ‘оставаться в другом городе’ (пример 12), *Q* ‘вернуть былую славу аббатству’, которое делает говорящий на основании своего представления о сложившейся ситуации *P* ‘смерть отца’ (пример 13).

(12) *Il demeure a Escalot avec une dame seule que il aime par amors [P]. Or poons nos bien dire que je et vos l'avons perdu [Q]* ‘Он остаётся в Эскалоте с демуазель, которую он любит. Итак, мы можем сказать, что мы с вами его потеряли’ (Ch. de Troyes. Chevalier au lion, 1230–35);

(13) *Chier pere, veulliez moy pardonner vostre yre, et je vous jure que je feray refaire l'abbaye plus belle et plus riche qu'elle ne fut oncques, . . . Par foy, dist Remond, tout ce se puet bien faire, mais aux mors ne povez vous rendre la vie [P]. Ores il ne puet autrement estre [Q]* ‘Дорогой отец, прости мне твой

гнев, и я клянусь тебе, что сделаю аббатство более красивым и богатым, чем когда-либо... Клянусь, говорит Рэймонд, всё можно сделать хорошо, но не вернуть вам жизнь. Так что теперь и не может быть иначе’ (E. Deschamps. *L'art de dictier*, 1392).

Подводя итог проведённому корпусному исследованию лексемы *or*, обобщим полученные данные, отражающие динамику её употребительности в роли частицы, наречия и союза в старо- и среднефранцузском периодах. Количественные показатели употребительности лексемы в трёх функциях представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Динамика употребительности лексемы *or* в качестве союза, частицы и наречия /
The dynamics of the use of the item *or* as a coordinating conjunction, particle and adverb

Функция	подкорпус			
	старофранцузский		среднефранцузский	
	кол-во ед.	%	кол-во ед.	%
<i>or</i> _{наречие}	1157	25,75	1159	14,41
<i>or</i> _{частица}	1363	30,33	2063	25,64
<i>or</i> _{союз}	1974	43,93	4283	53,24
Всего	4494	100	8045	100

Источник: данные автора

Как следует из табл. 2, для двух периодов характерно преобладание контекстов, в которых функционирует *or*_{союз}. Причём в среднефранцузском языке наблюдается тенденция к сокращению функционирования *or*_{наречие} и *or*_{частица}, которая сопровождается ростом употребления лексемы в роли союза. Важно отметить, что, несмотря на увеличение контекстов с союзом *or* с 43,93 % до 53,24% от общего количества вхождений лексемы в подкорпусах, союз сохраняет статус одного из низкочастотных сочинительных союзов. Доля его участия в установлении сочинительной связи не превышает 2 % от общего количества вхождений союзов в старо- и среднефранцузском подкорпусах [1].

В результате проведённой серии корпусных процедур отобраны контексты

из старо- и среднефранцузского подкорпусов (1974 и 4283 соответственно), в которых лексема проявляет свои логико-конъюнктивные свойства, выступая в роли сочинительного союза. Отобранные контексты удовлетворяют следующим условиям: лексема *or* соединяет две предикативные единицы после пунктуационной маркированности (точка, точка с запятой, запятая) в препозиции к глаголу в индикативе.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить закономерности эволюции полифункциональной лексемы *or* в ранний период развития французского языка (IX–XVI вв.). В старофранцузский период происходит формирование будуще-

го узкоспециализированного союза *or*, который сигнализирует о наличии связи между двумя самостоятельными высказываниями. Полнозначное наречие, указывающее на текущий момент, постепенно теряет темпоральное значение и синтаксическую мобильность, выполняя в определённых синтагматических условиях функцию союза. Тенденция использовать лексему для обозначения наглядно-действенной связи между двумя независимыми предикативными единицами.

ницами, основанной на интерпретации текущей ситуации, приводит в последующем к использованию единицы для указания на вербально-логическую связь.

Важно, что синкетический характер семантики исследуемой единицы, одновременно обозначающей темпорально-действическое и логическое отношения, сохраняется продолжительное время в ранний период развития языка.

Статья поступила в редакцию 17.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсейчик Ю. В. Динамика употребительности сочинительных союзов в диахронии // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2020. № 1 (104). С. 62–72.
2. Овсейчик Ю. В. Становление системы сочинительных союзов во французском языке // Национальный компонент в языке и в речи / отв. ред. О. В. Овсейчик. Минск: МГЛУ, 2021. С. 93–125.
3. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 276 с.
4. Antoine G. La coordination en français. Paris: d'Artrey, 1959. T. 2. 1408 p.
5. Badiou-Monferran C. Quelques Aspects de la concurrence des graphies ore, ores et or au début du XVIIe siècle : distribution sémiologique et recomposition du système des connecteurs // Le Français moderne. 2003. № 2. P. 211–247.
6. Buridant C. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris: Sédes, 2007. 800 p.
7. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. Paris: Duculot, 2018. 1762 p.
8. Guillot C. Écrit médiéval et traces d'oralité : l'exemple de l'adverbe *or(e)* // La langue en contexte : actes du colloque «Représentations du sens linguistique IV» : Helsinki 28–30 mai 2008 / éds. Eva Havu et al. Helsinki : Société Néophilologique, 2009. P. 267–281.
9. Librova B. Un aspect de l'actualisation du récit dans la branche I du Roman de Renart : l'adverbe *or* entre temporalité et argumentation // Loxias. 2008. № 19. [Электронный ресурс]. URL: <http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=2105> (дата обращения: 21.03.2021).
10. Marchello-Nizia Ch. Grammaticalisation et changement linguistique. Bruxelles: De Boeck, 2006. 304 p.
11. Nölke H. Petite étude diachronique de *or* : de la deixis temporelle à la deixis textuelle // Grammatica: festschrift in honour of Michael Herslund / éds. Henning Nölke et al. Bern : Peter Lang, 2006. P. 393–404.
12. Ollier M.-L. *Or, opérateur de rupture* // Linx. 1995. № 32. P. 13–31.
13. Ollier M.-L. De l'ancien français *or* au français moderne maintenant : qu'est-ce que le 'présent du locuteur' ? // La forme du sens : textes narratifs des XIIe et XIIIe siècles: études littéraires et linguistiques / ed. M.-L. Ollier. Orléans : Paradigme, 2000. P. 405–432.
14. Ollier M.-L. Discours intérieur et temporalité : l'adverbe *or* en récit // La forme du sens : textes narratifs des XIIe et XIIIe siècles : études littéraires et linguistiques / ed. M.-L. Ollier. Orléans: Paradigme, 2000. P. 387–404.
15. Ollier M.-L. *Or dans l'énoncé interrogatif* // Information grammaticale. 2000. № 86. P. 31–39.
16. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: P.U.F., 2016. 1168 p.
17. Sakari E. 'Or veuilles donc...' : sur les morphèmes *donc* et *or* en moyen français // Approches du moyen français II / eds. E. Sakari et H. Häyrynen. Finland : University of Jyväskylä, 1992. P. 113–124.
18. Torterat F. La semelfactivité non verbale en français: l'exemple de *or* et de *(a)lors* // Congrès mondial de linguistique française / eds. J. Durand, B. Habert et B. Laks. Paris: Institut de linguistique française, 2008. P. 1217–1226.

REFERENCES

1. Auseichyk Yu. V. [Diachronic usage frequency of compositional conjunctions]. In: *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya* [Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology], 2020, no. 1 (104), pp. 62–72.
2. Auseichyk Yu. V. [Formation of the system of coordinating conjunctions in French]. In: *Natsional'nyi komponent v yazyke i v rechi* [National component in language and speech]. Minsk, Minsk State Linguistic University Publ., 2021, pp. 93–125.
3. Paducheva E. V. *Vyskazывание и его соотнесенность с действительностью* [Statement and its correlation with reality]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 276 p.
4. Antoine G. La coordination en français. Paris, d'Artrey, 1959. T. 2, 1408 p.
5. Badiou-Monferran C. Quelques Aspects de la concurrence des graphies ore, ores et or au début du XVIIe siècle : distribution sémiologique et recomposition du système des connecteurs. In : *Le Français moderne*, 2003, no. 2, pp. 211–247.
6. Buridant C. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris, Sédes, 2007. 800 p.
7. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. Paris, Duculot, 2018. 1762 p.
8. Guillot C. Écrit médiéval et traces d'oralité : l'exemple de l'adverbe or(e). In : Havu E. et al., éds. *La langue en contexte : actes du colloque «Représentations du sens linguistique IV» : Helsinki 28-30 mai 2008*. Helsinki, Société Néophilologique, 2009, pp. 267–281.
9. Librova B. Un aspect de l'actualisation du récit dans la branche I du Roman de Renart : l'adverbe or entre temporalité et argumentation. In : *Loxias*, 2008, no. 19. Available at: <http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=2105> (accessed: 21.03.2021).
10. Marchello-Nizia Ch. Grammaticalisation et changement linguistique. Bruxelles, De Boeck, 2006. 304 p.
11. Nölke H. Petite étude diachronique de or : de la deixis temporelle à la deixis textuelle. In : Nölke H. et al., éds. *Grammatica: festschrift in honour of Michael Herslund*. Bern, Peter Lang, 2006, pp. 393–404.
12. Ollier M.-L. Or, opérateur de rupture. In : *Linx*, 1995, no. 32, pp. 13–31.
13. Ollier M.-L. De l'ancien français or au français moderne maintenant : qu'est-ce que le 'présent du locuteur' ? In : Ollier M.-L., ed. *La forme du sens : textes narratifs des XIIe et XIIIe siècles: études littéraires et linguistiques*. Orléans, Paradigme, 2000, pp. 405–432.
14. Ollier M.-L. Discours intérieur et temporalité : l'adverbe or en récit. In : Ollier M.-L., ed. *La forme du sens : textes narratifs des XIIe et XIIIe siècles : études littéraires et linguistiques*. Orléans, Paradigme, 2000, pp. 387–404.
15. Ollier M.-L. Or dans l'énoncé interrogatif. In : *Information grammaticale*, 2000, no. 86, pp. 31–39.
16. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris, P.U.F., 2016. 1168 p.
17. Sakari E. 'Or veuilles donc...' : sur les morphèmes donc et or en moyen français. In : Sakari E., Häyrynen H., eds. *Approches du moyen français II*. Finland, University of Jyväskylä, 1992, pp. 113–124.
18. Torterat F. La semelfactivité non verbale en français: l'exemple de or et de (a)lors. In : Durand J., Habert B. et Laks B., eds. *Congrès mondial de linguistique française*. Paris, Institut de linguistique française, 2008, pp. 1217–1226.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсейчик Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета
e-mail: ovsei77@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Auseichyk – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Dr. Sci. degree-seeking candidate, Department of General Linguistics, Minsk State linguistic university;
e-mail: ovsei77@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Овсейчик Ю. В. Полифункциональность лексемы *or* в старо- и среднефранцузском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 78–89.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-78-89

FOR CITATION

Auseichyk Yu. V. Polyfunctionality of the lexeme *or* in the old and middle french languages. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 78–89.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-78-89

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-90-100

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ХАРАКТЕР ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Гусева А. Е., Мальцева Л. Г.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель настоящей статьи – выявление знаний различного типа и особенностей интерпретирующего характера лексической категории «речевое воздействие» на материале русского и английского языков.

Процедура и методы. Систематизация эмпирической базы по теме исследования была осуществлена посредством описательного метода; применён метод концептуально-категориального анализа в рамках когнитивного подхода, позволяющий рассмотреть концептуальное основание, структуру и принципы формирования языковой категории, в данном случае – лексической категории «речевое воздействие»; с целью выявления общих и отличительных признаков в русском и английском языках был проведён сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты. На основе оценочного знака «хорошо / плохо» разработана оценочная языковая модель знаний «речевое воздействие». В основу формирования модели был заложен принцип оценочной категориализации, характеризующийся интерпретирующей и антропоцентристической направленностью. Доказано, что лексическая категория «речевое воздействие» имеет в своей основе интерпретирующий характер лексических единиц на материале двух рассматриваемых языков.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его основные результаты способствуют дальнейшему совершенствованию теории лингвистической интерпретации и моделирования лексической системы языка, а также могут быть полезны на практических занятиях по общей и сопоставительной лексикологии.

Ключевые слова: категория, интерпретация, оценка, языковая картина мира, языковая концептуализация, речевое воздействие, английский язык, русский язык

THE INTERPRETIVE NATURE OF THE LEXICAL CATEGORY “SPEECH INFLUENCE” (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

A. Guseva, L. Maltseva

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The research is an attempt to identify knowledge of various types and peculiarities and features of the interpretive nature of the lexical category “speech influence” on the material of the Russian and English languages.

Methodology. The systematization of the empirical base was conducted by the descriptive method; the method of conceptual and categorical analysis was applied within a cognitive approach, which allows us to consider the conceptual basis, structure and principles of the language category formation, precisely, the lexical category “speech influence”; in order to identify common and distinctive features in Russian and English, comparative analysis was conducted.

Results. An evaluative language model of knowledge “speech influence” is developed on the base of the evaluation “good / bad”. The basis for the model formation was the principle of evaluative categorization, characterized by an interpretive and anthropocentric orientation. It is proved that the lexical category “speech influence” possesses the interpretive nature of lexical units based on the material of the two languages.

Research implications. The main results of the research contribute to the further improvement of the theory of linguistic interpretation and modeling of the lexical language system, and can also be useful in practical study in general and comparative lexicology.

Keywords: category, interpretation, evaluation, linguistic world-picture, language conceptualization, speech influence, English language, Russian language

Введение

Общение, как необходимое условие жизнедеятельности человека, является одной из фундаментальных основ существования общества. Потребность в нём наделяет само общение особым смыслом, закреплённым в системе человеческих ценностей. Важную роль в процессе общения собеседников посредством языка играет *речевое воздействие*, являющееся объектом изучения различных наук.

Актуальность исследования определяется необходимостью рассмотрения интерпретирующей функции человеческого сознания, реализованной на уровне лексической категории «речевое воздействие» с целью выявления и систематизации особенностей её проявления в русском и английском языках.

Целью настоящей статьи является выявление знаний различного типа и особенностей интерпретирующего характера лексической категории «речевое воздействие» на материале русского и английского языков. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) изучить научную литературу по теме исследования для составления теоретической базы;

2) провести концептуально-категориальный анализ оценочной категории «речевое воздействие» и выявить содержательный аспект вторичных значений лексических единиц в её составе;

3) установить и смоделировать вторично-интерпретируемые знания лексической категории «речевое воздействие» на материале русского и английского языков;

4) провести сравнительно-сопоставительный анализ на предмет выявления сходных и различных черт оценочной категории «речевое воздействие» в русском и английском языках.

В статье рассматривается категориальный формат знания, а именно формат лексических категорий, отражающий результат познания человеком действительности.

Научная новизна исследования заключается в выявлении интерпретирующего потенциала лексических единиц концепта «речевое воздействие» в формате оценочной категории.

Теоретическая значимость работы обусловливается возможностью дальнейшего совершенствования теории лингвистической интерпретации и моделирования лексической системы языка на основе полученных результатов и выводов исследования.

Практическая ценность работы заключается в возможности применять полученные результаты и выводы на практических занятиях по общей и сопоставительной лексикологии.

Теоретической базой данного исследования стали труды таких отечественных языковедов, как: Н. Д. Арутюнова [1], которая установила основные способы выражения оценки в pragматических ситуациях; Н. Н. Болдырев [2; 3; 4], выявивший законы развития концептуальной и категориальной систем языка, а также различные способы языковой интерпретации знаний; А. Е. Гусева [6; 7], подробно рассмотревшая вопросы категоризации и концептуализации на примере концептов, отражающих основные процессы ментальной деятельности человека; Г. В. Колшанский [10], затронувший вопросы контекстного изменения слова, словосочетания и предложения и установивший условия для снятия многозначности с учётом реальных коммуникативных актов; Е. С. Кубрякова [11], в работах которой затронут широкий круг проблем современной теории языка, важных для

когнитивного подхода; В. А. Маслова [12], подчеркнувшая важность диалогической компетенции человека, согласно которой человек изначально способен к диалогу, а следовательно обладает способностью речевого воздействия на собеседника; Л. А. Панасенко [2], рассмотревшая в соавторстве с Н. Н. Болдыревым когнитивные доминантные признаки, актуализирующие оценочные значения в дискурсе на примере лексической категории «атмосферные осадки» в английском языке; Н. В. Соловьева [13], в монографии которой на всех языковых уровнях была исследована лингвистическая категория оппозитивности, имеющая в своей основе понятие противоположности; В. Н. Телия [14], обратившая внимание на коннотативный аспект семантики слова, при котором говорящий выражает своё эмотивно оценочное отношение к обозначаемому; В. П. Шабанова, разработавшая в соавторстве с А. Е. Гусевой [8] лингвокогнитивную модель концепта «Поведение человека» на материале немецкого языка. Из последних работ по рассматриваемой проблеме внимания заслуживает статья Т. Н. Ефименко и Ю. Е. Ивановой [9], в которой авторы разрабатывают оптимальную модель речевого поведения коммуникантов в рамках теории речевого воздействия.

Основное содержание исследования

Современная когнитивная лингвистическая парадигма нацелена на изучениеreprезентации знаний в языке, которая, в свою очередь, проводится в результате таких базовых познавательных процессов, как *концептуализация* и *категоризация*. Следовательно, появляется необходимость разграничить данные понятия. По определению Н. Н. Болдырева, *концептуализация* – «это процесс осмысливания и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов, которые могут получать свою вербальнуюreprезентацию; *категоризация* – соотнесение полученных результатов позна-

ния с определенными рубриками опыта – категориями – путем присвоения им названий этих категорий» [4, с. 45]. Тем самым можно сделать вывод о том, что любая категория представляет собой концептуальную структуру, содержащую как знание самих объектов, так и принципов их объединения.

Поскольку язык является источником хранения и передачи информации, основополагающую роль в концептуализации мира занимает языковая концептуализация и языковая картина мира (далее ЯКМ) как её результат. По справедливому замечанию Н. Н. Болдырева, в концептуальной системе человека и системе языка содержатся различные типы и форматы знаний, дифференцированные по структурному и содержательному признакам. Под форматом знания Н. Н. Болдырев понимает «определенную форму организации и представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровнях» [4, с. 82].

В данном исследовании рассматриваются интегративные структуры знаний категориального формата, относящегося к концептуально-сложному типу форматов знаний. Ввиду того, что знания о мире, прежде всего, вербализуются с помощью номинативных средств языка – лексических и фразеологических единиц, отражение и интерпретация ЯКМ происходит посредством лексической категоризации, в основе которой лежит инвариантно-вариантный принцип. Указанный принцип подразумевает параллельное становление лексической единицы в наиболее общем её значении центром и назнанием категории, её инвариантом и стержневым идентификатором вариантов данной категории.

Например, в русском языке **похвала** – это хороший отзыв о ком / чем-либо, одобрение¹; **лесть** – проискливая хвала; притворное одобрение; **похвала с ко-**

ристною целью; лукавая угодливость; ласкательство, униженное потворство²; **комплимент** – любезность, лестные слова, содержащие **похвалу**³.

Логическая или гносеологическая категоризация возможна также посредством языка, например, «речевое воздействие»: просьба, убеждение, похвала, поддержка и утешение, приказ, требование, запрет, предупреждение, выговор, самовосхваление и самоназидательность (хвастовство), критика, заискивание, лесть, обман, ложь, вранье и т. д.

Репрезентация познания действительности включает в себя интерпретирующий потенциал отражения человеческого восприятия и осмыслиения окружающего мира на различных уровнях (концептуальный и языковой уровни). В данном случае речь идет об интерпретирующей функции языковой системы. Интерпретация знаний о мире происходит посредством оценочных категорий, в основе формирования которых заложены оценочные концепты, имеющие разный уровень абстракции. Рассмотрим определения таких терминов, как «интерпретация» и «оценка».

Необходимо отметить, что в Большом энциклопедическом словаре под ред. В. Н. Ярцевой нет устоявшегося определения термина «интерпретация», разработка данного термина должна проходить, по замечанию составителей словаря, в рамках интерпретирующей лингвистики, которая, в свою очередь, имеет следующую направленность: а) объясняет факты речи и языка через понятие интерпретации; б) выявляет механизмы интерпретации при понимании и общении⁴. По Н. Н. Болдыреву «интер-

² См.: лесть // Толковый онлайн-словарь русского языка Даля В. И. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/l/лесть> (дата обращения: 20.10.2021).

³ См.: КОМПЛИМЕНТ [Электронный ресурс] // Словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24568> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴ См.: Языкознание. Большой энциклопедический словарь / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 197.

¹ См.: ПОХВАЛА // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23113> (дата обращения: 20.10.2021).

претация» определяется как «когнитивная активность, в которой особая роль отводится оценочным и, шире, модусным концептам и языковым категориям, а также другим схемам языковой интерпретации, оценивается интерпретирующей потенциал концептуальной метафоры, когнитивного контекста, лексических категорий» [4, с. 12].

Языковая интерпретация, в свою очередь, подразделяется на **первичную и вторичную языковую интерпретацию**. Результатом первичной интерпретации являются естественные знания о мире в общем значении, полученные посредством первичной концептуализации и категоризации; результатом вторичной интерпретации – новые знания о мире, включая знания оценочного характера – как следствие вторичной концептуализации и категоризации [4].

Термин «оценка» определяется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. д. – как одна из основных частей стилистической коннотации»¹. Н. Д. Арутюнова выдвигает такие свойства оценочных значений, как «субъективная варьируемость, связь с множеством иллоктивных сил, зависимость от конкретных обстоятельств», подтверждая тезис о том, что «между оценочным предикатом и объектом оценки всегда стоит человек... Оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир» [1, с. 181], что ещё раз подтверждает антропоцентрическую направленность науки о языке.

В подтверждение идеи Н. Н. Болдырева о том, что «при оценочной категоризации точкой отсчета является человек и его шкала ценностей» [4, с. 278], можно привести наглядный пример: так, прилагательные *маленький* и *большой*, наряду с их первостепенными значениями величины, могут принимать значения

ярко выраженной оценки. Сравним: *маленький рост – маленькая рука – маленький дом*, но: *маленькая ложь* (в значении незначительный, не очень существенный, не имеющий большого значения); или *большая комната – большой город – большая сумма*, но: *большая ложь*. Между тем необходимо отметить, что оценочная категоризация возникает в результате индивидуальной субъективной человеческой оценки, следовательно, такая семантическая оппозиция как *маленькая ложь – большая ложь* возможна для презентации одной и той же ситуации от лица разных «концептуализаторов» и «категоризаторов».

Анализ языкового материала

Исходя из актуальных положений Н. Н. Болдырева о взаимосвязи языка и сознания в когнитивной лингвистике [3], в данном исследовании представлена оценочная языковая модель знаний о мире и обществе, а именно языковая модель «речевое воздействие» на основе оценочного знака «хорошо / плохо». В основу формирования модели был заложен принцип оценочной категоризации, характеризующийся интерпретирующей и антропоцентрической направленностью. Таким образом, на основе принципа оценочной категоризации были выделены такие концепты, как «положительное речевое воздействие» и «отрицательное речевое воздействие» на материале русского и английского языков с целью выявления сходств и различий.

Материалом исследования послужили лексические единицы, отобранные путём сплошной выборки из онлайн-thesaurussов² и национальных корпусов русского³

¹ См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 293.

² См.: Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 20.10.2021); См.: Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 22.10.2021).

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 20.10.2021).

и английского¹ языков. Рассмотрим примеры:

1. Положительное речевое воздействие / Positive speech influence:

1) Похвала: **большая похвала**, **высокая похвала**, **высочайшая похвала**, **громкая похвала**, **заслуженная похвала**, **особая похвала**.

Praise: **effusive praise** (бурная похвала), **generous praise** (щедрая похвала), **high praise** (высокая похвала), **lavish praise** (щедрая похвала), **special praise** (особая похвала).

Неоспоримым является тот факт, что большинство людей ощущает потребность в похвале, в положительной оценке. Данный концепт отражает внутреннее удовлетворение человека своим личностным самоопределением и привлекает внимание специалистов различных областей гуманитарных наук [5]. В силу того, что отбор примеров сочетаемости слов осуществлялся на основе сплошной выборки, были выявлены и такие примеры, значения которых выполняли обратную функцию. Например, одним из видов позитивного неимперативного прямого воздействия на партнёров общения является похвала (положительный отзыв о человеке и / или его деятельности), следовательно, слово **похвала** / **praise** относится к категории «положительное речевое воздействие», но в сочетании **скучая похвала** в русском языке и **faint praise** (скучая похвала) в английском, оно должно быть отнесено к противоположной категории – «отрицательное речевое воздействие».

2) Поддержка и утешение: **безусловная поддержка**, **душевная поддержка**, **моральная поддержка**, **мощная поддержка**, **настоящая поддержка**, **небольшая поддержка**, **неоцененная поддержка**, **серъёзная поддержка**, **сильная поддержка**, **широкая поддержка**; **благодатное утешение**, **большое утешение**, **великое утешение**, **душевное утешение**, **истинное**

утешение, **маленькое утешение**, **полное утешение**.

Support und comfort: **active support** (активная поддержка), **emotional support** (моральная поддержка), **strong support** (серъёзная / активная / мощная / надёжная поддержка), **wide support** (широкая поддержка); **great comfort** (великое утешение), **spiritual comfort** (душевное утешение).

Большинство значений вторичной категоризации в русском и английском языках совпадает. Интересным примером являются словосочетания **маленькое утешение** и **small / cold comfort** (в значении **слабое утешение**). Если первый пример наделён положительной интерпретирующей оценкой, то второй пример носит определённо противоположную оценку, следовательно, не может быть отнесен к данной категории.

2. Отрицательное речевое воздействие / Negative speech influence:

1) Лесть: **грубая лесть**, **тонкая лесть**, **неприкрытая лесть**, **откровенная лесть**.

Flattery: **abject flattery** (подлая лесть), **artful flattery** (искусная лесть), **fulsome flattery** (грубая лесть), **greatest flattery** (величайшая лесть).

2) Ложь, обман, вранье: **абсолютная ложь**, **белая ложь**, **большая ложь**, **великая ложь**, **грязная ложь**, **искусная ложь**, **красивая ложь**, **маленькая ложь**, **настоящая ложь**, **невинная ложь**, **откровенная ложь**, **полнная ложь**, **правдивая ложь**, **прямая ложь**, **сладкая ложь**, **утешительная ложь**, **чудовищная ложь**, **большой обман**, **великий обман**, **мелкий обман**, **откровенный обман**, **суровый обман**, **явный обман**; **бесконечное вранье**, **полное вранье**, **чистое вранье**, **явное вранье**.

Lie: a **barefaced lie** (явная / наглая ложь), a **big lie** (большая ложь), a **blatant lie** (явная / наглая / грубая ложь), a **dormant lie** (скрытая ложь), a **downright lie** (явная / прямая ложь), an **outright lie** (явная / прямая / полная ложь), a **total lie** (полная / абсолютная ложь), a **vicious lie** (ужасная ложь), a **white lie** (белая ложь).

¹ British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 22.10.2021).

Феномен лжи представляет огромный интерес для исследователей в области психологии, социологии, в том числе, и лингвистики. Необходимо отметить, что такие слова, как, например, в русском языке – *красивый, настоящий, откровенный, сладкий* и т. д., в английском языке – *greatest, outright* и т. д., несут в себе значение положительной оценки, соответственно, относятся к категории положительных оценочных слов, но в сочетании со словами *ложь* и *лесть / lie and flattery* они выполняют противоположную функцию, что ещё раз подтверждает интерпретирующий характер оценочных слов как средств оценочной концептуализации и категоризации мира в языке.

3) Хвастовство: *глупое хвастовство, простое хвастовство, пустое хвастовство, пышное хвастовство, ребяческое хвастовство.*

Boast: an empty boast (пустое хвастовство), an idle boast (пустое хвастовство), a vain boast (пустое хвастовство).

4) Слухи и сплетни: *грязные слухи, пикантные слухи, смутные слухи, тёмные слухи, туманные слухи; глупые сплетни, грязные сплетни, злые сплетни, свежие сплетни.*

Rumours and gossips: a malicious rumour (злой слух), a nasty rumour (грязный слух), a persistent rumour (непрекращающийся слух), an ugly rumour (гадкий / дурной слух), a wild rumour (бурный слух); hot gossip (горячие / популярные сплетни), idle gossip (пустые сплетни), juicy gossip (пикантные сплетни).

Среди форм воздействия на партнёров общения также присутствуют: просьба, предложение (совет), убеждение, приказ, требование, запрет, критика. Перечисленные формы невозможно с уверенностью отнести к той или иной категории (категория «положительное речевое воздействие» и категория «отрицательное речевое воздействие») в силу отсутствия ситуативного контекста.

Приказ, требование, запрет относятся к императивным прямым формам

воздействия и могут быть восприняты субъектом как проявление власти, принуждения, насилия, что, следовательно, относит их к категории «отрицательное речевое воздействие» (*абсолютный запрет, жёсткий запрет, полный запрет, строгий запрет, суровый запрет; express prohibition (прямой запрет), strict prohibition (жёсткий запрет), outright prohibition (полный запрет)*). Во избежание негативной окраски предъявляемых требований, они должны быть подкреплены весомыми аргументами согласно определённым потребностям, установкам и моральным принципам (*культурный запрет, моральный запрет, нравственный запрет / moral prohibition (моральный запрет)*)).

По определению С. И. Ожегова, *критика* – 1. Обсуждение, разбор чего-н. с целью оценить, выявить недостатки; 2. Отрицательное суждение о чем-н., указание на недостатки (разг.)¹. На основе следующих примеров (*жёсткая критика, острые критики, резкая критика, решительная критика, строгая критика, суровая критика; bitter criticism (резкая / острые критики), heavy criticism (жёсткая / серьёзная критика), outspoken criticism (прямая критика), sharp criticism (резкая / жёсткая / суровая критика), strong criticism (резкая / жёсткая критика)*), можно сделать вывод о том, что правильное отнесение данной формы речевого воздействия к одной из категорий возможно при условии правильного восприятия и адекватной реакции на критику, что опять же подтверждает субъективный характер оценочных значений. Несмотря на отрицательную коннотацию вторичной категоризации большинства из представленных прилагательных, в сочетании с *критикой / criticism* они носят больше положительный характер, чем отрицательный, возможно, правильнее сказать – нейтральный характер, или же объективный.

¹ См.: КРИТИКА // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=12388> (дата обращения: 20.10.2021).

Исходя из примеров сочетаемости слов и отсутствия ситуативного контекста (*внутреннее убеждение, глубокое убеждение, твёрдое убеждение, чёткое убеждение, сильное убеждение, прочное убеждение; большая просьба, маленькая просьба, огромная просьба, простая просьба, особая просьба; особое предложение, откровенное предложение, неплохое предложение, формальное предложение; a deep conviction* (глубокое / сильное убеждение), *a strong conviction* (сильное / твёрдое убеждение); *a special request* (особая

просьба)); *a practical suggestion* (реальное предложение)), целесообразно выделить нейтральную оценочную категорию – «нейтральное речевое воздействие», к которой можно было бы отнести такие формы речевого воздействия, как просьба, предложение (совет), убеждение.

В данной статье рассмотрены лишь некоторые моменты реализации концептуальной модели лексической категории «Речевое воздействие», которую в общем виде можно представить следующим образом, как в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Концептуальная модель лексической категории «Речевое воздействие» / Conceptual model of the lexical category “Speech influence”

Оценочная категория			
Русский язык	«Положительное речевое воздействие»	«Отрицательное речевое воздействие»	«Нейтральное речевое воздействие»
	Похвала; поддержка и утешение	Лесть; ложь, обман, вранье; хвастовство; слухи и сплетни	Просьба; предложение (совет); убеждение
		Приказ, требование, запрет	
		Критика	
Английский язык	“Positive speech influence”	“Negative speech influence”	“Neutral speech influence”
	Praise; support und comfort	Flattery; lie; boast; rumours and gossips	Request; suggestion (advice); persuasion
		Order, demand, prohibition	
		Criticism	

Источник: составлено авторами.

Основные результаты и выводы исследования

На основе категориально-концептуального анализа можно сделать вывод о том, что знания о мире, лежащие в основе языковых категорий, в частности лексической категории «речевое воздействие», характеризуются интерпретирующим потенциалом, что объясняется возможностью лексических единиц данной категории предстать в качестве средств познания и оценки действительности.

Новые знания о мире, как результат интерпретации этих знаний за счёт формирования оценочных значений, продемонстрированные на материале лексической категории «речевое воздействие» в русском и английском языках в сравнительно-сопоставительном аспекте, наглядно доказывают, с одной стороны универсальный характер оценочных значений, с другой стороны, показывают специфику их реализации в русском и английском языках.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
2. Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А. Когнитивные доминантные признаки в формировании оценочных значений // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: межфедеральный сборник научных статей / Московский городской педагогический университет. М.: ООО «Диона», 2018. С. 18–24.
3. Болдырев Н. Н. Фундаментальное и прикладное значение доминантного принципа организации языкового сознания для науки и образования // Национальные проекты и профессорское сообщество: сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2020. В 2-х томах. Т. 2. М.: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2021. С. 168–171.
4. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
5. Водяницкая А. А. Функционирование оценочных значений в авторской благодарности как жанре академического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 58–73. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-58-73.
6. Гусева А. Е. Структура базы знаний в когнитивной лингвистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 36–42.
7. Гусева А. Е. Лингвокогнитивное моделирование лексико-фразеологических полей (на материале немецкого и русского языков). Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 292 с.
8. Гусева А. Е., Шабанова В. П. Лингвокогнитивная модель концепта «Поведение человека» и ее вербальная реализация языковыми средствами современного немецкого языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 160–168. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-160-168.
9. Ефименко Т. Н., Иванова Ю. Е. Верbalные и неверbalные средства коммуникации как операторы смысла в англоязычном деловом дискурсе (на материале публичных выступлений) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 15–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-15-28.
10. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 149 с.
11. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
12. Маслова В. А. Лингвокультурное введение в теорию человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 21–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-21-28.
13. Соловьева Н. В. Оппозитивность как текстообразующая лингвистическая категория; 2-е издание, перераб. и доп. М.: МГОУ, 2019. 172 с.
14. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 144 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1999. 896 p.
2. Boldyrev N. N., Panasenko L. A. [Cognitive dominant features in the formation of estimated values]. In: *Tri «L» v paradigme sovremenennogo gumanitarnogo znaniya: lingvistika, literaturovedenie, lingvodidaktika* [Three “L” in the paradigm of modern humanitarian knowledge: linguistics, literary criticism, linguodidactics]. Moscow, Moscow City Pedagogical University, OOO «Diona» Publ., 2018, pp. 18–24.
3. Boldyrev N. N. [Fundamental and applied significance of the dominant principle of the organization of linguistic consciousness for science and education]. In: *Natsional'nye proekty i professorskoe soobshchestvo: sbornik tezisov po itogam Professorskogo foruma 2020. V 2-kh tomakh. T. 2* [National projects and the professorial community: a collection of abstracts based on the results of the Professors' Forum 2020. In 2 volumes. T. 2.]. Moscow, Obshcherossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya «Rossiiskoe professorskoe sobranie» Publ., 2021, pp. 168–171.
4. Boldyrev N. N. *Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and system of knowledge. A cognitive theory of language]. Moscow, Izdatel'skii Dom YASK Publ., 2018. 480 p.

5. Vodyanitskaya A. A. [Evaluative means in acknowledgements in the framwork of academic discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 5, pp. 58–73. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-58-73.
6. Guseva A. E. [Knowledge Base Structure in Cognitive Linguistics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 2, pp. 36–42.
7. Guseva A. E. *Lingvokognitivnoe modelirovanie leksiko-frazeologicheskikh polei (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)* [Linguistic-cognitive modelling of the lexical-phraseological fields (on the basis of the German and Russian languages)]. Saarbrucken, Palmarium Academic Publishing, 2012. 292 p.
8. Guseva A. E., Shabanova V. P. [Linguo-cognitive model of the concept “human behavior” and its verbal realization by language means of the modern German language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2016, no. 3, pp. 160–168. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-160-168.
9. Efimenko T. N., Ivanova Yu. E. [Verbal and nonverbal means of communication as functional operators of the meaning in English business discourse (exemplified in public speeches)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 1, pp. 15–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-15-28.
10. Kolshanskii G. V. *Kontekstnaya semantika* [Contextual semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 149 p.
11. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znanii o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznaniyu mira* [Language and knowledge. On the way of acquiring knowledge of the language. Parts of speech with a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 560 p.
12. Maslova V. A. [Linguo-cultural introduction to the theory of human]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 3, pp. 21–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-21-28.
13. Solovyeva N. V. *Oppozitivnost' kak tekstoobrazuyushchaya lingvisticheskaya kategorija* [Oppositivity as a text-forming linguistic category]. Moscow, MGOU Publ., 2019. 172 p.
14. Teliya V. N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 144 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусева Алла Ефимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: angst51@rambler.ru

Мальцева Лилия Геннадьевна – аспирант кафедры германской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: Maltsevalg@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla E. Guseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Germanic Philology, Moscow Region State University;
e-mail: angst51@rambler.ru

Lilia G. Maltseva – Postgraduate Student, Department of Germanic Philology, Moscow Region State University;
e-mail: Maltsevalg@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гусева А. Е., Мальцева Л. Г. Интерпретирующий характер лексической категории «речевое воздействие» (на материале русского и английского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 90–100.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-90-100

FOR CITATION

Guseva A. E., Maltseva L. G. The interpretive nature of the lexical category “speech influence” (on the material of the Russian and English languages). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 90–100.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-90-100

УДК 811.581

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-101-109

ИССЛЕДОВАНИЕ СИМПЛИФИКАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ОСНОВЕ КОРПУСА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «БРОНЗА И ПОДСОЛНУХ»)

Доу Цзин

Уханьский университет

430072, г. Ухань, ул. Ба И, д. 299, Китайская Народная Республика

Аннотация

Цель работы – проверить гипотезу о проявлении тенденции симплификации на лексическом и синтаксическом уровнях при переводе детской литературы с китайского языка на русский.

Процедура и методы. С помощью количественного, качественного и сопоставительного анализа рассматривается тенденция симплификации переведенного текста в четырёх аспектах: лексическое разнообразие, лексическая плотность, средняя длина предложений и логические отношения.

Результаты. Проведённое исследование показало, что в русском переводе произведения «Бронза и подсолнух» проявляются тенденции межъязыковой и сопоставимой симплификации, в процессе перевода наиболее употребляемыми методами для осуществления симплификации являются сокращение повторной информации, интерпретация культурной информации и замена длинных предложений короткими.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в повышение качества перевода за счёт применения корпусного подхода к решению традиционных переводческих задач.

Ключевые слова: китайско-русский параллельный корпус, детская литература, перевод, симплификация, сокращение повторной информации, интерпретация культурной информации, замена длинных предложений короткими

A CORPUS-BASED STUDY ON THE SIMPLIFICATION OF CHILDREN'S LITERATURE TRANSLATION: A CASE STUDY OF THE RUSSIAN VERSION OF "BRONZE AND SUNFLOWER"

Dou Jing

Wuhan University

299 Bayi Road, Wuhan 430072, People's Republic of China

Abstract

Aim of this paper is to test the hypothesis of the tendency of simplification at the lexical and syntactic levels in the translation of children's literature from Chinese into Russian.

Methodology. The author examines the trend of simplification of the translated text in four aspects: lexical diversity, lexical density, average length of sentences and logical relations with the help of quantitative, qualitative and comparative analysis.

Results. The obtained results clearly indicate that the translated into Russian version of "Bronze and Sunflower" embodies comparable and interlingual simplification. The second finding is that in the

translation process, the most commonly used methods for simplifying are the omission of repetitive information, interpretation of cultural information and the replacement of long sentences with short ones. **Research implications.** The research results contribute to improving the quality of translation through the use of the corpus approach to solving traditional translation problems.

Keywords: Chinese-Russian parallel corpus, children's literature, translation, simplification, repetitive information omission, interpretation of cultural information, long-to-short-sentences replacement

Введение

В последние годы корпусное переведение в Китае быстро развивается, и многие учёные применяют корпусный подход для решения различных традиционных переводоведческих задач. Главные темы исследований включают стиль переводчика, нормы и особенности перевода, обучение устному и письменному переводу [1, с. 167], а материалом для исследования служат художественная литература, политические тексты, черновики выступлений и т. д. Хотя корпусный подход уже широко используется для изучения английского языка, немногие применяют данную методику при изучении русского языка. Автор данного исследования нашёл всего 47 статей в CNKI¹ (таких, как НЭБ), которые в основном рассматривают вопросы создания китайско-русского параллельного корпуса, языковые особенности и применение корпуса в процессе обучения.

В 2016 году Цао Вэнъюань стал первым китайским писателем, получившим Международную литературную премию для детских писателей имени Г. Х. Андерсена. Жюри Международного Совета, объявляя награду, отметило, что Цао «пишет о сложной жизни детей, сталкивающихся с большими трудностями. Он – глубокий писатель, чье собственное трудное детство оказало большое влияние на его произведения, в которых нет простых ответов»². Международная премия дала толчок для изучения произве-

дений Цао Вэнъюаня и их перевода на разные языки. Его работы переведены на английский, корейский, немецкий, французский, шведский и японский языки. Сейчас в России уже вышли в свет такие произведения автора, как «Соломенный дом», «Бронза и подсолнух», «Сими», «Великая книга короля. Часть 1. Маленький пастух», «Великая книга короля. Часть 2. Алый фонарь». Произведения писателя стали предметом научных исследований в таких работах, как «Особенности китайской детской литературы (на примере произведений Цао Вэнъюаня)» [5], «Детская литература в современном Китае» [4], «Новая волна» в детской литературе Китая 80-х годов XX века» [2]. Что касается анализа перевода произведений Цао Вэнъюаня на русский язык, до сих пор в Китае этим никто не занимался, тем более с помощью корпуса. В данной статье исследуется произведение «Бронза и подсолнух», его русский перевод и три русские книги для детей в качестве материалов для создания параллельного корпуса с целью проверки тенденции симплификации в русском переводе.

Согласно М. Бейкер, под симплификацией понимается процесс, в котором переводчики в своих переведённых работах сознательно представляют сложную информацию исходных текстов более простым способом [6, с. 176]. Схожим образом определил симплификацию китайский исследователь Юй Хун – это приём, при котором слова в переведенном тексте проще слов в оригинале, например, за счёт лексического и синтаксического упрощения, увеличения общеупотребительных слов и т. д. [10, 85页].

Тенденция симплификации была экспериментально подтверждена Сарой Ла-

¹ China National Knowledge Infrastructure (CNKI) [Электронный ресурс]. URL: <https://oversee.cnki.net> (дата обращения: 06.03.2021).

² См. подробнее: Цао Вэнъюань [Электронный ресурс] // Lit Agency : [сайт]. URL: <http://lit.agency/authors/8/> (дата обращения: 06.03.2021).

виоса (S. Laviosa), которая для этого проанализировала лексическую плотность, среднюю длину предложений и самые часто встречающиеся слова [7]. Результаты исследования китайских учёных также доказывают, что, по сравнению с оригиналом, в переводном тексте проявляются такие тенденции симплификации: коэффициент лексического разнообразия (TTR) ниже, средняя длина предложения меньше, повторяемость общеупотребительных слов выше, доля самых частотных слов выше, количество субстантивационных слов больше, количество знаменательных слов больше количества служебных слов [9].

Детская литература отличается от взрослой уровнем сложности изложения. Она характеризуется высокой степенью связности текста и ясной логикой, в ней больше простых слов и предложений, поэтому при переводе переводчику необходимо обращать внимание на особенности употребления слов и состав предложений. В данной статье представлено на обсуждение два вопроса: 1) проявляется ли тенденция симплификации в русском переводе «Бронза и подсолнух» по сравнению с оригинальным текстом и русскими произведениями для детей; 2) если проявляется, то в чём причины.

Результаты исследования и их обсуждение

Для изучения симплификации в детской литературе автором было создано два корпуса: китайско-русский параллельный корпус и русский сопоставительный корпус. Параллельный корпус состоит из оригинального текста произведения «Бронза и подсолнух» и соответствующего текста его перевода на русском языке, а в сопоставительный корпус были включены три книги: «Где папа?»¹, «Календарь ма(й)я»² и «По прогнозу лето»³.

¹ Кузнецова Ю. Н. Где папа? М.: КомпасГид, 2016. 195 с.

² Ледерман В. Календарь ма(й)я. М.: КомпасГид, 2016. 214 с.

³ Ветров Т. По прогнозу лето. Л.: Самиздат, 2020. 231 с.

Первоначально на этапе обработки текстов были удалены заголовки, введение, заключения и примечания, чтобы получить чистый текст, затем был использован конкордансер ParaConc для автоматического выравнивания предложений исходного и переводного текстов, а на заключительном этапе вручную было проведено исправление ошибок. После обработки все тексты были отформатированы и сохранены в требуемом формате. При изучении особенностей текстов были использованы инструменты Sketch Engine, WordSmith6.0 и AntConc для получения более точных расчётов.

В этом параграфе мы исследуем тенденцию симплификации переводного текста в четырёх аспектах: лексическое разнообразие, лексическая плотность, средняя длина предложений и логические отношения.

TTR (англ. type / token ratio) является самым простым способом вычисления коэффициента лексического разнообразия. Types – это лексема во всей совокупности своих словоформ (лемма), token – общее количество словоформ. Чем выше TTR, тем сложнее лексика. Но в связи с тем, что длина текста часто влияет на коэффициент лексического разнообразия, учёные ещё учитывают стандартное соотношение числа разных слов к каждой 1000 слов (STTR) в анализируемом тексте, чтобы обеспечить сопоставимость данных текстов с разной длиной [11, 41頁]. Для вычисления TTR и STTR было использовано специализированное программное обеспечение Word Smith. Полученные данные приведены в таблице 1.

Согласно данным табл. 1, TTR (16.69) русского перевода «Бронза и подсолнух» выше, чем TTR (9.80) оригинала и TTR (8.75) трёх русских книг; STTR (53.05) русского перевода «Бронза и подсолнух» выше, чем STTR (43.49) оригинала, но ниже STTR (57.67) трёх русских книг. Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что русскоязычная переводная версия «Бронза и Подсолнух» более лексически и содержательно богата, что

Таблица 1 / Table 1

Лексическое разнообразие [STTR] / Lexical diversity [STTR]

	Оригинал «Бронза и подсолнух» ¹	Перевод «Бронза и подсолнух» ²	Три русские книги для детей
Число лексем (token)	74118	66704	332737
Общее количество словоформ (type)	7260	11133	29112
Коэффициент лексического разнообразия (TTR)	9.80	16.69	8.75
Стандартный коэффициент лексического разнообразия (STTR)	43.49	53.05	57.67

Источник: по данным автора.

опровергает тенденцию межъязыковой симплификации перевода, но доказывает сопоставимую симплификацию.

Лексическая плотность представляет собой расчётную меру объёма информации текста и сложности чтения [12, 138頁]. Чем выше плотность лексики, тем больше объём информации в тексте и тем сложнее его понять. М. Стаббз предложил метод расчёта плотности лексики: лексическая плотность = количество знаменательных слов / общее количество слов ×100% [8, p. 73]. Знаменательные сло-

ва – лексически самостоятельные части речи, которые характеризуются номинативным значением, то есть называют предметы, признаки, свойства, действия и т. д., и способны функционировать в качестве членов предложения³. Используя функцию Word List в программном обеспечении Sketch Engine, мы вычислили частоту появления знаменательных слов, в том числе имени существительного, глагола, имени прилагательного, наречия, местоимения и имени числительного (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Лексическая плотность / Lexical density

	Оригинал «Бронза и подсолнух»	Перевод «Бронза и подсолнух»	Три русские книги для детей
Имя существительное	19223	18016	47534
Глагол	15965	11450	41981
Имя прилагательное	4161	2797	10545
Наречие	9682	2966	12946
Имя числительное	34	515	2111
Местоимение	4330	9557	37467
Общий итог	53395	45301	152584
Доля	72.04%	67.91%	45.86%

Источник: по данным автора

¹ 曹文轩. 《青铜葵花》. 北京:人民文学出版社, 2011, 262页.² В статье анализируется издание: Цао Вэнъюань. Бронза и подсолнух / пер. Жмак С. А. М.: Шанс, 2016. 296 с. (далее: Бронза и подсолнух / пер. Жмак С. А.).³ См. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 578.

Полученные данные показывают, что лексическая плотность перевода «Бронза и подсолнух» составляет 67.91%, что ниже доли оригинального текста (72.04%), но выше доли трёх русских книг (45.86%). Это демонстрирует, что по сравнению с оригиналом переведённый текст романа «Бронза и подсолнух» менее информативен и значительно проще для чтения. Поэтому результат исследования соответствует тенденции межъязыковой симплификации и не соответствует сопоставимой симплификации.

Средняя длина предложений считается важным показателем для проверки

сложности синтаксиса текста. Вообще говоря, чем длиннее предложение, тем сложнее текст, что затрудняет его понимание читателями. В данном исследовании используются точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие как знаки конца предложения. Полученные данные (см. табл. 3) показывают, что средняя длина предложений русскоязычного перевода «Бронза и подсолнух» меньше, чем других, и поэтому в русскоязычном переводе проявляются тенденции межъязыковой и сопоставимой симплификации.

Таблица 3 / Table 3

Средняя длина предложений / Average sentence length

	Оригинал «Бронза и подсолнух»	Перевод «Бронза и подсолнух»	Три русские книги для детей
Общее количество слов	74118	66704	332737
Общее количество предложений	5383	6941	37791
Средняя длина предложений	13.77	9.61	13.21

Источник: по данным автора.

Китайский язык является парадактическим языком, в котором логические отношения обычно скрыты в контексте, поэтому при переводе с китайского языка на русский язык переводчик должен внимательно проанализировать ориги-

нальный текст и понять его логику. Количество союзов и местоимений отражает последовательность и ясность текста. В табл. 4 приводится статистика по союзам и местоимениям.

Таблица 4 / Table 4

Частота появления союзов и местоимений / Frequency of conjunctions and pronouns

	Оригинал «Бронза и подсолнух»	Перевод «Бронза и подсолнух»	Три русские книги для детей
Общее количество союзов	541	5054	16249
Общее количество местоимений	4330	9557	37467
Общее количество слов	74118	66704	332737
Частота появления союзов	0.73%	7.58%	4.88%
Частота появления местоимений	5.84%	14.33%	11.26%

Источник: по данным автора.

Данные табл. 4 свидетельствуют, что частота появления союзов и местоимений в переводе «Бронза и Подсолнух» выше их частности в исходном тексте и трёх русских книгах для детей. Другими словами, переводной текст оказывается более понятным и доступным для детей, что свидетельствует и о межъязыковой, и о сопостави-

мой симплификации в переводном тексте.

Сводные результаты по данным табл. 1–4 представлены в табл. 5. Согласно обобщённым данным, в русском переводе «Бронза и Подсолнух» ярко проявляются тенденции межъязыковой и сопоставимой симплификации по всем четырём признакам.

Таблица 5 / Table 5

Тенденция симплификации/ Simplification trend

	Межъязыковая симплификация	Сопоставимая симплификация
Лексическое разнообразие	✗	✓
Лексическая плотность	✓	✗
Средняя длина предложений	✓	✓
Логические отношения	✓	✓

Методы симплификации в русском варианте «Бронза и подсолнух»

На основе качественного анализа переводного текста было выявлено три метода симплификации, использованных переводчиком: сокращение повторной информации, интерпретация культурной информации и замена длинных предложений короткими. Например:

(1)一只鸟独自拥有天空的孤独，一条鱼独自拥有大河的孤独，一匹马独自拥有草原的孤独¹。

Птица одинока в небе, рыба – в реке, лошадь – на пастбище².

В оригинале писатель использует анапору, чтобы подчеркнуть чувство одиночества персонажа. Переводчик также сохраняет эту стилистическую фигуру речи в переводе, поменяв глагол на тире, что облегчает текст для чтения детьми.

(2)桃枝插在大门上，
出门一望麦儿黄。
这儿端阳，
那儿端阳……³

*Ветки персикового дерева – в двери,
Выйдешь и увидишь, как желеет
ишеница.*

*И здесь – Праздник начала лета,
И там – Праздник начала лета...⁴*

“端午” – это китайский традиционный праздник, обычно переводится как “Праздник Дуаньь”. В приведённом примере переводчик использует описательный перевод вместо транскрипции, с одной стороны, успешно передавая культурную информацию исходного языка, с другой стороны, не создавая трудностей понимания для детей.

(3)经过一棵枫树下，正有一阵轻风吹过，摇落许多水珠，有几颗落进她的脖子里，她一激灵，不禁缩起脖子，然后仰起面孔，朝头上的枝叶望去，只见那叶子，一片片皆被连日的雨水洗得一尘不染，油亮亮的，让人心里很喜欢⁵。

*Когда она проходила под кроной клена,
подул ветерок. Бусинки росы полетели с
листьев. Несколько капелек упали на шею
девочки. Ее плечи непроизвольно поднялись,
а сама она втянула шею, съежившись от холода. Куйхуа подняла голову*

¹ 曹文轩.《青铜葵花》. 27页.

² Бронза и подсолнух / пер. Жмак С. А. С. 19

³ 曹文轩.《青铜葵花》. 11页.

⁴ Бронза и подсолнух / пер. Жмак С. А. С. 11.

⁵ 曹文轩.《青铜葵花》. 北京:人民文学出版社, 2011, 2页.

и посмотрела на ветки над головой. Все листья были начисто вымыты долгими дождями и блестели словно зеркало. Красота этого зрелица заставляла сердце девочки радостно петь¹.

Учитывая неразвитое логическое мышление у детей, при переводе переводчик заменяет исходное длинное предложение на шесть коротких предложений и добавляет личное местоимение и имя персонажа – «она», «девочка», «Куйхуа». Эти способы делают синтаксическую связь проще и логику повествования яснее. В то же время переводчик дополняет текст сравнением для усиления образности и увлечения детей чтением.

Причины проявления симплificationи в русском варианте «Бронза и подсолнух»

Перевод представляет собой способ межъязыковой и межкультурной коммуникации, поэтому языковая и культурная разница между китайским и русским языками служит главными причинами симплificationи перевода. Кроме того, методы перевода тоже оказывают важное влияние на симплificationи перевода.

Во-первых, китайский язык характеризуется слиянием слов и предложений с помощью значений и смыслов, внутренние логические отношения между словами или предложениями передаются значениями слов. Но русский язык характеризуется изменением форм слов и грамматических конструкций; логические отношения между словами или предложениями выражены с помощью союзов, местоимений, предлогов и так далее. Эти языковые различия заставляют переводчика определять расплывчатую информацию и скрытые логические отношения исходного текста посредством союзов, местоимений и расширения предложений.

Во-вторых, детская литература должна быть простой и понятной для ребён-

ка, т. е. значение используемых автором слов должно быть знакомо читателю [3, с. 66]. Но в произведении Цао Вэньсюа-ня много реалий, которые носят национально-исторический колорит и богаты культурной информацией. Чтобы дети не сталкивались с трудностями при их восприятии, переводчик часто использует описательный перевод и добавляет примечание.

В-третьих, «Шанс», издательство русского перевода «Бронза и подсолнух», ставит перед собой основной целью популяризацию китайской культуры и знакомство с ней широкой российской аудитории. В качестве члена переводческой команды издательства С. А. Жмак учитывает словарный запас детей, в процессе перевода преимущественно использует буквальный и описательный переводы, и, согласно нормам русского языка, регулирует языковую структуру исходного текста. В целом следует отметить, что С. А. Жмак верно передал содержание и стиль оригинала и обеспечил его успешную читаемость.

Заключение

Корпусный подход в практике перевода характеризуется научностью и объективностью. Одновременное использование качественного и количественного анализа позволяет избежать субъективности в оценке качества перевода. На основе китайско-русского параллельного корпуса были проанализированы четыре показателя для проверки тенденции симплificationи в русском переводе китайской детской книги «Бронза и подсолнух», в том числе лексическое разнообразие, лексическая плотность, средняя длина предложений и логические отношения.

Результаты исследования показывают, что переводчик использует буквальный и описательный перевод в связи с языковой особенностью детской литературы и различиями, обусловленными языковыми системами китайского и русского языков.

¹ Бронза и подсолнух / пер. Жмак С. А. С. 6.

В русском переводе проявляются тенденции межъязыковой и сопоставимой симплификации. Конкретными методами симплификации являются сокращение повторной информации, интерпретация культурной информации и замена длинных предложений короткими. В данной работе был изучен только один аспект –

тенденция симплификации при переводе детской литературы. Рассмотрение двух других аспектов переводческих универсалий – экспликации и нормализации – составит перспективу настоящего исследования.

Статья поступила в редакцию 12.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

- Дзюба А. В. Новые технологии и перевод // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1. № 3. С. 166–176.
- Замилова Р. В. «Новая волна» в детской литературе Китая 80-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 6. С. 1626–1635.
- Зылевич Д. П. Особенности языка и стиля художественных произведений для детей (на материале современной детской литературы) // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2012. № 1. С. 65–69.
- Коробова А. Н. Детская литература в современном Китае // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тезисы докладов XXII Международной научной конференции (Москва, 12–13 октября 2016 г.). М.: ФГБУН Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2016. С. 170–171.
- Новаш С. В. С своеобразие китайской детской литературы (на примере романа Цао Вэньсюаня «Соломенный дом») // Материалы 75-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета (Минск, 14–23 мая 2018 г.). В 3 частях. Ч. 3. Минск: БГУ, 2018. С. 72–75.
- Baker M. Corpus-based translation studies: The challenges that lie ahead // Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering, in Honor of Juan C. Sager / ed. H. Somers. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 1996. P. 175–186.
- Laviosa S. Core patterns of lexical use in a comparable corpus of English narrative prose // Meta. 1998. Vol. 43. No. 4. P. 557–570. DOI: 10.7202/003425ar.
- Stubbs M. Language development, lexical competence and nuclear vocabulary // Language Development in the School Years / ed. K. Durkin. London: Croom Helm, 1986. P. 57–76.
- 凌征华, 林泽欣. 《“第三码”再解析——基于自建语料库CONTEC 的汉译英简化共性量化研究》 // 成都大学学报(社会科学版), 2019, № 4. 64–72页.
- 周志莲, 刘绍忠. 《基于可比语料库的英译改译》 // 当代外语研究, 2019, № 2. 83–104页.
- 王琰. 《基于语料库的十九大报告英、俄译本语言特征对比研究》北京: 北京外国语大学, 2018, 41页.
- 刘淼. 《基于语料库的中国《政府工作报告》俄译本语言特征研究》 // 语言学研究, 2017, № 2. 134–144页.

REFERENCES

- Dziuba A. V. [Information and communications technology & translation]. In: *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanii* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2016, vol. 1, no. 3, pp. 166–176.
- Zamilova R. V. [“New Wave” in Children’s Literature of China during the 1980s]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2016, vol. 158, no. 6, pp. 1626–1635.
- Zylevich D. P. [Features of the Language and Style of Artistic Works for Children (on the Material of Modern Children’s Literature)]. In: *Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*, 2012, no. 1, pp. 65–69.
- Korobova A. N. [Children’s literature in contemporary China]. In: *Kitai, kitaiskaya tsivilizatsiya i mir. Istoryya, sovremennost', perspektivi: tezisy dokladov XXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 12–13 oktyabrya 2016 g.)* [China, Chinese civilization and the world. History, Modernity,

- Prospects: Abstracts of the XXII International Scientific Conference (Moscow, October 12–13, 2016)]. Moscow, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 170–171.
5. Novash S. V. [The Peculiarities of Chinese Children's Literature (on the Example of Cao Wenxuan's Novel "The Straw House")]. In: *Materialy 75-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* (Minsk, 14–23 maya 2018 g.). V 3 chastyakh. Ch. 3 [Proceedings of the 75th Scientific Conference of Students and Postgraduates of the Belarusian State University (Minsk, May 14–23, 2018). In 3 parts. Part 3]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2018, pp. 72–75.
 6. Baker M. Corpus-based translation studies: The challenges that lie ahead. In: H. Somers, ed. *Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering, in Honor of Juan C. Sager*. Amsterdam; Philadelphia, J. Benjamins Pub. Co., 1996, pp. 175–186.
 7. Laviosa S. Core patterns of lexical use in a comparable corpus of English narrative prose. In: *Meta*, 1998, vol. 43, no. 4, pp. 557–570. DOI: 10.7202/003425ar.
 8. Stubbs M. Language development, lexical competence and nuclear vocabulary. In: K. Durkin, ed. *Language Development in the School Years*. London, Croom Helm, 1986, pp. 57–76.
 9. 凌征华, 林泽欣.《“第三码”再解析——基于自建语料库CONTEC 的汉译英简化共性量化研究》.In: 成都大学学报(社会科学版), 2019, № 4. 64–72页.
 10. 周志莲, 刘绍忠.《基于可比语料库的英译改译》.In: 当代外语研究, 2019, № 2. 83–104页.
 11. 王琰.《基于语料库的十九大报告英、俄译本语言特征对比研究》北京: 北京外国语大学, 2018, 41页.
 12. 刘森.《基于语料库的中国《政府工作报告》俄译本语言特征研究》. In: 语言学研究, 2017, № 2. 134–144页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Доу Цзин – докторант кафедры русского языка и литературы Уханьского университета;
e-mail: 15071235606@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dou Jing – Dr. Sci. degree-seeking candidate, Department of Russian language and literature, Wuhan University;
e-mail: 15071235606@163.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Доу Цзин. Исследование симплификации в переводе детской литературы на основе корпуса (на материале русского перевода «Бронза и подсолнух») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 101–109.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-101-109

FOR CITATION

Dou Jing. A corpus-based study on the simplification of children's literature translation: a case study of the Russian version of "Bronze and sunflower". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 101–109.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-101-109

УДК 811'25

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-110-123

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ОСНОВА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕГО ПЕРЕВОДОВ

Симашко Т. В., Чалова Л. В.*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,**филиал в г. Северодвинске**164500, Архангельская область, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6,**Российская Федерация***Аннотация**

Целью статьи является обоснование способов выделения в тексте-оригинале смысловых блоков и возможности их использования как основы и инструмента для изучения текстов переводов.

Процедура и методы. Обозначены основные этапы работы с текстами по выявлению когнитивно-прагматических, структурно-семантических и идейно-эстетических особенностей художественного произведения и их переводов. Производится членение переводов в соответствии со смысловыми блоками оригинала и выявление особенностей их интерпретации каждым переводчиком. Используемые методы: контекстуальный, концептуально-репрезентативный, сопоставительный, стилистический, лингвокультурный.

Результаты. Выделение смысловых блоков демонстрируется на материале рассказа О. Генри “The Cop and the Anthem”. На основе комплекса признаков было выявлено 9 смысловых блоков, установлено участие каждого из них в репрезентации двух концептосфер, маркированных ключевыми словами заголовка, определяется их место и роль в тексте. Описываются специфические особенности, присущие смысловым блокам; раскрываются общие и различные черты первого и восьмого смысловых блоков, единая схема строения шести событийных структур и специфика девятого. На основе отдельных параметров демонстрируются приёмы сопоставления смысловых блоков, выявляются особенности их интерпретации разными переводчиками.

Теоретическая значимость исследования видится в разработке способов сопоставления текстов оригинала и переводов посредством их структурирования с учётом лингвокогнитивных принципов и речемыслительных процессов. Представленные материалы могут быть полезны в практике преподавания.

Ключевые слова: лингвокогнитивный анализ, структура текста, оригинал, переводы, интерпретация, рассказ О. Генри

STRUCTURING OF A LITERARY TEXT AS A BASIS FOR THE INVESTIGATION OF ITS TRANSLATIONS

T. Simashko, L. Chalova*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Branch in Severodvinsk
6 ulitsa Capitana Voronina, Severodvinsk 164500, Arkhangelsk region, Russian Federation***Abstract**

Aim. The article is aimed at substantiating the methods of highlighting semantic blocks in the original text and the possibility of using them as a basis and tool for investigation the texts of translations.

Methodology. The main stages of work with texts to identify cognitive-pragmatic, structural-semantic and ideological-aesthetic features of the artwork and their translations are indicated in the article. The subdivision of translations in accordance with the semantic blocks of the original text is produced, moreover the special features of their interpretation by each translator are dedicated. Contextual, conceptual-representative, comparative, stylistic and linguo-cultural methods are used here.

Results. The excretion of semantic blocks is demonstrated on the material of the story by O. Henry "The Cop and the Anthem". On the basis of a set of features, 9 semantic blocks were revealed; the participation of each of them in the representation of two conceptual spheres marked with title key-words is established; their place and role in the text are determined. Specific features inherent in semantic blocks are described; the general and various features of the first and eighth semantic blocks, a single scheme of the structure of the six event structures together with the specificity of the ninth one is discussed. On the basis of individual options, the methods of semantic blocks comparison are confirmed, the features of their interpretation by different translators are identified.

Research implications. In the conclusion, the development of ways to compare the original texts and their translations through their structuring is seen in account of linguo-cognitive principles and speech-thinking processes. The presented materials can be useful in the teaching **practice**.

Keywords: linguo-cognitive analysis, text structure, original, translations, interpretation, short story by O. Henry

Методологические основания исследования

Со второй половины XX в. в исследования по проблемам перевода всё активнее вовлекаются положения общей теории языка, на основе которых осуществляется описание и объяснение этого сложного явления. Постепенно формируется особый теоретико-категориальный аппарат. Круг вопросов, связанных с изучением переводов, значительно расширяется в связи с утверждением антропоцентрического принципа в лингвистике и методов когнитивной лингвистики. Заметно повышается интерес к специфике речемыслительного процесса перевода, к личности автора оригинала, реализующего в художественном произведении свой замысел, и к личности переводчика, воплощающего в переводе идеино-эстетический смысл текста-оригинала [2; 6; 11; 15; 17; 21 и др.].

В ряде работ обосновывается плодотворность использования категориального аппарата когнитивистики при сопоставлении оригинальных текстов и их переводов. Так, при изучении переводов широко используется понятие художественного концепта. Е. А. Огнева, выявляя концепты в текстах, устанавливает

их особенности «в интеркультурной концептосфере перевода» [15, с. 142], раскрывает специфику текстового воплощения концептов средствами другого языка. Е. И. Курячая, опираясь на понятие когнитивной доминанты идиостиля, рассматривает степень полноты её презентаций в текстах перевода, которая, по утверждению автора, определяется характером переводческой стратегией [12, с. 5]. В целом когнитивный подход стимулирует внимание исследователей к смысловой стороне текста, например, Е. П. Савченко пишет, что при переводе важно стремиться сохранить не столько стилистический приём, сколько представленный образ [17, с. 68]. Дж. Левинсон, объясняя природу индивидуального восприятия отдельных структур текста, главной причиной этого считает опыт человека, складывающийся «в процессе объединения реальной и художественной действительности» [23, р. 291].

Изучение текстов оригинала и перевода с учётом когнитивно-прагматического аспекта, идеино-эстетического смысла произведения наблюдается во многих работах, посвящённых способам воссоздания различных компонентов идиостиля автора [1; 3; 4; 14].

Между тем, естественно, именно язык и текст являются носителями смысла, в том числе и скрытого. Ещё в середине XX в. С. М. Финкель, полемизируя с оппонентами при обсуждении переводов одного из стихотворений Гёте, предостерегал от употребления невыразительных и субъективных понятий вроде «дух произведения». Он справедливо писал, что « “дух” этот не бесплотный, а находит свое воплощение в проявлениях конкретных, рационально постигаемых, – в лексике, семантике, синтаксисе и т. п.» [20].

Таким образом, во многих работах признаётся, что изучение переводческой деятельности может быть продуктивным только в том случае, если будут осмыслены особенности идиостиля автора оригинала, специфические приёмы и средства, используемые для передачи замысла, своеобразие строения художественного произведения. Иначе говоря, при изучении перевода необходимо ориентироваться на художественную реальность, созданную автором. В то же время следует учитывать, что личность переводчика является центром сложного двунаправленного процесса порождения смысла: с одной стороны, при восприятии и понимании оригинального текста, а с другой – при воспроизведении понятого смысла на другом языке [18, с. 136–142]. Следовательно, деятельность переводчика, требующая творческой активности и мобилизации разнообразных личностных знаний, а не только владения языками, с неизбежностью приводит к интерпретации смысла оригинала. Особенно это заметно при сопоставлении разных переводов.

В данной статье анализируется рассказ О. Генри “The Cop and the Anthem” (1906) и три его перевода.

О. Генри, непревзойдённый мастер американской литературы в жанре short story, талантливо насыщает произведения разнообразными стилистическими приёмами, парадоксальными ситуациями, тонким юмором. Исследуя

оригинальные тексты писателя, учёные раскрывают пародийность, многообразие используемых приёмов комического, механизмы экспликации иронического смысла, своеобразие номинаций, выраждающих референтные отношения в текстах, умелое «подчинение» арсенала всех языковых уровней для реализации индивидуального смысла [7; 9; 10; 13; 14; 22]. Наличие множества конкретных стилистических приёмов в текстах О. Генри побуждает исследователей к поиску путей их обобщения. Так, Э. М. Вильданова и Э. Н. Гилязева предлагают считать, что скопление отдельных приёмов в тексте или нарушение линейной предсказуемости его элементов являются реализацией принципа выдвижения как особой черты идиостиля О. Генри [3].

Сопоставляя тексты рассказов О. Генри с их переводами, исследователи чаще всего обращаются к изучению приёмов создания комического эффекта, раскрывая их соответствие или несоответствие оригиналу. Интерес представляет попытка проследить эволюцию идиостиля на небольшом промежутке времени, тем самым раскрыть «динамику идиостиля О. Генри в период с 1906 по 1910 г., оценить его изменения в переводах» [8, с. 125].

Итак, устанавливая особенности переводов одного и того же текста, основное внимание исследователи сосредоточивают на стилистических приёмах как важных составляющих идиостиля автора.

Методика сопоставительного анализа оригинала и его переводов

В данной работе сопоставление оригинала и его переводов предлагается рассматривать на основе анализа всего текста, его композиции и развития сюжета. При этом мы исходим из того, что понимание текста любым человеком начинается с выделения определённых семантически связанных отрезков, осмыслиния их и свёртывания в некоторые когнитивные структуры. Деятельность пере-

водчика на первоначальном этапе ничем не отличается от этих процессов, и, хотя в дальнейшем ему необходима особая аналитическая работа, все же он «осуществляет переводческую деятельность не на уровне отдельных единиц языка, а на уровне текста» [16, с. 10]. Правда, принимая определённые переводческие решения, переводчик ориентируется на собственное понимание, на ментальную сущность, которая предстаёт «как продукт мыслительной деятельности» [21], как результат понятого им оригинального текста.

Позиция исследователя при сопоставлении текстов оригинала и его переводов иная. Определим предлагаемый в статье ход анализа. Отметим главные этапы работы: 1) произвести структурно-семантическое членение оригинального текста; 2) определить когнитивно-прагматические и структурно-семантические особенности каждого выделенного смыслового блока; 3) осуществить членение каждого текста перевода в соответствии с выделенными блоками в оригинале; 4) сопоставить соответствующие друг другу смысловые блоки оригинала и переводов с целью выявления особенностей интерпретации.

Выделение в тексте смысловых блоков

Анализ рассказа О. Генри с интригующим названием “The Cop and the Anthem” показал, что он отличается стройностью и относительной соразмерностью своего построения, а каждый выделяемый смысловой блок обнаруживает особые связи с заголовком.

Как отмечается в литературе, выделяемые в тексте смысловые блоки (эпизоды, когнитивные структуры и т. д.) характеризуются «единством места, времени и состава действующих лиц» [19, с. 306]. Для анализируемого текста существенной дифференцирующей чертой является также тип речи, который связан с конкретным содержанием, излагаемым

в смысловом блоке. Кроме этого, отдельные смысловые блоки отличаются относительной законченностью, некоторыми особыми формами языкового выражения, преобладанием отдельных типов об разных средств.

В рассказе отражается незначительный промежуток времени – менее суток и ограниченное место действие, охватывающее небольшое пространство Madison Square (Мэдисон-сквера) и неподалёку от него.

Наибольший объём в тексте занимают первый и восьмой блоки. Каждый из них представляет собой сочетание двух типов речи – описание и рассуждение. В начальном блоке представлен главный герой рассказа – бездомный Сопи (Soapy), который, испытывая холод наступающей зимы, понимает, что скамейка в парке больше не может служить ему пристанищем. Автор детально описывает приметы приближающейся зимы в присущей ему манере – с мягкой иронией и неожиданным сочетанием характеристик: “*When wild geese honk high of nights, and when women without sealskin coats grow kind to their husbands, and when Soapy moves uneasily on his bench in the park, you may know that winter is near at hand*” и др.

Вместе с тем объём этого смыслового блока обусловлен не только образным воссозданием природных явлений, но и описанием состояния героя, его ощущений и размышлений, «подслушанных» автором, благодаря которым читатель узнаёт о некотором жизненном опыте Сопи укрыться от холодов (“*For years the hospitable Blackwell's had been his winter quarters*” [O. Henry]) и о его нравственных представлениях. Его внутренний мир приоткрывается, когда он рассуждает о тюрьме и благотворительных учреждениях, сравнивает их и оценивает пребывание

¹ Henry O. The Cop and the Anthem [Электронный ресурс] // Short Stories and Classic Literature : [сайт]. URL: <https://americanliterature.com/author/o-henry/short-story/the-cop-and-the-anthem> (дата обращения: 28.08.2021). Далее ссылка на имя автора.

в них. Эти фрагменты текста наполнены бытовыми деталями, выразительными средствами, голос повествователя пронизан ощущениями и представлениями героя, тем самым обнажаются черты его характера, ход мысли, а также мотивируются его дальнейшие действия. Размышления героя приводят его к выводу, что казённое милосердие обременительно, потому что за него придётся платить если не монетой, то “*you must pay in humiliation of spirit for every benefit*” [O. Henry]. Поступить же своей внутренней свободой Сопи не мог: “*In Soapy's opinion the Law was more benign than Philanthropy*” [O. Henry]. Поэтому единственным возможным для себя выбором он считает: “*Three months on the Island was what his soul craved*” [O. Henry].

Решение Сопи обеспечить себе тюремное заключение представляется ему достаточно перспективным, ведь “*There were many easy ways of doing this*” [O. Henry], и одновременно предопределяет все события, инициатором и участником которых он становится. Именно в этом фрагменте текста вместе с мыслями героя о полицейском, тюрьме, аресте за какой-нибудь мелкий проступок, о судье (“*An accommodating magistrate would do the rest*” [O. Henry]) и начинает развертываться концептосфера, связанная с одним из ключевых слов заглавия – *the Cop*. Заканчивается этот смысловой блок кратко обозначенной ситуацией действия: “*Soapy left his bench and strolled out of the square*” [O. Henry].

Если учесть, что заглавие – это «компрессированное, нераскрытое содержание текста» [5, с. 133], то надо подчеркнуть, что второе ключевое слово – *the Anthem* – появляется лишь в восьмом фрагменте. Этот предпоследний смысловой блок из выделенных нами имеет, как и первый, значительный объём и характеризуется сочетанием таких же типов речи: описания и рассуждения. В этом блоке рассказывается, как после всех своих приключений Сопи оказыва-

ется на тихой улице, где находится старая церковь, и, заслушавшись музыкой, останавливается. Именно в этой части впервые появляется в тексте второе ключевое слово заголовка – *The Anthem*. Повествователь даёт поэтическое описание церкви, луны, сонных воробьёв, звуков органа – “*sweet music that caught and held him transfixed against the convolutions of the iron fence*” [O. Henry]. Этот гимн, который Сопи хорошо знал с детства, навевает ему воспоминания давних дней, когда он был счастлив: “*when his life contained such things as mothers and roses and ambitions and friends and immaculate thoughts and collars*” [O. Henry], и побуждает к размышлению о своей жизни последних лет. Его охватывает ужас (*horror*) и желание всё изменить, он страстно пытается доказать себе, что это в его силах: “*He would pull himself out of the mire; he would make a man of himself again; he would conquer the evil that had taken possession of him*” [O. Henry]. Он начинает строить планы, готов уже завтра отправиться на поиски работы. Однако его рассуждения были прерваны. Он почувствовал на своём плече руку. Это был полисмен. После краткого диалога: “*«What are you doin' here?» asked the officer. «Nothin,» said Soapy*” [O. Henry] – полисмен повёл Сопи в участок. Обратим внимание на то, что восьмой смысловой блок заканчивается так же, как и первый, – ситуацией действия. Если в первом смысловом блоке действия Сопи (он встаёт и уходит из парка) вызваны его надеждой на встречу с полицейским, то в конце восьмого смыслового блока его желание осуществилось, хотя мечтал он уже не об этом.

Таким образом, именно в этом блоке оба ключевых слова заглавия “*The Cop and the Anthem*” оказываются в одном контексте, однако представляется, что их изначально интригующее противопоставление не разрешается для читателя, а лишь побуждает его, уже хорошо осведомлённого о пройденном пути Сопи, к размышлению над этим парадоксом.

Девятый смысловой блок отличается от восьмого, как и от других блоков текста, тем, что в нём описывается не вечер, а утро следующего дня. По типу организации – это одна единственная реплика судьи: «*Three months on the Island,*» said the Magistrate in the Police Court the next morning» [O. Henry], заключающая в себе то, о чём мечтал Сопи в начале рассказа.

Таким образом, этот девятый смысловой блок оказывается содержательно связанным со всеми другими, выделенными в тексте. В первом блоке говорится о желании Сопи попасть в тюрьму на острове Блеквелл. Страстность этого желания повествователь подчёркивает словом *hegira* (паломничество), которое проявляет иронию автора и одновременно вызывает аллюзию к сакральному смыслу: «*Soapy had made his humble arrangements for his annual hegira to the Island*» [O. Henry]. В последующих срединных блоках (со второго по седьмой) главный герой использует всю свою изобретательность, чтобы претворить желаемое в реальность. Встреча с арестовавшим его полицейским (восьмой блок) и решение судьи (девятый блок) завершают «развитие» сюжета, который последовательно развёртывается, создавая ментальную целостность концептосферы, маркированной в заголовке словом *the Cop*.

Тогда как новое решение, выстраданное героем под влиянием гимна (*The Anthem*), который играет органист, не получает в тексте реализации. Повествователь создаёт в восьмом блоке лишь воображаемый в сознании Сопи возможный мир – мечту, но его размышления прерваны приходом полисмена. Показателен в этом отношении обрыв текста в момент, когда Сопи строит планы своей будущей жизни: «*He would find him tomorrow and ask for the position. He would be somebody in the world. He would –...*» [O. Henry].

Итак, второе ключевое слово заголовка – *the Anthem* – не получает развития, оставаясь в тексте рассказа ментальной сущностью. Поэтому по отношению к

тексту в целом, к его событийной канве ключевые слова заголовка *the Cop* и *the Anthem* не равнозначны. Будучи контрастными по семантике, они также маркируют противопоставление конструируемых на основе содержания текста двух концептуальных сущностей – «реальной» и воображаемой. Вопрос о том, насколько устойчивым становится для Сопи этот душевный переворот (*“Those solemn but sweet organ notes had set up a revolution in him”* [O. Henry]) неизвестно, смысл текста в целом остаётся открытым.

Композиционно между начальным фрагментом и двумя последними расположено шесть семантических блоков. От рассмотренных выше фрагментов эти семантические блоки отличаются типом речи. Каждый из них представляет собой повествовательную структуру с неизменным включением элементов описания или рассуждения. Границей между ними становится смена действий главного героя, которая сопровождается вовлечением в происходящее новых конкретных участников, а также иного места развития события. Следуя друг за другом, эти шесть смысловых блоков выстраиваются в повествование о приключениях главного героя.

Анализ показывает, что все повествовательные (событийные) ситуации, обладая конкретным содержанием, характеризуются некоторыми общими чертами их структурно-семантического строения. В каждую из них включается: 1) представление Сопи о задуманном им нарушении порядка, 2) развитие события, 3) поведение людей, стоящих на страже порядка, 4) эмоциональная оценка состояния Сопи и 5) осмысливание им перспектив в достижении цели.

В воображении героя задуманное им нарушение закона во всех случаях развивается по благоприятному сценарию. Ему не приходит в голову, что может быть альтернативное развитие ситуации. Он принимает решения спонтанно, нерационально, бесхитростно сосредоточивает

внимание на тех полезных сторонах ситуации, которые помогут ему в достижении главной цели. В связи с этим отметим сложный образ повествователя, голос которого то сочувственно сливается с голосом персонажа, то обнаруживает насмешку над мыслями своего героя, окрашивая его размышления в ироничные тона, что помогает читателю мысленно «опережать» Сопи в оценке складывающихся обстоятельств. Например, Сопи надеется, что ему удастся пробраться к столу в дорогом ресторане, так как часть его одежды выглядела прилично. Однако слова повествователя: *“Soapy had confidence in himself from the lowest button of his vest upward”* [O. Henry] не могут не вызвать у читателя предположения, что всё, скорее всего, сложится иначе. И действительно метрдотель сразу же увидел детали его наряда – *“his frayed trousers and decadent shoes”* [O. Henry], и Сопи был выставлен из ресторана.

Отметим, что, задумывая свои действия, главный герой только в двух из них наряду с основной целью (попасть в тюрьму) пытается извлечь конкретную для себя пользу, а именно – хорошо победить. В остальных же случаях он исходит из обстоятельств, которые, с его точки зрения, удобно и легко приспособить для нарушения закона.

Интересно, что события во всех семантических блоках выстраиваются в одинаковой последовательности: незначительное нарушение закона (стереотипное действие Сопи) – возникновение непредусмотренных стереотипом обстоятельств – действие какого-то персонажа по другому стереотипному сценарию или его бездействие, что по сути представляет собой отступление от стереотипа, с которым связаны надежды Сопи. В результате главный герой терпит неудачу. Например, после первой ситуации, когда ему помешали попасть в ресторан, Сопи оказывается на ярко освещённой с богатыми магазинами улице. Не раздумывая, он разбивает булыжником зеркальное

стекло, а когда появляется полицейский, Сопи предлагает ему свою кандидатуру как нарушителя порядка. Однако такое поведение не вписывается в стереотипное представление полицейского о нарушителях закона: *“Men who smash windows do not remain to parley with the law's minions”* [O. Henry], поэтому полицейский, не обращая внимания на Сопи, бросается в погоню за бегущим человеком.

Если в приведённом фрагменте стереотип разрушает сам Сопи фразой, обращённой к полицейскому, то в шестом смысловом блоке стереотипное действие героя не получает желаемого для него разрешения из-за особого поведения полицейского. В ответ на демонстрацию Сопи пьяной выходки – *“He danced, howled, raved and otherwise disturbed the welkin”* [O. Henry] – полицейский его не трогал, так как принял за одного из студентов, празднующих победу своей футбольной команды, а в этот день полицейские получили инструкцию их не задерживать.

Во всех рассматриваемых смысловых блоках, кроме второго, где Сопи даже не был допущен в дорогой ресторан, существует полицейский, но по разным причинам он не проявляет активных действий. В третьем семантическом блоке, как говорилось выше, полицейский не верит словам Сопи, указывающего на себя как на нарушителя. В четвёртом блоке, когда Сопи выкидывают из дешёвого ресторана за неуплату обеда, полицейский, по-видимому, не в первый раз наблюдавший подобное, лишь рассмеялся: *“A policeman ... laughed and walked down the street”* [O. Henry]. В пятом смысловом блоке полицейский внушает Сопи надежду на удачу своим обликом – *a large policeman, of severe demeanour*, чтобы *“feel the pleasant official clutch upon his arm”* [O. Henry].

Однако полицейский не вмешивается в развитие ситуации, он лишь наблюдает: *“the policeman was watching him fixedly”* [O. Henry]. В этом блоке подчёркивается эмоциональная напряжённость Сопи,

связанная с нужным ему сигналом, который могла подать женщина (*"had but to beckon a finger"* [O. Henry]), чтобы полицейский обратил внимание на его недостойное поведение. Однако *"The policeman was still looking"* [O. Henry], да и женщина объясняет, что не подошла раньше потому, что *"cop was watching"* [O. Henry]. В шестом блоке полицейский также равнодушен к демонстрации «пьяных» выходок Сопи: *"The policeman twirled his club, turned his back to Soapy"* [O. Henry]. В седьмом блоке Сопи даже призывает «владельца» зонта позвать полицейского: *"Well, why don't you call a policeman? I took it. Your umbrella! Why don't you call a cop? There stands one on the corner"* [O. Henry]. Его же собеседник не делает этого, а пускается в путаные объяснения. В это время полицейский лишь наблюдает за ними: *"The policeman looked at the two curiously"* [O. Henry]. Человек оставляет зонт Сопи и уходит, а у полицейского свои дела – *"The policeman hurried to assist a tall blonde in an opera cloak"* [O. Henry].

Особенностью событийных блоков является то, что в них не только содержатся компоненты, выражающие оценку отдельных предметов или явлений, как в первом и восьмом блоках, но и приводятся относительно развернутые характеристики состояния Сопи, навеянные событиями, а также оценки перспектив попасть на Остров. После первой неудачи даётся, скорее, констатация факта, чем оценка: *"It seemed that his route to the coveted Island was not to be an epicurean one"* [O. Henry]. Правда, Сопи не очень огорчается, а лишь думает, что надо искать другой путь. Однако уже в следующей ситуации настроение главного героя портится: *"Soapy, with disgust in his heart, loafed along, twice unsuccessful"* [O. Henry]. Затем неверие в успех нарастает: *"Arrest seemed but a rosy dream. The Island seemed very far away"* [O. Henry]. После неудачи при исполнении роли ловеласа его охватывает страх, паника при-

мысли, что он не добьётся желаемого: *"A sudden fear seized Soapy that some dreadful enchantment had rendered him immune to arrest. The thought brought a little of panic upon it"* [O. Henry]. Затем он приходит в отчаяние, и вера в успех затянутого дела становится всё призрачней: *"Would never a policeman lay hands on him? In his fancy the Island seemed an unattainable Arcadia"* [O. Henry]. В последнем событийном блоке степень ярости и отчаяния достигает предела: он гневно (*wrathfully*) швыряет в яму зонт, злобствует (*muttered*) в адрес полицейских. Подчёркивая силу чувств героя, автор вводит сравнение – *"they seemed to regard him as a king who could do no wrong"* [O. Henry], которое проясняет посредством статусной дистанции между Сопи и королём невероятное, по мнению Сопи, поведение полицейских в ответ на все его безобразные действия.

Таким образом, выделение семантических блоков, каждый из которых характеризуется тематической общностью, единством времени, места и участников события, типом речевой организации и использованием образных средств, позволяет рассматривать отдельные блоки как особые лингвокогнитивные структуры, которые обладают относительной самостоятельностью и целостностью, а их следование друг за другом постепенно раскрывает замысел автора.

Некоторые пути сопоставления оригинала и его переводов

Членение текста оригинала на смысловые блоки, каждый из которых обладает смысловой целостностью и определённой структурой, создаёт основу для выделения в переводах соответствующих им микроструктур. Это позволяет осуществлять сопоставление оригинала и перевода с опорой на целостные фрагменты текста.

Сопоставительный анализ трёх переводов рассматриваемого рассказа О. Генри (А. Н. Горлина, З. Д. Львовского, Е. В. Кайдаловой) показывает, что отли-

чие каждого из них от оригинала обусловлено не столько спецификой исходного и переводного языков, сколько осмыслением текста тем или иным переводчиком. С нашей точки зрения, именно интерпретация определённых смысловых блоков как целостной метальной сущности обуславливает разные переводческие решения. Это проявляется, например, в выборе названий тех или иных реалий, обозначенных в оригинале, или конкретного слова из синонимического ряда, имеющегося в языке перевода; в конструировании посредством языка перевода выразительно-изобразительного образа или в его трансформациях. Позиция переводчика проявляется в опущении определённых смысловых элементов как незначимых, с его точки зрения, или, напротив, введении в текст дополнительных слов ради усиления отдельных важных, по его представлениям, значений.

Отметим, что во всех трёх переводах представлены все смысловые блоки, однако это не означает, что в каждом из них сохраняются все эпизоды, входящие в оригинальный текст. В одной статье нет возможности представить полное сопоставление, поэтому приведём лишь отдельные направления анализа.

Обратимся к одной из существенных линий сюжета, раскрывающей отношение Сопи к ключевой фигуре рассказа – к полицейскому, ведь любой из них может, сам того не зная, помочь главному герою в решении его насущных проблем. Этой мыслью Сопи руководствуется практически на протяжении всего рассказа. Поэтому, разбив витрину, он улыбается приближающемуся полицейскому: *“smiled at the sight of brass buttons”* [O. Henry]. Два переводчика полностью передают радостное ожидание героя: А. Н. Горлина¹ использует глагол *улыбался*, З. Д. Львов-

ский² форму существительного *улыбкой*, оба переводчика сохраняют метонимическое именование стражи порядка – *медные пуговицы*. Однако Е. В. Кайдалова устраняет фигуру полицейского: *«Соупи спокойно стоял на месте, засунув руки в карманы и улыбаясь»*³ – в результате улыбка Сопи характеризует лишь его настроение, а состояние ожидания счастливой встречи с полицейским утрачивается.

Направленность внимания Сопи на полицейского развивается автором и в других эпизодах. Например, вопрос Сопи, заданный полицейскому, сопровождается словами автора: *“said Soapy, not without sarcasm, but friendly, as one greets good fortune”* [O. Henry]. Е. В. Кайдалова не переводит комментарии автора, хотя они ярко характеризуют своеобразное отношение героя к полицейскому. В переводах А. Н. Горлина и З. Д. Львовского передаются все эмоциональные оттенки, подчёркнутые автором: речь героя звучала *не без сарказма, но дружелюбно*, в предчувствии *великой удачи (счастливой судьбы)*. Опущение в переводе Е. В. Кайдаловой обозначенных в тексте неверbalных знаков, выражавших оптимизм и веру в успех задуманного, нарушает динамику в развитии настроения героя.

Благодушное состояние героя резко меняется, когда полицейский оставил его без внимания, и он вынужден был снова отправиться на поиски новых способов добиться желаемого: *“Soapy, with disgust in his heart, loafed along, twice unsuccessful”* [O. Henry]. Приведённые слова рас-

² Генри О. Полисмен и антифон / пер. с англ. З. Львовского. См.: О. Генри. Рассказы [Электронный ресурс] // Клуб Аудиокниг : [сайт]. URL: <https://audiokniga.club/552-ogenri-rasskazy.html> (дата обращения: 28.08.2021). Далее указывается фамилия переводчика.

³ Генри О. Тюремный хорал / пер. с англ. Е. Кайдаловой. См.: Родственные души. 10 рассказов в аудиоспектаклях // ЛитРес: библиотека электронных книг. URL: <https://www.litres.ru/vilyam-ogenri/rodstvennye-dushi-10-rasskazov-v-audiospektaklyah-4958503/> (дата обращения: 28.08.2021). Далее указывается фамилия переводчика.

¹ Генри О. Фараон и хорал / пер. с англ. А. Горлина // СТИХИ и ПРОЗА: литературный портал. URL: <http://poesias.ru/proza/ogenri/ogenri10054.shtml> (дата обращения: 20.08.2021). Далее указывается фамилия переводчика.

крывают значительное эмоциональное напряжение героя, высокую степень ожидания реакции на своё поведение со стороны полицейского. Интересно, что из возможных переводов слова *disgust*, определяющего чувства Сопи, Е. В. Кайдалова выбирает синоним, выражающий незначительную негативную окраску: «*Дважды неудачливый Соупи с чувством неудовольствия побрел дальше*» [Кайдалова]. В других переводах оценочный компонент отражает более сильные эмоции: «*Сопи с омерзением в душе побрел дальше... Вторая неудача*» [Горлин]; «*бедный Соапи с отвратительным осадком в душе побрел дальше, сознавая, что ему уже дважды не повезло*» [Львовский]. Обратим внимание на многоточие – знак, который указывает на незаконченность мысли, и на выделение значимой фразы в отдельное предложение в переводе А. Н. Горлина. В целом такое синтаксическое строение также способствует усилению эмоциональности передаваемой информации. Во втором переводе наблюдаемое расширение объёма высказывания, изменение синтаксической конструкции, добавление прилагательного, характеризующего героя (*бедный*), включение слова, подчёркивающего осмысление ситуации (*сознавая*), по-видимому, также обусловлено желанием сделать оценку заметнее и ярче.

В событийных смысловых блоках существенной интерпретации в текстах перевода могут подвергаться описания и характеристики действий героя. Рассмотрим отдельные эпизоды пятого смыслового блока. Начинается он лаконичным высказыванием: “*Five blocks Soapy travelled before his courage permitted him to woo capture again*” [О. Henry]. Близкий к оригиналу перевод находим в двух русских текстах – А. Н. Горлина и Е. В. Кайдаловой с той лишь разницей, что в первом из текстов состояние героя характеризуется посредством сочетания слов: *набрался мужества*, а во втором – сочетанием *набрался храбрости*.

В переводе З. Д. Львовского наблюдается увеличение текста за счёт иносказательного обозначения цели: «*Соапи прошел целых пять кварталов, прежде чем снова отважился на деяние, которое было сопряжено с надеждой на лишение свободы*» [Львовский]. Обратим внимание на употребление слова с высокой, книжной окраской *действие*, которое вступает в контекстуальное рассогласование со смыслом, заключённым в придаточной части предложения, чем достигается комический эффект. Этот же приём переводчик использует ещё в одном эпизоде данного смыслового блока: Сопи мечтает о том, «*что в самом непродолжительном времени он почувствует на своем плече плань полиции*» [Львовский] (“... that he would soon feel the pleasant official clutch upon his arm” [O. Henry]).

Примечательно и то, как названо действие, которое замышляет Сопи. У автора – это “*to assume the role* despicable and execrated «*masher*»” [O. Henry]. В двух переводах обозначается так же, как у автора, – «*сыграть роль*» с уточнением в одном из них словосочетанием «*уличного ловеласа*» [Горлин], а в другом – словом «*приставалы*» [Кайдалова]. Тогда как в переводе З. Д. Львовского этот эпизод воспроизводится иначе: «*Теперь план Соапи заключался в том, чтобы самым подлым образом пристать к женщине*» [Львовский]. Думается, при таком изложении утрачивается ассоциация с игрой, с несерьёзностью затеи. Отметим также, слово *план*, которое этот переводчик употребляет и в других смысловых блоках, значительно усиливает рациональность героя, обдуманность его замыслов и действий, что вряд ли ему присуще по замыслу автора. В этом же смысловом блоке перевода З. Д. Львовского содержатся и другие детали, направленные на актуализацию негативных черт в поведении героя. Например, переводчик при описании действий героя усиливает резкость его движений: Сопи «*подскочил к молодой женщине*» [Львовский], тогда

как у автора: “*sidled toward the young woman*” [O. Henry]. Другие переводчики, хотя и не вводят в текст признаков ‘робко, неуверенно’, всё же избирают нейтральные слова: «**направился** прямо к молодой женщине» [Горлин]; «**двинулся** в сторону женщины» [Кайдалова].

Следы переводческой интерпретации, разумеется, есть в каждом из рассмотренных переводов, однако этот вопрос требует особого рассмотрения. В данной статье мы остановились лишь на некоторых сопоставлениях отдельных параметров, которые существенны для передачи замысла тех или иных смысловых блоков. Анализ текстов оригинала и переводов с учётом деления их на соответствующие блоки нацелен не на выявление расхождений в употреблении отдельных языковых единиц, а на понимание смысла, образов, оценок, эмоций, на используемых автором приёмах создания подтекста. Следовательно, текст перевода даёт возможность выявить элементы интерпретации, а в случае нескольких переводов заметить различия в способах репрезентации смысла оригинала.

Заключение

Таким образом, выделение в оригинальном тексте смысловых блоков, обладающих относительной целостностью и самостоятельностью, представляется удобным инструментом для изучения текстов перевода. Такой подход даёт возможность, сопоставляя компактные смысловые блоки, выявлять особенности интерпретации переводчиком отдельных микротем, устанавливать не столько наличие трансформаций в языке перевода, сколько степень их влияния на формирование идеально-эстетического смысла, представленного в русских переводах. В перспективе на основе выявленных индивидуальных черт переводчика, проявившихся во всех смысловых блоках, могут быть установлены специфические черты, используемые определённым переводчиком в передаче идей оригинала. Возможности изучения особенностей интерпретации оригинального текста и проявления личностных предпочтений переводчика увеличиваются при сопоставлении разных переводов одного и того же оригинала.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Е. С. Параметры оценки качества перевода при передаче юмористического эффекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т 12. № 9. С. 353–356. DOI: 10.30853/filnauki.2019.9.72.
2. Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 1 (7). С. 45–51.
3. Вильданова Э. М., Гилязева Э. Н. Использование приемов выдвижения в рассказах О. Генри // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4 (78). С. 13–16.
4. Воронина Л. В., Скокова Т. Н. Концептуальная модель реконструкции смысла в авторском дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 41–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-41-49.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
6. Гудий К. А. От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20–23 мая 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. С. 99–103.
7. Докторевич И. С. О некоторых лингвистических средствах выражения комического в рассказах О. Генри // Университетские чтения – 2015: материалы научно-методических чтений ПГЛУ (Пятигорск, 13–14 января 2015). Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2015. С. 109–118.

8. Енбаева Л. В. Метатропы как показатели динамики идиостиля в произведениях О. Генри и их переводах на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-2 (67). С. 121–126.
9. Жданова Д. А. Язык, жизнь и игра в новеллах О. Генри // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2012. № 1. С. 113–129.
10. Засецкова Е. Н., Сидорова Л. А. Экспликация иронического смысла на лексическом уровне в малой прозе О. Генри // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. № 2 (86). С. 64–69.
11. Каменская И. Б. Проблема изофункциональности эмоционально-оценочного плана оригинала и перевода // Современные вопросы филологии и переводоведения: сборник научных трудов. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2018. С. 321–325.
12. Курячая Е. И. Разрушение стандарта как когнитивная доминанта идиостиля Б. Виана и способы ее препрезентации в тексте оригинала и перевода: автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
13. Кусова М. Л., Шаркунова О. В. Идиостилистические особенности референтных отношений в рассказе О. Henry “The Cop and the Anthem” // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 12. Филология и искусствоведение. С. 185–193.
14. Михеева С. В., Емцева Е. П. Способы перевода фразеологизмов в рассказах О. Генри // Современная филология: материалы IV Международной научной конференции (г. Уфа, 20–23 марта 2015 г.). Уфа: Лето, 2015. С. 111–114.
15. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: монография. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
16. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: монография. М.: Эдитус, 2012. 234 с.
17. Савченко Е. П. Когнитивные механизмы зарождения художественного образа и его воплощение средствами языка в тексте оригинала и в переводе (на материале произведений Я. Флеминга) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2012. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 14.08.2021).
18. Симашко Т. В., Литвинова М. Н. Как образуется метафора (деривационный аспект): монография. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1993. 218 с.
19. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.
20. Финкель С. М. «Ночная песня странника» Гете в русских переводах (Первая публикация) // Русский язык. 2001. № 13 (Библиотечка учителя. Выпуск XXI. Анализ текста. Ученые школе) [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200101307> (дата обращения: 14.08.2021).
21. Церцвадзе М. Г. Объект и предмет современного переводоведения // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21490716> (дата обращения: 14.08.2021).
22. Чалова Л. В., Фроленко К. А. Средства выражения комического для обучения чтению (на материале рассказов О. Генри) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № S12. URL: <http://e-konzept.ru/2016/76145.htm> (дата обращения: 14.08.2021).
23. Levinson J. Intention and Interpretation // Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Readings. An Anthology / eds. E. John, D. McIver Lopes. Oxford: Blackwell, 2007. 384 p.

REFERENCES

1. Abaeva E. S. [Parameters to assess literary translation quality when transferring humorous effect]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 9, pp. 353–356. DOI: 10.30853/filnauki.2019.9.72.
2. Alekseeva L. M. [Translation as a reflective activity]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, no. 1 (7), pp. 45–51.
3. Vil'danova E. M., Gilyazeva E. N. [The usage of emphasis techniques in O. Henry's stories]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 12-4 (78), pp. 13–16.
4. Voronina L. V., Skokova T. N. [The conceptual model of the meaning reconstruction in the author's discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvis-*

- tika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 6, pp. 41–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-41-49.
5. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 140 p.
 6. Gudii K. A. [From the original to translation: the problem of interaction between the author and the translator]. In: *Filologiya i lingvistika v sovremenном obshchestve: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (g. Moskva, 20–23 maya 2012 g.) [Philology and Linguistics in Modern Society: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, May 20–23, 2012)]. Moscow, Vash poligraficheskii partner Publ., 2012, pp. 99–103.
 7. Doktorevich I. S. [About some linguistic means of expressing the comic in the stories of O. Henry]. In: *Universitetkiye chteniya – 2015: materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU* (Pyatigorsk, 13–14 yanvarya 2015) [University readings – 2015: materials of scientific and methodological readings of PSLU (Pyatigorsk, January 13–14, 2015)]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2015, pp. 109–118.
 8. Enbaeva L. V. [Meta-tropes as the indicators of individual style dynamics in O. Henry's works and their Russian translations]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 1-2 (67), pp. 121–126.
 9. Zhdanova D. A. [Language, life and play in O. Henry's short stories]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 2012, no. 1, pp. 113–129.
 10. Zasetskova E. N., Sidorova L. A. [Explication of irony at lexical level in O. Henry's short stories]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2015, no. 2 (86), pp. 64–69.
 11. Kamenskaya I. B. [The problem of isofunctionality of the emotional-evaluative plan of the original and translation]. In: *Sovremennye voprosy filologii i perevodovedeniya* [Modern issues of philology and translation studies]. Cheboksary, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 321–325.
 12. Kuryachaya E. I. *Razrushenie standarta kak kognitivnaya dominanta idiotilya B. Viana i sposoby ee reprezentatsii v tekste originala i perevoda: avtoref. ... kand. filol. nauk* [Destruction of the standard as a cognitive dominant of B. Vian's idiosyncrasy and ways of its representation in the text of the original and translation: PhD thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2008. 24 p.
 13. Kusova M. L., Sharkunova O. V. [Referential relations in the short story by O. Henry “The cop and the anthem” as one of the spectrum of idiosyncrasy markers]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2012, no. 12. Philology and Art History, pp. 185–193.
 14. Mikheeva S. V., Emtseva E. P. [Ways of translating phraseological units in the stories of O. Henry]. In: *Sovremennaya filologiya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (g. Ufa, 20–23 marta 2015 g.) [Modern Philology: Materials of the IV International Scientific Conference (Ufa, March 20–23, 2015)]. Ufa, Leto Publ., 2015, pp. 111–114.
 15. Ogneva E. A. *Kognitivnoe modelirovanie kontseptsii khudozhestvennogo teksta* [Cognitive modeling of the concept sphere of a literary text]. Moscow, Editus Publ., 2013. 282 p.
 16. Ogneva E. A. *Khudozhestvennyi perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda* [Literary translation: challenges of transferring the components of the translation code]. Moscow, Editus Publ., 2012. 234 p.
 17. Savchenko E. P. [Cognitive mechanism of creating literal image and its linguistic presentation in the original and translated texts (based on the novels by I. Fleming)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2012, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 14.08.2021).
 18. Simashko T. V., Litvinova M. N. *Kak obrazetsya metafora (derivatsionnyi aspekt)* [How a metaphor is formed (derivational aspect)]. Perm, Perm University Publ., 1993. 218 p.
 19. Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of literary text]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya» Publ., 2009. 336 p.
 20. Finkel' S. M. [“Night song of the wanderer” by Goethe in Russian translations (First publication)]. In: *Russkiy yazyk* [Russian Language], 2001, No. 13 (Teacher's Library. Issue XXI. Text Analysis. School Scholars). Available at: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200101307> (accessed: 14.08.2021).

21. Tservadze M. G. [Object and subject of contemporary translation studies]. In: *APRIORI. Seriya: Gu-mnitarnye nauki* [APRIORI. Series: Humanities], 2014, no. 2. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21490716> (accessed: 14.08.2021).
22. Chalova L. V., Frolenko K. A. [Means of expression of the comic for learning to read (based on the short stories by O. Henry)]. In: *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»* [Scientific-methodological electronic journal “Koncept”], 2016, no. S12. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/76145.htm> (accessed: 14.08.2021).
23. Levinson J. Intention and Interpretation. In: John E., McIver Lopes D., eds. *Philosophy of Literature. Contemporary and Classic Readings. An Anthology*. Oxford, Blackwell, 2007. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симашко Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске;
e-mail: simashkotv@yandex.ru;

Чалова Лариса Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске;
e-mail: laro4@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana V. Simashko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Assoc. Prof., Department of General and Germanic Linguistics, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Branch in Severodvinsk; e-mail: simashkotv@yandex.ru;

Larisa V. Chalova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of General and Germanic Linguistics, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Branch in Severodvinsk; e-mail: laro4@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Симашко Т. В., Чалова Л. В. Структурирование художественного текста как основа для исследования его переводов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 110–123.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-110-123

FOR CITATION

Simashko T. V., Chalova L. V. Structuring of a literary text as a basis for the investigation of its translations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 110–123.
DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-110-123

УДК: 81'25

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-124-135

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ СРАВНЕНИЯ В ПЕРЕВОДАХ XIX ВЕКА РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Соловьева Е. А.

Южный федеральный университет

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42, Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования состоит в выявлении особенностей интерпретации ключевых лексических элементов образов анималистических сравнений в переводах XIX в. романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Процедура и методы. Основным источником русскоязычного материала послужил текст романа из академического издания 1954–1957 гг. произведений М. Ю. Лермонтова. Эмпирический корпус переводных текстов составили пять переводов романа, выполненных в XIX в. следующими переводчиками: А. А. Столыпиным (1843), Ж.-М. Шопеном (1853), Э. Шеффтером (1855), К. Мармье (1856); А. де Вилламари (1884). Дескриптивное исследование реализовано в рамках сравнительного семантико-функционального подхода. Для более детальной иллюстрации полученных данных дополнительно использовался приём обратного дословного перевода.

Результаты. Проведённый анализ выявляет особенности интерпретации ключевых лексических элементов образов анималистических компаративных конструкций в переводах XIX в., а также демонстрирует некоторые факторы, способные оказывать влияние на выбор лексического эквивалента.

Теоретическая значимость. Работа систематизирует сведения об анималистических сравнениях, присутствующих в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и его переводах на французский язык, а также конкретизирует мысль о важности ретроспективного исследования для комплексного изучения индивидуального стиля переводчика.

Ключевые слова: анималистические сравнения, перевод, М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», индивидуальный стиль переводчика, французский язык

ANIMAL SIMILES IN THE NINETEENTH-CENTURY FRENCH TRANSLATIONS OF MIKHAIL LERMONTOV'S NOVEL "A HERO OF OUR TIME"

E. Solovyeva

Southern Federal University

105/42 ulitsa Bolshaya. Sadovaya, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper focuses on rendering of the key lexical items of animal similes in the 19th century French translations of Mikhail Lermontov's novel "A Hero of our time" which enjoyed considerable popularity at the time and significantly influenced the development of Russian literature.

Methodology. An empirical corpus built for this research contains five French translations of the novel made by: A. A. Stolypin (1843), J.-M. Chopin (1853), E. Scheffter (1855), X. Marmier (1856), A. de Villamarie (1884). The main source of original text is Academic Edition of Lermontov's Works issued in 1954–1957. A comparative semantic and functional approach forms the framework for this descriptive study. The reverse translation serves for a more detailed and contrasted illustration of the collected data.

Results. The analysis reveals the principal features of interpretation of the key lexical items of animalistic similes in the five translations of Lermontov's novel and demonstrates some factors likely to influence the translator's choice of lexical equivalent.

Research implications. This research helps to systematize the animalistic similes which are present in the Russian text and its French translations. Furthermore, it highlights the importance of retrospective approach for a complex study of translator's individual style.

Keywords: animal similes, M. Lermontov, "A Hero of Our Time", translation, translator style, French language

Введение

Сравнение является способом постижения действительности и ярким проявлением мышления по аналогии, которое играет основополагающую роль в познании и понимании окружающего мира [9]. Рассматриваемое как лингвистическая категория, сравнение зиждется на логической операции установления сходства или различия между предметами или явлениями на основании имеющегося у них как минимум одного общего признака. Наиболее часто речь идет об установлении «бинарной аналогии» [11, p. 6], которая реализуется в языке в виде различных компаративных конструкций, в структуре которых можно выделить референт, т. е. предмет сравнения (или *thème*), образ сравнения (или *phore*), а также основание сравнения (общий признак сравниваемых реалий) [1, с. 10–13; 14, p. 502]. В зависимости от категориальной принадлежности предмета и образа, традиционно выделяют *простые* (однородные) и *образные* (гетерогенные) сравнения, последние широко используются в художественных текстах [7, p. 121–122].

По своей природе образные сравнения очень близки к метафорам, отличаясь от последних возможностью выражения в степенях сходства или различия, а также частым наличием эксплицитного сравнительного коннектора, который позволяет в рамках формальной логики

рассматривать сравнения как всегда истинные высказывания [6, p. 41].

В современном англоязычном переводоведении активное развитие получает дескриптивная парадигма, в которой выделяются три основных направления научного поиска: 1) *продукто-ориентированные* исследования (product-oriented descriptive translation studies), которые рассматривают перевод как результат переводческой деятельности и сконцентрированы на описании особенностей отдельно взятого перевода или серии переводов в сравнении с исходным текстом и/или друг с другом; 2) *функционально-ориентированные* (function-oriented) исследования, направленные на описание функции переводов в зависимости от социокультурной ситуации получателя; 3) *процессно-ориентированные* (process-oriented) исследования, посвященные рассмотрению перевода и анализа переводческих решений с точки зрения психологии и когнитивистики [12, p. 10–11].

Продукто-ориентированный подход стимулирует интерес к изучению индивидуального стиля переводчика как устойчиво воспроизводящейся «манеры перевода», свойственной тому или иному переводчику [16, p. 30–31]. С целью объективизации оценки и комплексного описания данного феномена учёные предпринимают попытки выявления независимых от оригинала последователь-

ностей слов («кластеров») в корпусах переводных текстов [10], а также исследуют различные повторяющиеся языковые и/или переводческие «мотивы» (“patterns”) [см., напр.: 4; 15].

Однако изучение данного феномена сталкивается с целым рядом сложностей, поскольку само понятие «стиль» отличается многоаспектностью. Так, например, Дж. Мандей рекомендует исследовать «стиль» с нескольких точек зрения: психологической (*psychological (mind style)*), идеологической (*ideological*), пространственно-временной (*spatio-temporal*) и фразеологической (*phraseological*) [13, р. 24–28].

Наряду с этим, всё более осознаётся важность исторического и культурного контекстов на понимание и перевод исходного текста [8], в связи с чем ретроспективное исследование переводов можно рассматривать как важную составляющую дескриптивных исследований.

Актуальность и методы исследования

Наряду с метафорами, гетерогенные сравнения являются яркой демонстрацией универсального когнитивного механизма и могут служить для выявления специфики авторской картины мира [2]. Их адекватное воссоздание в переводных текстах необходимо для сохранения художественной целостности произведения. Однако если возможные грамматико-синтаксические трансформации, возникающие при переводе компаративных конструкций, в значительной степени могут быть обусловлены существующими межъязыковыми различиями, то понимание и передача образного компонента (*phore*) преимущественно зависит от личного когнитивного опыта и мировоззрения переводчика. По данной причине анализ воссоздания в переводных текстах образов сравнения представляет важным для изучения индивидуального стиля переводчика. Целью настоящей работы стало выявление особенностей

интерпретации ключевых лексических элементов (далее КЛЭ) образов анималистических сравнений в переводах XIX в. романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Под КЛЭ мы понимаем лексическую единицу, которая во взаимосвязи со своим референтом образует единицу перевода и играет ведущую роль в идентификации и категоризации образа компаративной конструкции.

В эмпирический корпус были включено пять переводов, выполненных на протяжении XIX в. следующими переводчиками: Алексеем Аркадьевичем Столыпином¹; Жаном-Мари Шопеном (Jean-Marie Chopin)²; Эдуардом Шеффтером (Edouard Scheffter)³; Ксавье Мармье (Xavier Marmier)⁴; Альбером де Вилламари (Albert de Villamarie)⁵. Основным русскоязычным источником стал текст романа из академического издания 1954–1957 гг. произведений М. Ю. Лермонтова⁶.

Отбор материала из оригинального текста производился методом сплошной

¹ Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase / Trad. du russe par A. A. Stolipine // Démocratie pacifique. Paris, 1843. 29 sept.– 4 nov. Далее указывается фамилия автора перевода и дата выпуска газетного номера.

² Bela, ou Un héros de notre époque. Nouvelle cirassienne. Choix de nouvelles russes de Lermontof, Pouchkine, von Wiesen etc. / Trad. du russe par J. N. Chopin. Paris : Reinwald, 1853. Р. 1–202. Далее указывается фамилия автора перевода и номер страницы цитируемого издания.

³ Petchorine, ou Un héros d'aujourd'hui. Scènes de la vie russe dans le Caucase / Trad. de Edouard Scheffter // Le Mousquetaire. Journal de Alexandre Dumas. Paris, 1855, 23 janv. –18 févr. Далее указывается фамилия автора перевода и номер выпуска газеты.

⁴ Un héros de notre temps // Au bord de la Néva. Contes russes traduits par X. Marmier. Paris: Lévy, 1856. Р. 5–208. Далее указывается фамилия автора перевода и номер страницы цитируемого издания.

⁵ Un héros de notre temps / Trad. du russe par A. de Villamarie. Paris Librairie parisienne E. Giraud, 1884 [Paris: P. V. Stock, 1904], XII, 355 р. Далее указывается фамилия автора перевода и номер страницы цитируемого издания.

⁶ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т.; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). Т. 6. Проза. Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 202–347. Далее – Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени.

выборки. Дескриптивное исследование переводов реализовано в рамках сравнительного семантико-функционального подхода. В качестве дополнительного метода, служащего для более детальной иллюстрации полученных данных использовался приём обратного дословного перевода. Общий объём выборки, полученной из переводных текстов, составил 144 микроконтекста. Несмотря на наличие лакун, только в одном случае фрагмент текста, содержащий предложение с анималистическим сравнением в оригинале, был опущен при переводе (переводчик Ж.-М. Шопен).

Анималистические сравнения в романе и его переводах

Анализ исходного текста свидетельствует, что анималистические сравнения являются одними из наиболее часто встречаемых в романе. Всего было выявлено 31 сравнение в 29 микроконтекстах оригинального текста. Полученная эмпирическая выборка отличается заметным разнообразием. Предметом сравнения может выступать не только человек (58% от общей выборки), но и животное (10%), а также неживые объекты и природные явления (32%). Для актуализации образов сравнений автор привлекает КЛЭ, номинирующие различных представителей фауны, их части тела и даже продукты жизнедеятельности животного. В одном случае сравнение имеет обобщающий характер. В частности, М. Ю. Лермонтов обращается к следующим лексическим единицам: *змея* (4 употребления, из них 2 раза во множественном числе); *птица* (4, из них одно с использованием диминутива *птичка*); *кошка* (3); *серна* (3); *собака* (2); *стадо* (1); *барс* (1); *голубь* (1); *грива* (1); *заяц* (1); *зверь* (1); *муха* (1); *коршун* (1); *крылья* (1); *крыло морской чайки* (1); *лошадь* (1); *орел* (1); *паутина* (1); *утка* (1); *хвост* (1). В основе компаративных конструкций лежит выделение характерных признаков, позволяющих сформировать аналогии, а составляющие

сравнение КЛЭ могут обладать заметным семиотизирующим потенциалом.

В структурном плане преобладают сравнения, образ которых актуализирован существительным в именительном падеже – 22 сравнения (71% от общей выборки). В 26% случаев (8 сравнений), существительному, образующему образ сравнения, предшествует определение, выраженное прилагательным.

Наиболее частотным коннектором выступает сравнительный союз *как*, с его помощью образовано 23 сравнения (74% от общей выборки). В качестве других коннекторов также используются: *будто* (2 употребления), *словно* (1), *точно* (1), *подобно* (1), *подобный* (1). Одно сравнение, выражющее степень выраженности признака, образовано без помощи коннектора: «Легче *птички* она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан ...»¹. Кроме того, в одном случае, два бинарных сравнения объединяются в одно общее предложение с одним коннектором. Процитируем: «... *усы его* и *брови* были черные – признак породы в человеке, так, как *черная грива* и *черный хвост* у белой лошади»².

Наблюдения показывают, что в значительном числе случаев, для воссоздания образов компаративных конструкций переводчики подбирают лексические эквиваленты, близкие к оригиналальным. В частности, отсутствие существенной переводческой вариативности и буквальная актуализация КЛЭ образа сравнения во всех анализируемых переводах имеет место при передаче 10 сравнений (32% от общей выборки). Рассмотрим примеры из табл. 1.

В процитированных в табл. 1 контекстах весьма разнородные предметы сравнения (княжна Мери, лошадь Казбича) уподобляются представителям животного мира из класса птиц. Голубь символизирует чистоту и непорочность, а сравне-

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. С. 266.

² Там же. С. 243.

Таблица 1 / Table 1

**Переводческие решения, передающие сравнения с представителями класса птиц /
Translators' choices used for rendering the comparisons with representatives of the bird class**

Лермонтов	Она мне объявила, что дочь ее невинна, как голубь ¹ .	Как птица нырнул он между ветвями ... ²
Столыпин	Elle m'a confié que la jeune princesse était pure comme une colombe ³ .	Il se lança à travers les branches, comme un oiseau ⁴ .
	Она мне доверительно сообщила, что княжна чиста как голубь.	Он бросился сквозь ветви, как птица.
Шопен	Elle m'a dit que Mary avait l'innocence d'une colombe ... ⁵	Son vol parmi les branches était celui de l'oiseau ... ⁶
	Она мне сказала мне, что Мери имела невинность голубя ...	Его полет среди ветвей был полётом птицы.
Шеффтер	Elle m'a confié que sa fille est innocente comme une colombe ⁷ .	Il vola comme un oiseau à travers le fourré ... ⁸
	Она мне доверительно сообщила, что ее дочь невинна, как голубь.	Он летел как птица сквозь чащу ...
Мармье	Elle m'a annoncé que sa fille avait l'innocence d'une colombe ⁹ .	Le généreux animal se précipite avec la légèreté d'un oiseau à travers les ronces et les épines ... ¹⁰
	Она мне объявила, что ее дочь имела невинность голубя.	Отважный зверь мчится с лёгкостью птицы сквозь колючки и шипы ...
де Вилламари	Elle m'a déclaré, par exemple, que sa fille était innocente comme une colombe ... ¹¹	Comme un oiseau, il plongea au milieu des branches ... ¹²
	Она мне объявила, например, что её дочь невинна как голубь ...	Как птица он нырнул среди ветвей ...

ние с привлечением гиперонима *птица* даёт возможность наглядно представить скоростные качества лошади. Общность знаний и отсутствие межкультурных расхождений, препятствующих восприятию образных аналогий, позволяют переводчикам достаточно близко и однообразно передавать вышеперечисленные уподобления. Использование в переводах дополнительных образных средств таких,

как, например, существительного *vol* (полёт) и глагола *voler* (летать), обычно не противоречит контексту и способствует эстетическому восприятию компаративных конструкций.

Тем не менее, некоторые особенности функционирования ЛЕ принимающего языка могут оказывать влияние на выбор лексического эквивалента. Так, обращение к ЛЕ *colombe* (голубь; голубка) обусловлено не столько гендерной принадлежностью предмета сравнения (*княжна Мери*), сколько семантическим объёмом и узусом использования лексемы. Во французском языке ЛЕ *colombe* служит не только для совокупного называния данной биологической разновидности птиц и обозначения самки голубя¹³, но и используется с древних времён для акту-

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. С. 272.

² Там же. С. 212.

³ Stolipine, 13 Oct.

⁴ Stolipine, 30 Sept.

⁵ Chopin, p. 102.

⁶ Chopin, p. 14.

⁷ Scheffter, № 35.

⁸ Scheffter, № 24.

⁹ Marmier, p. 111.

¹⁰ Marmier, p. 19.

¹¹ de Villamarie, p. 157.

¹² de Villamarie, p. 25.

¹³ См.: Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения: 01.07.2021).

Таблица 2 / Table 2

Переводческие решения, передающие сравнение с мухой / Translators' choices used for rendering the comparison with a fly

Лермонтов	... Поделом же тебе! околевай себе, как муха ... ¹
Столыпин	... C'est de ta faute si tu es tué comme une mouche ²
	Это твоя вина, если ты будешь убит как муха.
Шопен	Au reste, cela te regarde ! Fais-toi tuer comme une mouche ³
	Впрочем, это твоё дело! Давай себя убить как муху ...
Шеффтер	À présent, vous ne pouvez blâmer que vous-même s'ils vous font mourir comme une mouche ! ⁴
	А теперь вы можете винить только себя, если вас умрят как муху !
Мармье	A présent c'est ton affaire, si tu te laisses abattre comme une mouche ⁵ .
	А теперь это твоё дело, если ты позволишь себя прикончить, как муху .
де Вилламари	C'est ton affaire, maintenant ! tu te feras tuer comme une mouche ! ⁶
	Сейчас это твоё дело! Ты дашь себя убить как муху !

ализации голубя, как символа чистоты и мира [5, p. 40].

Схожую «прозрачность» для инокультурного реципиента представляет также сравнение с представителем класса насекомых (см. табл. 2).

Благодаря наличию во французском языке похожих устойчивых образных уподоблений *mourir / tomber / crever comme (des) mouches* (досл. умереть / погибнуть / околеть как мухи – умереть / погибнуть / околеть в большом количестве) и *écraser qqn comme une mouche* (досл. раздавить кого-либо как муху – уничтожить кого-либо)⁷, интерпретация образа сравнения процитированной компаративной конструкции также отличается буквальностью и достаточным однообразием переводческих решений. Наряду с этим нельзя не отметить, что изменение формы обращения на *вы*, вместо *ты* в переводе Э. Шеффтера, вносит за-

метное стилевое несоответствие в сравнении с оригиналом.

Близкая к буквальной актуализация КЛЭ образов сравнений наблюдается в тех случаях, когда лексическими эквивалентами выступают синонимы, употребление которых в обиходных ситуациях чётко не регламентируется. В таких случаях переводческая вариативность реализуется в рамках предпочтения синонима, которое определяется индивидуальным восприятием художественного контекста. Это, в частности, касается интерпретации трёх компаративных конструкций: *как хищный зверь; как дикий барс; подобный крылу морской чайки*. Рассмотрим перевод процитированных примеров более подробно. В первом случае автор несколько иронично уподобляет хищному животному влюблённого Грушницкого, который повсюду преследует княжну Мери. Для интерпретации сравнения А. А. Столыпин и Э. Шеффтер прибегают к эксплицирующему нейтрально-описательному переводу, тогда как остальные переводчики, стремясь сохранить оригинальное уподобление, обращаются к таким эквивалентам, как: *comme un animal carnassier* (Ж.-М. Шопен) / *comme une bête sauvage* (К. Мармье) / *comme une bête féroce* (А. де Вилламари). Перечислен-

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. С. 330.

² Stolipine, 21 Nov.

³ Chopin, p. 178.

⁴ Scheffter, № 48.

⁵ Marmier, p. 196.

⁶ de Villamarie, p. 276.

⁷ См.: Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения : 01.07.2021).

ные французские ЛЕ являются синонимами, различающимися семантическим объёмом и коннотативным значением. ЛЕ *animal carnassier* более конкретно называет хищника, питающегося исключительно плотью своих жертв¹. Номинация *bête fauve* делает акцент на рыжеватом окрасе животного и соотносится не только с хищниками семейства кошачьих, но и с некоторыми дикими жвачными животными². Словосочетание *bête féroce* служит для обозначения дикого зверя, способного атаковать и убивать человека и животных³. Последнее словосочетание относительно часто встречается различных фольклорных произведениях и фантастических историях, в которых оно обычно актуализирует устрашающего реального или вымышленного зверя. Наряду с этим, все перечисленные лексические единицы могут употребляться в переносном значении для презентации буйного, свирепого, жестокого и ненасытного человека. В целом их использование в переводных текстах позволяет воссоздать исходное сравнение.

Уподобляя Казбича *дикому барсу*, автор, несомненно, подразумевает переднеазиатского леопарда (кавказского барса), который в то время был повсеместно распространён на территории региона. Это единственное из выявленных сравнений, КЛЭ которого отсылает к представителю животного мира, типичного исключительно для стран Азии. Наряду со снежным барсом (ирбисом), переднеазиатский леопард является представителем рода пантер и издревле служит

одним из символов Кавказа, воплощающим собой отвагу и храбрость. Его актуализация в переводных текстах происходит при помощи следующих эквивалентов: *comme un léopard furieux* (Ж.-М. Шопен); *comme une panthère sauvage* (Э. Шеффтер); *comme une panthère* (К. Мармье); *comme une panthère furieuse* (А. де Вилламари). А. А. Столыпин опускает перевод данного уподобления.

Обращение к билингвальным словарям позапрошлого столетия свидетельствует, что рекомендуемыми аналогами лексемы *барс* обычно служили ЛЕ *леопард* и *пантера*⁴. Поэтому, несмотря на то что формально ЛЕ *пантера* является гиперонимом по отношению к лексеме *барс*, её использование нельзя рассматривать как проявление универсальной тенденции переводческого упрощения [3, p. 26–27], поскольку в данном случае переводчики избирают один из рекомендуемых синонимов. Предпочтение Ж.-М. Шопеном лексемы *léopard* может быть обусловлено её принадлежностью к мужскому роду. Что же касается выбора прилагательного, то обращение к ЛЕ *furieux* (разъярённый; яростный; бешеный) вместо *sauvage* (дикий) не противоречит авторской концепции персонажа и позволяет подчеркнуть необузданность характера и поведения Казбича.

Попутно отметим, что существующая во французском языке лексема *once* более специально номинирует не кавказского, а снежного барса (*panthère des neiges*)⁵. Кроме того, в качестве её русскоязычного эквивалента в словарях XIX в. иногда указывается ЛЕ *бабр*⁶, которая обычно ис-

¹ См.: Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL : <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения : 01.07.2021).

² См.: Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL : <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения: 01.07.2021); Dictionnaire Larousse [Электронный ресурс]. URL : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue/> (дата обращения: 01.07.2021).

³ См.: Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения: 01.07.2021).

⁴ См.: Рейф К. Ф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон Русского языка. СПб., 1835. С. 19; Эртель В. А. Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников. СПб., 1842. Т. 1-2 ; Т. 2. С. 13, 135.

⁵ См.: Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения : 01.07.2021).

⁶ Эртель В. А. Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников. СПб., 1842. Т. 1-2; Т. 2. С. 115.

пользовалась для собирательного обозначения хищника, подобного льву, например, амурского тигра¹. Можно полагать, что данное билингвальное соответствие, присутствующее, в частности, в словаре В. А. Эртеля, обусловлено ошибочным соотнесением старорусской лексемы *бабр* со снежным барсом (ранее *Felis uncia*), на которое указывает В. И. Даль². Наряду с этим, лексема *once* омонимична единице измерения массы (унция), что, в целом, возможно, не способствует её использованию в данном художественном контексте.

В последней из перечисленных компаративных конструкций, автор уподобляет парус *крылу морской чайки*. В основе образа сравнения лежат белый цвет паруса и крыла птицы, а также их движение над поверхностью моря. В переводных текстах интерпретация образа сравнения происходит с использованием следующих эквивалентов: *ailes de la mouette* (А. А. Столыпин); *aile d'une mouette* (К. Мармье); *aile d'un goéland* (А. де Вилламари). Лексемы *mouette* и *goéland* служат для обозначения водоплавающих птиц семейства чайковых. Как правило, первая лексическая единица номинирует более мелких птиц, а вторая – более крупных³. Вне специальных контекстов их использование зачастую смешивается и обе лексемы функционируют в качестве синонимов. Небезынтересно отметить, что некоторые билингвальные словари XIX в. соотносят ЛЕ *goéland* (ранее *goëland*) исключительно с такой птицей как *каенский водорез*⁴, что тоже, возможно, могло оказывать влияние на выбор переводчиков. В переводе Ж.-М. Шопена фрагмент текста, содержащий данное сравнение опущен, а Э. Шеффтер актуализирует об-

раз сравнения при помощи словосочетания *aile du pétrel* (досл. крыло буревестника). Однако избранный переводчиком функциональный эквивалент заметно изменяет авторскую трактовку, поскольку за исключением особей, обитающих в северных и арктических областях, буревестники имеют преимущественно тёмный окрас оперения. Кроме того, в народных поверьях буревестники традиционно считались предвестниками непогоды и даже «птицами дьявола» (“*oiseaux du diable*”)⁵, что привносит в образ сравнения дополнительный коннотативный компонент, отличный от авторского.

Избираемые решения для интерпретации КЛЭ образа сравнения остальных 18 компаративных конструкций отличаются разнообразием и варьируются от практически буквальных актуализаций, до реализации различных трансформаций, среди которых выявляются следующие приёмы: подбор функционального эквивалента, опущение, конкретизация, генерализация, экспликация и компенсация. Три последних приёма встречаются в единичных случаях. Рассмотрим в качестве примера перевод двух сравнений, содержащих в своей структуре идентичный КЛЭ образа. Процитируем: 1) «... но она, как змея, скользнула между моими руками»⁶; 2) «Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал ...»⁷.

В первом случае автор сравнивает со змей девушки-контрабандистку, которая ловко выскользывает из объятий Печорина. Во втором, референтом сравнения выступает атмосферное явление – скопления взвешенных в воздухе водяных капель (туманы), перемещение которых уподобляется движениям змей. Несмотря на достаточную прозрачность обра-

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.-М., 1880. С. 35.

² Там же. С. 35.

³ См.: *Trésor de la Langue Française informatisé* [Электронный ресурс]. URL : <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения : 01.07.2021).

⁴ Эртель В. А. Французско-русский словарь, извлеченный из новейших источников. СПб., 1841. Т. 1-2 ; Т. 1. С. 467.

⁵ Rennie J. Architecture des Oiseaux / traduit de l'anglais par M. H.-J. Gouraud. Lyon : Périsse frères, 1836. Р. 27–28.

⁶ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. С. 257.

⁷ Там же. С. 223.

за в обоих процитированных примерах, переводческие решения довольно разнообразны, а выбор лексического эквивалента, служащего для актуализации образа, в некоторой степени определяется контекстом и основанием сравнения:

1) *comme un serpent* – как змея (А. А. Столыпин, 08 Oct., Ж. М. Шопен, p. 81); *pareille à un serpent* – подобная змее (Э. Шеффтер, № 33); *comme une couleuvre* – как уж / полоз (К. Мармье, p. 89, А. де Вилламари, p. 125);

2) *des brouillards épais, serpentant sur les flancs des montagnes, couraient se réfugier ...* – густые туманы, змеящиеся по склонам гор, бежали укрыться ... (А. А. Столыпин, 02 Oct.); *les brouillards, ... comme des reptiles gigantesques* – туманы ... как гигантские рептилии (Ж.-М. Шопен, p. 29); *le brouillard, ... semblable à un serpent gigantesque* – туман, ... похожий на гигантскую змею (Э. Шеффтер, № 26); *les nuages, ... comme des serpents se dévidaient et se traînaient sur le bord des rocs* – облака ... как змеи расплетались и ползали по краю скал (К. Мармье, p. 35); *les brouillards ... comme des serpents* – туманы ... как змеи (А. де Вилламари, p. 48).

ЛЕ *serpent* (досл. змея), обладающая значительным семиотическим резервом, достаточно часто используется во французских компаративных конструкциях, позволяя подчеркнуть наличие у референта сравнения физических или нравственных качеств, приписываемых этому животному. Например: *se glisser / se tordre comme un serpent* (проскальзывать / извиваться как змея); *souple comme un serpent* (гибкий, как змея); *prudent comme un serpent* (осторожный, как змея)¹. В художественных текстах ЛЕ *serpent* может также служить для обозначения коварного и злого человека². Таким образом, обра-

щение к данной ЛЕ вполне согласуется с авторским замыслом, согласно которому персонаж, присутствующий в первом сравнении, отличается физической ловкостью и потенциальной опасностью. В отличие от лексемы *serpent*, которая может соотноситься как с опасной (ядовитой), так и с безопасной для человека змей, ЛЕ *couleuvre* актуализирует ужа или полоза – распространённых представителей неядовитых змей. Французская ментальность ассоциирует с этими животными такие качества, как ловкость, гибкость и лень: *être habile, souple, paresseux comme une couleuvre*³. Соответственно, конкретизирующий перевод с использованием ЛЕ *couleuvre* делает акцент на физической проворности персонажа, однако отчасти нивелирует сопутствующую коннотативную опасность, присутствующую в оригинальном сравнении.

Для интерпретации второго уподобления, А. А. Столыпин прибегает к компенсирующему переводу путём использования причастия *serpentant*, внутренняя форма которого в достаточной степени передаёт идею об извилистом, змеоподобном движении тумана. Ж.-М. Шопен обращается к гиперониму *reptiles* (рептилии), в сочетании с дополнительной характеристикой *gigantesques* (огромные; гигантские). Аналогичную дополнительную характеристику включает в свой перевод и Э. Шеффтер. С биологической точки зрения к рептилиям (пресмыкающимся) относятся не только змеи, однако в обиходной речи XIX столетия, ЛЕ *reptile* (рептилия) зачастую выступала синонимом лексемы *serpent* (змея)⁴, поэтому можно полагать, что данная переводческая генерализация не являлась для современников существенным препятствием для восприятия исходного образа сравнения. Небезынтересно отметить, что в переводе К. Мармье определённой трансформации

¹ См.: Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL : <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения : 01.07.2021).

² Dictionnaire Larousse [Электронный ресурс]. URL : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-mono-lingue/> (дата обращения : 01.07.2021).

³ См.: Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. URL : <http://atilf.atilf.fr/tlfv3.htm> (дата обращения : 01.07.2021).

⁴ См.: Там же.

подвергается также и референт сравнения (*туманы*), для актуализации которого используется близкий функциональный эквивалент *nuages* (облака).

В целом, анализ переводных текстов свидетельствует, что тенденция к буквальной передаче КЛЭ образов анимативной

листических уподоблений, (включая рассмотренные выше случаи выбора синонима), является доминирующей. Однако регулярность её использования варьируется в зависимости от переводчика. Более подробное распределение представлено в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Буквальная интерпретация КЛЭ анималистического сравнения / Literal interpretation of the key lexical equivalent of animal similes

Референт	Кол-во	Столыпин	Шопен	Шеффтер	Мармье	де Вилламари
человек	18	8	14	17	16	15
прочие	13	6	9	6	9	10
всего сравнений	31 (100%)	14 (45%)	23 (74%)	23 (74%)	25 (81%)	25 (81%)

Источник: данные автора

Другой заметной трансформацией, реализуемой при переводе КЛЭ анималистических сравнений, является подбор функционального эквивалента. С помощью этого приёма передано от 3% (К. Мармье) до 16% (А. А. Столыпин) выявленных уподоблений. Что же касается опущения, то оно наиболее характерно для перевода А. А. Столыпина, в котором отсутствует 8 из 31 проанализированных компаративных конструкций (26%).

Выводы

Присутствующие в романе анималистические уподобления отражают особенности эстетического мышления автора и служат проводниками его творческого замысла. За единственным исключением КЛЭ образов сравнений соотносятся с представителями фауны, распространёнными как в России, так и в Европе, что способствует их адекватному восприятию франкоязычными реципиентами.

Проведённый анализ переводных текстов позапрошлого столетия позволяет выделить следующие особенности интерпретации КЛЭ образов выявленных анималистических компаративных конструкций:

1) стремление к их буквальному или очень близкому воссозданию, которое наиболее регулярно проявляется при передаче сравнений, соотносящихся с человеком (см. табл. 3);

2) отсутствие существенной переводческой вариативности при передаче 32% проанализированных уподоблений;

3) определённое влияние контекста, основания сравнения, а также особенностей языкового узуса эпохи на выбор лексического эквивалента;

4) наличие переводческой вариативности, иногда реализующейся в рамках выбора синонима;

5) более частое отклонение от буквы текста при передаче КЛЭ сравнений в переводе А. А. Столыпина, которое можно рассматривать как один из потенциальных маркеров его переводческой индивидуальности.

В заключение необходимо отметить, что проведённое исследование демонстрирует значимость ретроспективного анализа воссоздания образных сравнений в переводных текстах для всестороннего изучения индивидуального стиля переводчика.

Статья поступила в редакцию 22.09.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии: монография. Л.: Проповедование, 1978. 159 с.
2. Правда Е. А. Картина мира поэтов М. Ю. Лермонтова и И. С. Тургенева сквозь призму сравнения // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 11–18.
3. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London, New York: Routledge, 1992. 304 p.
4. Baker M. Towards a methodology for investigating the style of literary translator // Target. 2000. Vol. 12. Iss. 2. P. 241–266. DOI: 10.1075/target.12.2.04bak.
5. Cair-Hélon O. Les animaux de la Bible : allégories & symboles. France : Editions du Gerfaut, 2004. 165 p.
6. Davidson D. What metaphors mean // Critical inquiry. 1978. Vol. 5. No. 1. P. 31–47.
7. Dupriez B. Les procédés littéraires : Dictionnaire. Paris : Union générale d'éditions, 1984. 552 p.
8. Gravelle G. Bible Translation in Historical Context: The Changing Role of Cross-Cultural Workers // International Journal of Frontier Missiology. 2010. Vol. 27. No. 1. P. 11–20
9. Hofstadter D., Sander E. Surfaces and essences: Analogy as the fuel and fire of thinking. New York: Basic Books, 2013. 578 p.
10. Mastropierro L. Key clusters as indicators of translator style // Target. International Journal of Translation Studies. 2018. Vol. 30. Iss. 2. P. 240–259. DOI: 10.1075/TARGET.17040.MAS.
11. Monneret Ph. Essais de linguistique analogique. Dijon : Abell, 2004. 169 p.
12. Munday J. Introducing translation studies: Theories and applications; 4th ed. New York: Routledge, 2016. 376 p.
13. Munday J. Style and Ideology in Translation. New York, London: Routledge, 2008. 261 p.
14. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. Traité de l'argumentation. La Nouvelle Rhétorique ; 3e éd. Bruxelle : Éditions de l'université de Bruxelles, 1976. 734 p.
15. Saldanha G. Style in, and of, translation // A Companion to Translation Studies / ed. Sandra Berman, Catherine Porter. Chichester: Blackwell-Wiley, 2014. P. 95–106.
16. Saldanha G. Translator style: Methodological considerations // The Translator. 2011. Vol. 17. No. 1. P. 25–50. DOI: 10.1080/13556509.2011.10799478.

REFERENCES

1. Ogol'tsev V. M. *Ustoichivye sravneniya v sisteme russkoi frazeologii* [Stable comparisons in the system of Russian phraseology]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1978. 159 p.
2. Pravda E. A. [World picture of poets M. Y. Lermontov and I. S. Turgenev through the prism of comparison (experience of comparative analysis)]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2018, no. 3, pp. 11–18.
3. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London, New York, Routledge, 1992. 304 p.
4. Baker M. Towards a methodology for investigating the style of literary translator. In: *Target*, 2000, vol. 12, iss. 2, pp. 241–266. DOI: 10.1075/target.12.2.04bak.
5. Cair-Hélon O. Les animaux de la Bible : allégories & symboles. France, Editions du Gerfaut, 2004. 165 p.
6. Davidson D. What metaphors mean. In: *Critical inquiry*, 1978, vol. 5, no. 1, pp. 31–47.
7. Dupriez B. Les procédés littéraires : Dictionnaire. Paris, Union générale d'éditions, 1984. 552 p.
8. Gravelle G. Bible Translation in Historical Context: The Changing Role of Cross-Cultural Workers. In: *International Journal of Frontier Missiology*, 2010, vol. 27, no. 1, pp. 11–20
9. Hofstadter D., Sander E. Surfaces and essences: Analogy as the fuel and fire of thinking. New York, Basic Books, 2013. 578 p.
10. Mastropierro L. Key clusters as indicators of translator style. In: *Target. International Journal of Translation Studies*, 2018, vol. 30, iss. 2, pp. 240–259. DOI: 10.1075/TARGET.17040.MAS.
11. Monneret Ph. Essais de linguistique analogique. Dijon, Abell, 2004. 169 p.
12. Munday J. Introducing translation studies: Theories and applications; 4th ed. New York, Routledge, 2016. 376 p.
13. Munday J. Style and Ideology in Translation. New York, London, Routledge, 2008. 261 p.
14. Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. Traité de l'argumentation. La Nouvelle Rhétorique ; 3e éd. Bruxelle, Éditions de l'université de Bruxelles, 1976. 734 p.

15. Saldanha G. Style in, and of, translation. In: Berman S., Porter C., eds. *A Companion to Translation Studies*. Chichester, Blackwell-Wiley, 2014, pp. 95–106.
16. Saldanha G. Translator style: Methodological considerations. In: *The Translator*, 2011, vol. 17, no. 1, pp. 25–50. DOI: 10.1080/13556509.2011.10799478.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьева Евгения Анатольевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета;
e-mail: e_rossignol@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8796-6059

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Solovyeva – Cand. Sci. (Philology), Lecturer, Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University;
e-mail: e_rossignol@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8796-6059

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьева Е. А. Анималистические сравнения в переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 124–135.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-124-135

FOR CITATION

Solovyeva E. A. Animal similes in the nineteenth-century French translations of Mikhail Lermontov's novel "A hero of our time". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 124–135.

DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-124-135

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА ШАХОВСКОГО

26 января ушёл из жизни Виктор Иванович Шаховский – известнейший лингвист, эрудит высочайшего класса, почётный доктор Волгоградского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки, замечательнейший человек...

Шаховский Виктор Иванович родился 9 января 1939 г. в г. Николаевск Волгоградской области. В 1966 г. поступил в аспирантуру Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской (МОПИ имени Н. К. Крупской – бывшее название Московского государственного областного университета – МГОУ). По окончании аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию, в которой начал исследование, посвящённое анализу отражения

эмоций в английском языке. Вся дальнейшая творческая научная жизнь Виктора Ивановича была связана с решением проблем эмоциональности языков.

Докторскую диссертацию «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» В. И. Шаховский защитил в 1988 г. В ней он представил свою концепцию эмотивности языка и эмотивной коннотации, дал описание лингвистической концепции и средств категоризации эмоций в русском, английском и немецком языках, предложил ряд новых теоретических понятий (эмотивная валентность, эмотивный текст, эмотивная номинация и деривация, эмотивная компетенция), обосновал способы лексикографической фиксации эмотивной семантики слова и фразеологических единиц.

Большую часть своей жизни В. И. Шаховский отдал служению в Волгоградском государственном педагогическом университете, где совместно со своими аспирантами и докторантами разрабатывал различные аспекты теории эмотивности языка: лингвокультурологию эмоциональных фрагментов национальных картин мира; эмоциональный дейксис вербального поведения человека; эмоциональную рамку высказывания; эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста; личностные эмотивные смыслы текста и высказывания, эмотивные лакуны в межкультурной коммуникации; языковую игру как форму манифестиации эмоций говорящего; эмотивный код языка; эмоциональные смыслы и доминанты текста; эмотивную компетенцию межкультурных коммуникантов и др.

Работы В. И. Шаховского опубликованы во всех центральных и академических журналах СССР и России, а также в

США, Германии, Испании, Китае, Болгарии, Словении, Польше.

Термин *лингвокультурология эмоций* ассоциативно связан с именем Виктора Ивановича Шаховского, а его книга «Лингвистическая теория эмоций» имеется в личной библиотеке каждого современного филолога.

Встречи с Виктором Ивановичем на долго оставались в памяти, поскольку всегда поражали его рыцарское поведение, непередаваемое словами обаяние, широта филологической эрудиции, творческий блеск в глазах, бескомпромиссность в спорах...

Эмоциональность языка – это вопрос, который навсегда связан с человеком говорящим, поэтому книги В. И. Шаховского будут востребованными ещё очень долгое время.

А это значит, что память о Викторе Ивановиче Шаховском будет жить!!!!

Э. А. Сорокина

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ellasor@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elvira A. Sorokina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: ellasor@mail.ru

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полно-текстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

2022. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,75, уч.-изд. л. 10,25.

Подписано в печать: 28.02.22. Выход в свет: 21.03.22. Заказ № 2022/02-09.

Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А